

СДЕЛКА, В КОТОРОЙ НЕТ
ПРАВИЛ

ПОДЧИНЕНИЕ

Тальяна Орлова

Елена, сотрудница рекламной фирмы, очень скромна. Да она всю жизнь мучается от собственных комплексов! Неожиданное внимание шефа выбивает из колеи. Но когда она попадает в неприятности, то находит выход - обратиться к Максиму Александровичу, которому недавно грубо отказала. И теперь правила изменились: она сама упустила тот шанс, когда Максим собирался учитывать ее интересы.

Глава 1

Я никогда всерьез и не задумывалась, нравился ли мне Максим Александрович. То есть нравился, конечно, как и всем вокруг: такие люди привлекают к себе внимание в любом случае, даже если обладают отвратительным характером. Но Максим Александрович в любом аспекте был приятен: всегда вежлив, терпелив и строг только в такие моменты, когда строгость необходима. Идеальный директор! При этом жгучий брюнет с темными глазами, которые почти всегда прищурены, не слишком улыбочливое смуглое лицо, высокий рост — Максиму Александровичу бы мачо в эротическом фильме играть, а не производством рекламных услуг заведовать. Но судьба, к вящему счастью всего персонала, распорядилась иначе и направила его тем путем, коим он и оказался главным человеком в нашем офисе.

Именно всеобщая влюбленность в шефа и послужила предпосылкой для изменения моего положения. Сначала Маргарита Ивановна в шутку заметила, что Максим Александрович выделяет меня — «пялится», ее же собственными словами выражаясь. И ведь нечего больше делать престарелой бухгалтерше, как породить слухи! Но после этого и остальные начали замечать: Максим Александрович, заходя в отдел, постоянно выискивает меня взглядом; Максим Александрович смотрит мне вслед; Максим Александрович никогда не обращается ко мне по имени, как ко всем, — дескать, это признак какого-то особого романтического смущения. И поначалу все это было лишь веселыми шутками, подколками, типичными для любого коллектива. Сама я отшучивалась в ответ, потому как считала происходящее веселой выдумкой — надо же что-то обсуждать при отсутствии более интересных событий. Внимания же Максима Александровича я не замечала — наоборот, казалось, он постоянно был мною недоволен. И его придирки к моей работе совершенно не выглядели придирками, даже если выискивать подводные камни: я, недавно устроившаяся после института, на самом деле еще многого в работе не понимала, я действительно перепутала данные, когда в конце прошлого месяца составляла отчет, я, без всяких там придирок, не отличалась инициативностью и креативным мышлением. Точно такие же замечания делал бы мне любой другой руководитель.

Но все изменилось буквально за один вечер. К концу рабочего дня я жаловалась девчонкам, что мне ехать на другой конец города — сегодня у отца юбилей. Дорога займет часа два, то есть в любом случае опоздаю, а папа терпеть не может оправданий. Татьяна удивилась:

— Ты могла ведь отпроситься! Максим Александрович бы понял — уж в твоём случае точно! — и захихикала, поддерживаемая остальными.

Именно из-за этого я не отпросилась! Словно не хотела лишний раз подчеркивать мое привилегированное положение. Он бы отпустил — ведь не каждый день о таком прошу. Как отпустил бы любую другую. Но в случае любой другой никто бы не выискивал в этом событии тайных знаков...

Я отмахнулась:

— Да ничего! Я тут и двух месяцев не работаю, а уже отпрашиваться! Ладно, позвоню и предупрежу, что сильно опоздаю — лучше по телефону все о себе выслушать.

— Как же так?! — вдруг неестественно громко вскрикнула Аня. — Столько проблем! Может, на такси, чтобы хоть чуть раньше?

Подхватила и Маша:

— Просто ужас! Да ты сейчас только до метро добираться минут сорок будешь!

Я взяла со стола телефон и непонимающе уставилась на них:

— Да ничего страшного...

И, уловив их взгляды, спонтанно обернулась. Там стояла серьезная причина их неожиданной фальши — они решили лишь немного сгустить краски. И Максим Александрович их не разочаровал, зато мне подписал пару смертных приговоров:

— Куда-то опаздываете? Пойдемте, я вас подвезу. Макет доделаете утром.

Я хоть и растерялась, но способность мыслить не потеряла — и потому выбрала самый правильный вариант:

— Спасибо, не нужно. Я сама.

— Настаивать не буду. Маргарита Ивановна, перекиньте мне на почтовый ящик документы, я дома посмотрю.

На юбилей отца я опоздала, отчего он был весь вечер недоволен. При этом никто и не заметил, что брат на торжество вообще не явился. Но мне казалось, что иного пути не было: прими я предложение Максима Александровича, с завтрашнего же дня атмосфера в офисе бы усугубилась. Но выяснилось, что я ошиблась — она усугубилась бы неизбежно. Оказалось, что вчерашнее посчитали чуть ли не признанием в любви. Шутки продолжались, но теперь я чувствовала под ними скрытую злость:

— Твой опять на поставщиков орет!

Татьяна то же самое говорила и вчера, но вчера при этом улыбалась.

— А может, в личной жизни у него не порядок, а, Леночка?

Вот этого вчера не было. Что-то новенькое. И чем дальше, тем больше. Убедив себя окончательно, что под их предположениями есть почва, девочки перестали веселиться и теперь захлебывались ревностью. Один Никита по привычке помалкивал, наверное, всерьез опасался привлечь к себе внимание оголтелой толпы. Еще через пару дней со мной говорили открытым текстом, даже не пытаясь обернуть в шутку:

— Зря ты, Леночка, из себя скромницу строишь. Хвостом-то вертеть умеешь, как никто!

Это я умею вертеть хвостом?! Да у меня серьезные проблемы, если кто не знает — я из-за своей зажатости уже столько натерпелась! Встречалась в институте с одним парнем: прыщавый, худющий и такой же неуверенный в себе, как и я. Он мне даже никогда особенно не нравился, да только когда подошел, краснея пятнами, я отказать не смогла. Ведь на своей шкуре знала, как живется нерешительным людям! И потом несколько месяцев мусолила эти отношения, потому как боялась, что никому больше не буду нужна. Егор, кстати, бойфрендом был замечательными и во многом мне помог — самооценка от его комплиментов хотя бы немного встрепенулась. Он называл меня красавицей! Не знаю, насколько преувеличивал, но факт остается фактом: при неплохих, в общем-то, внешних данных я никогда не умела себя преподнести. А потому со временем перестала пытаться. На работу ходила в простой и скромной одежде, не красилась, да и сутулилась точно так же, как всегда раньше. Немного найдется мужчин, которые при такой подаче, смогут рассмотреть мои зеленые глаза или неплохие волосы. А если и найдутся, то точно не потому, что я перед ними хвостом крутила! И даже на незаслуженные обвинения я ничего не отвела — что еще добавить про мою закомплексованность?

Через пару дней Максим Александрович ждал меня на выходе из офиса возле своей машины — и это точно не могло улучшить всеобщее настроение. Но что я могла поделать? Когда окликнул, конечно, подошла.

— Мне нужно с вами поговорить, поэтому давайте я вас все-таки подвезу?

Я обернулась: на крыльце стояла ошарашенная Татьяна, разинув рот. Сил у меня не осталось даже на переживания, поэтому я молча кивнула и села в автомобиль. Пристегнулась. Как только Максим Александрович занял свое место, тихо назвала адрес.

Я снимала квартиру совсем недалеко, поэтому уже через десять минут машина остановилась возле моего подъезда. До этого момента Максим Александрович так ничего и не сказал. И лишь припарковавшись, повернулся ко мне. Я же пялилась в лобовое стекло, боясь еще и раскраснеться.

— Елена, можно, я задам вам личный вопрос? — я глянула на него и тут же снова отвела взгляд. Кивнула. — Вы замужем или встречаетесь с кем-нибудь?

Я некрасиво, как рыба, открыла рот и глотнула воздуха. Потом все же посмотрела на него. Девочки были правы — я ему симпатична! И как серьезный человек он вряд ли начал бы донимать меня в офисе. Максим Александрович, так и не дождавшись ответа, вдруг улыбнулся — я впервые видела такую широкую улыбку на его лице:

— Это просто вопрос, Елена. Чтобы не возникло недопонимания в дальнейшем.

Я совершенно точно ему нравлюсь! От этой мысли почему-то хотелось закричать — слишком много эмоций накатило разом! Да чем я могла привлечь мужчину, в которого влюблены буквально все?! Буквально с первого взгляда! Я ведь не задумывалась всерьез о каких-то возможностях, как разумный человек не мечтает всерьез о браке с известным киноактером!

— Я... нет. В смысле, не замужем...

Большого я из себя выдавить не смогла. Максим Александрович неожиданно нахмурился:

— Хорошо, потому что у меня на вас есть планы. Но бегать я ни за кем не собираюсь, поэтому говорю сразу прямо. И отказ не отразится на вашем положении в фирме.

— Планы?

Возможно, моя реакция его начала раздражать — от улыбки не осталось и следа:

— Да. Но все должно быть по полному взаимному согласию. Я люблю — как бы выразиться, чтобы вы тут же в страхе не сбежали? — э-м-м... доминировать. Долго наблюдал за вами и пришел к выводу, что вам прекрасно подойдет... подчинение.

— Подчинение?

— Да! — он повысил голос. — В постели. В сексе. В жизни.

Я охнула. Вот это неожиданно и неприятно! Оказывается, ему понравились вовсе не глаза или фигура, а моя зажатость! Господи! Это последний гвоздь в крышку моих комплексов. Последняя капля моих многолетних страданий! Я в самом деле провожу впечатление человека, которого хочется заковать в наручники и отшлепать?! Никакой тебе любви, никакой нежности — а только жуткий БДСМ? Черт возьми! Черт меня раздери на куски, чтобы я от стыда перестала существовать!

— Елена? Я ни в коем случае не требую ответа сейчас. Мы могли бы узнать друг друга...

— Нет! Ни за что! — я кричала, но причиной тому было не только текущее настроение — это копилось несколько дней. Сейчас пришло самое время кричать в полный голос, а иначе накопившееся меня бы разорвало. — Кто я, по-вашему?!

— Подождите... — он говорил мягко. Взял меня за запястье, но тут же отпустил и поднял открытую ладонь вверх: «Не трогаю, не трогаю». — Я понимаю, что с нуля — это

всегда кажется слишком, но хочу предложить вам просто попробовать. Поверьте, ничего против вашей воли не случится...

— Нет! — рявкнула я. — Да вы мне вообще никогда не нравились! А уж после такого... Это же в голове не укладывается! В нормальной голове такое не укладывается, слышите? Да вы же просто...

Я скривилась от отвращения, а потом вылетела из машины. Только в подъезде остановилась и начала дышать. И тут же себя винить — какая глупая детская реакция! Максим Александрович открылся и ни к чему ведь меня не принуждал. Достаточно было ответить спокойно: «Меня это не интересует». Или что-либо другое! А я его фактически в лицо извращенцем назвала. Да еще и так истерично. Это просто нервы — нервы сдали в самый неподходящий момент. Завтра обязательно зайду в его кабинет и извинюсь. Просто скажу: «Извините за вчерашнее», и на этом вся история будет закончена.

Но утром, когда я положила бумаги от Маргариты Ивановны шефу на стол и сказала запланированное, Максим Александрович совершенно без эмоций глянул на меня и ответил:

— Не извиняйтесь. Вы мне вообще ничего не должны, если это выходит за рамки рабочих обязанностей.

Я улыбнулась облегченно и вышла из кабинета.

Как Максим Александрович и обещал, его отношение ко мне не изменилось. Или нет? Со временем шутки в коллективе стали стихать, будто отмирали сами собой без подпитки. И однажды Аня, забывшись, мечтательно сказала — совсем как в самом начале:

— Интересно, у него есть невеста? А то все в работе, в работе. Такое тело без дела пропадает!

— Ага, — поддакнула Маргарита Ивановна. — Я уж думала, он к нашей Леночке неравнодушен, да уже как-то и не смотрит на нее... Девочки, а может быть такое, что он гей?

— Не-е-ет! — возмутилась Маша.

— Да-а-а, — в тон возразила ей Катя. — С этой мыслью жить намного легче!

Татьяна тоже в стороне не осталась:

— Никит, а ты как думаешь, наш красавчик гей или не гей? У тебя глаз на такое не наметан?

— Не знаю я. И я женат, если вы не в курсе! — буркнул Никита. Все были в курсе, просто мало тут кому приходило в голову, что и без подколок можно прожить.

Через месяц никто про нас шефом не фантазировал — ни в качестве шутки, ни с ревностью. Потому что Максим Александрович перестал давать малейший тому повод.

Глава 2

Денис, мой брат, с подросткового возраста приносил одни только неприятности. А еще говорят, что все зависит от воспитания. Ха! — только и ответила бы я таким грамотеям. Разве нас с Денисом воспитывали разные люди в разных условиях? Но он, будучи младше на три года, уже с первого класса отставал в учебе, а с десятилетнего возраста чуть ли не ежедневно огорошивал родителей очередной неприятной новостью: то он подрался, «защищая честь прекрасной дамы», то совершенно заслуженно обматерил учителя, то случайно попался полицейским, когда они с друзьями разбирали беседку в детском саду, чтобы развести костер.

Ни о каком институте родители даже не заикались, и без того были рады, что Денис хотя бы аттестат получил и до сих пор не вляпался во что-то на самом деле серьезное. Самым же удивительным было то, что и родители, и я его безумно любили. Вот бывают такие люди, в которых ничего на первый взгляд хорошего не найдешь, но в их присутствии будто все оживают. Возможно, брат не отличался излишней серьезностью, но при этом всегда был добродушным пареньком, умеющим извиняться и признавать свои ошибки. Быстро забывалось и то, что ошибок накопилось уже столько, что пора бы кому-то о них и вспомнить... но стоило Денису улыбнуться и извиниться, как очередной счет обнулялся.

Но в середине сентября раздался тревожный звонок от мамы — Денис куда-то пропал. Он часто пропадал раньше, на пару дней, но на этот раз о нем не слышно уже неделю. Телефон отключен, ближайšie друзья не в курсе... В полиции заявление приняли, но участковый, который про моего непутевого родственничка знает не понаслышке, без зазрения совести ухмылялся. Мама не злилась на него — тоже надеялась, что поводов для паники пока нет.

Само собой, первой в голову пришла мысль, что брат наконец-то догнал свои неприятности, которые так долго и упорно догонял. Я места себе не находила, и на работе была рассеянной.

— Елена, будьте любезны, соберитесь, — сказал Максим Александрович, когда я в очередной раз неправильно набрала текст.

Я извинилась, это в последние пару дней уже вошло в привычку. Девочки, давно забывшие про старое напряжение, узнав о проблеме, пытались поддержать.

Кажется, я подсознательно ждала плохих новостей. А если этот балбес явится, как ни в чем не бывало, точно врежу ему от всей души! Я за пару дней накрутила себя до состояния натянутой струны. И, когда посреди ночи в мою дверь отчаянно задолбили, подскочила, успев за долю секунды представить самое худшее. На пороге стоял Денис! Я сначала обняла его, а уже потом осмотрела: брат был живой, но не в полном смысле этого слова. Лицо разбито в кровь, щека ненормально раздулась и лопнула на скуле, а руку он болезненно прижимал к груди.

— Что...

Он ввалился внутрь и здоровой рукой захлопнул дверь. Я мгновенно собралась, сейчас не лучший момент для обморока:

— Иди в зал, я аптечку принесу. Рука сломана?

— Наверное, — протянул Денис. — И дышать больно. Но нет, в больницу мне пока нельзя!

Об этом я и без его комментариев догадалась. Села рядом, достала вату и смочила вонючей перекисью — хоть раны обработать, потом стянем БФ-клеем. Будет жутко больно, но Денис заработал и не такое наказание. Зато к утру он уже будет выглядеть намного лучше, вот только что с рукой делать? Поскольку вопросы я так и не сформулировала, Денис начал объясняться сам:

— Вляпался я, сестренка. По самые помидоры! И теперь не знаю, что делать — хоть с балкона твоего сигай.

— Первый этаж. Подождет. Утром матери позвонишь, она места себе не находит! И потом уже сигай.

— Ленчик... Я это... короче, вляпался!

— Это я уже слышала. Жду подробностей.

Он скривился, увидев в моей руке тубик, но возражать против экзекуции не стал. Через пару минут пытка осталась позади.

— Короче, слушай. Андрюха работенку подогнал — ну... Ты только сразу не ори, а до конца дослушай. Короче... это... мет толкать.

— Наркотики?! — я вытаращила на него.

— Угу. Добро пожаловать в реальный мир, сестренка. Но дело вообще не в мете... Дали мне, короче, место — возле ночного клуба: стоишь себе, не отсвечиваешь, клиентура сама знает, где искать и сколько стоит. Думал, просто подзаработаю на хату, от родичей съеду — все им полегче. Короче...

— Давай уже на самом деле короче! — не выдержала я.

— А там неподалеку другая точка. Ну, вообще не наша территория. Прогуливаюсь я себе мимо, гляжу, а толкача на смене нет. И пара нариков по стенам шкерятся, ждут. Вот я и думаю, помогу людям... пока толкача нет. Помог. Клиенты довольны, я с выручкой. На другой день думаю, снова помогу. А меня уже братки местные увидели и поймали. Короче, объясняли долго и больно, что нельзя на чужой территории свой мет толкать. Я так-то сразу понял, а они все объясняли и объясняли. Потом товар и бабло отобрали. Прихожу я, значит, к поставщику, а он прямо взбесился похуже предыдущих — там вообще одни психи! Я ему, видите ли, чуть ли не третью мировую войну с конкурентами развязал, ему, видите ли, теперь жопы всему району вылизывать, чтобы никаких претензий не осталось... Выгнал он меня, но с долгом. И неделю щедро подарил.

У меня сердце рухнуло вниз:

— Сколько?

— Два ляма.

— Долларов? — глупо переспросила я.

— Рублей! Стало легче?

Я покачала головой, прикидывая в уме. Друзья у Дениса примерно такая же оторвань — они помогут, но больше сотни не соберут, даже если свои истрепанные жизнью почки продавать начнут. У меня на карточке десять тысяч, и следующая зарплата положение не слишком улучшит. Родителям можно рассказать, но у них свободных денег никогда не бывает. На какую сумму я смогу взять кредит? Денис тем временем продолжал:

— Они адрес мой знают, понимаешь? Я б вообще отсюда утек, но они к родным придут. Мамке... могут что-нибудь сделать, понимаешь?

В этом весь Денис и есть: проблема на проблеме да проблемой погоняет. Но сбежать и оставить нас под угрозой не смог бы, хоть его на части резать будут. И ко мне бы не пришел,

если бы было куда пойти. Я решительно встала:

— Собирайся, поедem в травмпункт. У тебя же есть неделя? За неделю что-нибудь решим.

— Да что мы там решим? — он устало отмахнулся. — Я подумал, может, тачку угнать?

— Придурок!

— А что делать-то еще? Умирать?

— Для начала гипс. Через неделю и умрешь, но с гипсом.

Возможно, оттого, что хоть с кем-то поделился, Денис и сам заметно успокоился. В травмпункте выяснили, что перелома нет, но ушиб будет болеть долго — а ему и это радостная новость.

С утра началась свистопляска. Маме по телефону сказала, что Денис подрался — ничего страшного, поэтому ей приезжать не стоит. И ему очень стыдно, что заставил ее переживать. Сообщать родителям о проблеме будем в последнюю очередь. В обеденный перерыв сорвалась в банк. Там ответили, что могут выдать не больше трехсот тысяч. Я оформила кредит, пытаясь не задумываться о процентах и своей зарплате, которая сильно подтаяла на годы вперед. Денис вечером сказал, что обзвонил всех приятелей — общими усилиями к концу недели смогут собрать почти двести тысяч. Это намного больше, чем я ожидала! И до сих пор не хватало полтора миллиона.

Денис решил пойти к дилеру этой же ночью — отдать пока хотя бы часть, пусть видит, что он отнесся серьезно! И, может быть, тогда получится выторговать еще пару недель. Вернулся домой с новым синяком и без хороших новостей. Сполз по двери вниз, зажал голову руками и разрыдался. А он, кажется, даже маленьким не плакал. Когда все закончится, я сверну ему шею! Но пока только села рядом и обняла.

Через два дня, когда его лицо уже не выглядело так страшно, устроился в кафе — посуду мыть. Он и сам понимал, что это не выход — просто хотел показать мне, что переосмыслил установки. Сказал, что хотя бы кредит поможет выплачивать. Тогда же вернулся к родителям. Дни отщелкивались так быстро, что не давали времени даже варианты в голове перебрать.

В пятницу я застыла перед входом в офис. Уже опаздывала, но никак не могла взять себя в руки. Максим Александрович отчитает, но это первое мое опоздание, поэтому я подарила себе еще несколько минут заторможенности. Стояла и разглядывала его машину. Сколько стоит такая модель? Эта глупая, ни к чему не приводящая мысль, вертелась в голове, будто замкнулась в круг.

— Елена?

Я обернулась.

— Здравствуйте, Максим Александрович. Извините за опоздание.

Он холодно окинул меня взглядом с головы до ног.

— Я пожалею, что спросил, но что с вашим лицом?

Понятия не имею! Зареванное? Невыспавшееся? Или решительное? Я сделала шаг к нему:

— Максим Александрович, у меня дома небольшие проблемы...

— Точно. Пожалел, что спросил.

И он пошел мимо меня — вероятно, собирался ехать на деловую встречу. Я судорожно схватила его за локоть:

— Вы можете занять мне денег? В смысле, под зарплату, конечно.

— Я не кредитор, Елена. Хотел бы смотреть на такие лица — работал бы в банке.

— Максим Александрович, пожалуйста!

Он все же остановился, я отпустила руку. Промелькнул знакомый прищур вкупе с незнакомой улыбкой.

— Сколько нужно?

— Полтора миллиона.

— Долларов? — вот! Так и знала, что мой вопрос Денису не был таким уж и нелепым!

— Рублей.

— Я не кредитор. В долг не даю никому. Я только плачу за работу.

Понимая, что другого выхода нет, и прямо сейчас он уедет, я решила окончательно:

— Я... вы тогда были заинтересованы в... Я...

Улыбка поползла в сторону, глаза сузились еще сильнее:

— В машину. Там обсудим.

Думала, что от волнения упаду, но почувствовала прилив сил. Да, я о таком варианте раньше не думала, но разве Максим Александрович мне не нравился, разве я не считала его сексуальным, разве мне придется заставлять себя его желать? А его странные наклонности... Ну что ж, можно пережить, если Дениса этим выручу.

В машине попыталась смотреть прямо — теперь уже поздно сдавать назад. Но не выдержала и потупила взгляд.

— На меня смотри, — Максим Александрович перешел на ты. Я подчинилась, но от этого только больше смутилась. — Уверена?

— Да... Да! — повторила, чтобы прозвучало тверже. Но изнутри раздирали сомнения — мне даже некогда было подумать, на что я соглашаюсь!

— Условия?

— Я... я не люблю боль, — поняла, что сейчас последний шанс выдвинуть хоть какие-то требования. — Но готова терпеть... в пределах разумного.

— Секс?

— Д... да.

Он усмехнулся:

— Ты понимаешь, что именно это я тебе предлагал месяц назад?

— Понимаю.

— В глаза смотри, — он не повышал голоса, но говорил холодно. — Все эти условия уже неактуальны.

— Вы... больше не заинтересованы?..

Он смотрел так пристально, будто наслаждался моим смятением:

— Заинтересован. Но на других условиях.

— Каких?

— Теперь не будет никаких правил. И срок — это будет не один раз, а, скажем, неделя. Обещать могу только то, что ты останешься живой и здоровой. Во всем остальном — никаких правил.

Воображение нарисовало семь кругов ада — как фотоснимком отпечатало. Я всхлипнула:

— Зачем вы так?

— Потому что мне нужен интерес. Я тебе не нравлюсь, а значит, ты уйдешь сразу после этого срока. Соответственно мне незачем строить из себя пайнюку. Не нужно делать так,

чтобы тебе понравилось, не надо вовлекать в Тему, не надо ни в чем себе отказывать. Потому и условия другие.

Он ведь сказал «живой и здоровой»? Значит ли это, что каких-то особенных увечий не предполагается?

— Согласна, — но голос мой дрожал.

— Тогда переезжаешь ко мне. Можешь уйти в любой момент. Но деньги получишь только через семь дней.

Я сжалась от отчаяния:

— Деньги... они нужны завтра. Крайний срок.

Максим Александрович рассмеялся:

— Так дело не пойдет! Выходите, Елена, мне нужно ехать. И забудьте об этом разговоре.

Какие гарантии я могу ему дать? У меня даже квартира съемная!

— Я... расписку могу дать! У нотариуса заверим! Если уйду раньше, то останусь вам должна!

Он снова посмотрел на меня, а я обрадовалась, что он не окончательно потерял интерес к сделке.

— Ты так и хочешь сделать из меня кредитора! У кого-нибудь из родных есть недвижимость?

— Да, — обреченно согласилась я.

— Вот тогда жду расписки от них. А срок увеличивается до двух недель.

— Ладно.

— Не «ладно», а «все, что захотите», — он беззастенчиво смеялся. — И пока ответ не принимается. Подумай хорошенько и звони только в том случае, если других выходов не найдешь. Потому что я, поверь, точно не лучший для тебя вариант. Не после твоих признаний в этой же машине раньше. Уж это я тебе гарантирую.

— Так и будешь стоять на пороге, как контуженная?

Я нерешительно переминалась с ноги на ногу. Это было достойное завершения ужасного дня. Еще вечером я отправилась к родителям и рассказала им ту часть правды, которая была необходима. Денис, смиренно потупив взгляд, и не думал возражать. Нет ничего страшного, если они этому переростку решат наконец-то всыпать ремня! И пока маму не хватил удар, сообщила, что проблему решить можно: мой начальник готов занять необходимую сумму. Единственное его требование — залог имущества. Родители размышляли недолго и согласились, они не усмотрели в просьбе Максима Александровича ничего подозрительного. «Мы все ему вернем! — говорили они. — Какой великодушный человек, даже проценты не назначил!»

Самым отвратительным было наблюдать, как они его еще сердечно благодарили за помощь, вручая в юридической конторе расписку. Со стороны его жест действительно выглядел щедрым — помог в безвыходной ситуации. Но я не могла оценивать ситуацию объективно: в случае, если не выдержу установленных двух недель и сбегу, моя семья потеряет квартиру. Даже Денис не заподозрил неладное — так был рад разрешению собственной проблемы. Легкомысленный идиот, считающий, что все блага сами валяются ему на голову!

Дела были улажены, и по договоренности я вечером собрала сумку и отправилась по названному адресу. Максим Александрович открыл дверь и отступил, пропуская внутрь, а я все никак не могла решиться. Потому и мялась на пороге.

— Или сделай еще шаг, или разворачивайся и уходи, — сказал раздраженно.

Будто сам не знает, что уйти я не могу! Он не зря связал меня по рукам и ногам... пока в переносном смысле. А теперь стоит, наслаждается властью! Красивый. Одетый непривычно — футболка и спортивные штаны. Такой домашний... и такой совсем незнакомый.

Я заставила себя пройти, бросила сумку под вешалкой. Квартира ожидаемо оказалась шикарными апартаментами: огромная гостиная, высокие узкие окна сразу с двух сторон, а там, дальше — двери в другие комнаты. Чтобы наладить хоть какой-то диалог, пробубнила:

— Извини, что так поздно, — я в самом деле тянула время до последнего. Оттягивала неизбежное. Но соглашение все-таки не нарушила — явилась без четверти двенадцать.

Он подтолкнул меня в спину, вынуждая пройти дальше.

— Запоминай: обращаться только на вы, в квартире называть «господин», за пределами — по имени-отчеству, не переспрашивать, не спорить, не кончать, пока не разрешу. Это, как минимум, значит, что мастурбация без разрешения запрещена. До сих пор все понятно?

Я смотрела на него расширенными глазами. Мастурбация? Последнее, что я собиралась тут делать! Выдавила:

— Да... господин.

И почувствовала себя нелепо — одно это слово делало всю ситуацию какой-то неестественной.

Максим обошел меня, сел на диван, раскинул руки по спинке.

— Теперь раздевайся.

Вопрос застрял в горле, я успела его подавить. Разве не на подобное я настраивалась почти целый день? Расстегнула верхнюю пуговицу блузки.

— Быстрее. Сегодня у меня нет настроения тянуть. Будем считать это предварительным знакомством.

Пальцы задрожали, но я повиновалась. Быстро скинула блузку, потом стянула юбку и бросила на пол. Замерла на секунду — и без его торопящего взгляда понимала, что должна раздеться полностью. Расстегнула бюстгальтер, закрыла глаза, снимая с плеч лямки.

— Смотри на меня!

Сняла трусики, не прерывая зрительного контакта, и тоже откинула. Тело дрожало от нервного напряжения.

— Убери руки, не закрывайся.

Он встал, подошел ближе. Положил ладонь мне на грудь и несильно сжал. Потом уцепил пальцами сосок и немного потянул. В этом движении не было ничего нежного или эротичного — Максим изучал меня, как новую игрушку. Повернул спиной к себе, провел пальцами по позвоночнику, заставив всю сжаться, потом снова развернул к себе лицом.

— Ты куришь? Отвечай.

— Нет, господин.

— Девственница?

— Нет, но...

— Я не интересовался подробностями. Хронические заболевания?

Такого стыда я, кажется, за всю прошлую жизнь не испытывала.

— Нет.

— Когда были месячные?

— Что?

И тут же получила пощечину — не слишком сильную, но от неожиданности вскрикнула.

— Не переспрашивать, не задавать вопросов. Уже забыла?

— Я... пять дней назад...

— Пьешь противозачаточные?

— Н... нет.

— С сегодняшнего дня пьешь. В твоей комнате на тумбе. Когда был последний половой контакт?

— Я... не помню... Год... больше года...

Лицо горело: от пощечины, от стыда, от волнения и полного непонимания происходящего.

— Успокойся, — вопреки сказанному, голос его был холодным. — Сегодня ничего особенного я не планирую, если будешь послушной. Всерьез начнем завтра. Но достаточно времени на привыкание я тебе не дам.

Даже это вызывало облегчение. Сейчас я была такой испуганной, что отсрочка на несколько часов сделала меня счастливой. Но не успела я обрадоваться, как последовал приказ:

— Ложись на пол, раздвинь ноги и согни в коленях.

— Что?

Вторая пощечина была чуть сильнее предыдущей. Я прижала ладонь к щеке и поспешила выполнить распоряжение. Легла спиной на мягкий белый ковер, а сердце снова заколотилось, словно пыталось оглушить меня дробью.

— Ноги.

Я заставила себя принять унижительную позу. Зажмурилась на миг, но снова открыла

глаза — уже знала, что он именно этого потребует.

Максим сел рядом боком, положил пальцы на мои губы, потом повел вниз — по шее, груди, животу, остановился на внутренней стороне бедра и надавил, заставляя раскрыться сильнее.

— Тебе стыдно? Отвечай.

Я старалась смотреть ему прямо в глаза, вся воля уходила только на это:

— Да, господин.

— Научись получать от этого удовольствие — себе же сделаешь лучше. Расслабься, но глаза не закрывай, — я попыталась отпустить напряжение, но у меня не выходило. — Сейчас мне от тебя нужно только одно — и на сегодня будешь свободна. Мне нужно знать, как ты кончаешь.

И его пальцы тут же нырнули в промежность. Я дернулась.

— Я...

Он замер, прищурился:

— Говори.

— Я... не испытывала оргазм... раньше, — мне казалось, что очень важно это сказать сразу. Чтобы он не требовал от меня невозможного.

— Разве я разрешал тебе сводить ноги?

Никакого эффекта мое признание не возымело — ему было все равно. Я снова развела колени. Было мучительно стыдно, но я боялась вызвать его раздражение.

Пальцы внутри сначала погрузились немного во влагалище, а потом скользнули вверх. Сначала было неприятно, но потом они нашли точку, при прикосновении к которой мне захотелось скрутиться.

— Ноги, — сейчас он сказал совсем мягко, почти ласково.

Я же терялась, кое-как себя контролировала, чтобы не сжать бедра. Круговое движение заставило немного выгнуться. Еще один круг, нажим сильнее — вырвался стон.

— Тебе так нравится?

Я отрицательно мотнула головой. Но он только тихо рассмеялся. Следующий круг, а потом пальцы заскользили по маленькому участку, все быстрее. Бедрa сами подались вверх, я закусила губу, чтобы не стонать.

— Смотри на меня, — снова мягко.

Выполняя его приказ, я не могла ни на чем сосредоточиться — невозможно одновременно пытаться смириться с растущим возбуждением, но при этом видеть, как он всматривается в мое лицо, ловя каждую реакцию. Пальцы внутри ускорились настолько, что я уже не могла сдерживаться: выгибалась, морщилась, будто мне было больно, мычала и иногда выдавала стон. Максим теперь держал мое колено другой рукой, не позволяя изменить положения.

— Давай же, кончи для меня.

Меня срывало. Я уже не могла сдерживаться и сама подавалась на пальцы — еще быстрее. Если бы он поцеловал меня, позволив отвлечься, если бы разрешил хотя бы закрыть глаза, то мне хватило бы секунды, чтобы достичь пика. Но меня словно подбрасывало на волну, а потом снова швыряло обратно — и поднимало на новой волне. И он не останавливался, только смотрел еще внимательнее.

Произошло все слишком неожиданно — за долю секунду все тело сжалось, а потом будто взорвалось. Рот открылся, но я даже стона не издала. Неконтролируемо зажмурилась,

даже пальцы напряглись до боли, судорожно сжимая ворс. Еще два движения по клитору умелыми пальцами, выбивающими остатки оргазма, а я оцепенела от ощущений.

Едва расслышала очередное требование:

— Хорошо. А теперь поблагодари.

— Спасибо... господин, — прохрипела, как только смогла.

— Постарайся, чтобы в следующий раз это прозвучало искренне.

Он отпустил меня и поднялся на ноги. Я перекадилась на бок и свернулась, подтянув ноги. Слишком поздно, чтобы закрываться. Слишком стыдно, чтобы эта поза сейчас хоть немного помогла. Поэтому протянула руку, схватила свою одежду и попыталась встать.

— Все свои вещи, — он поддел ногой мои трусики и подкинул их мне, — убери в сумку и чтобы я их больше не видел. Надевать можешь только то, что найдешь в комнате, — он кивнул на крайнюю дверь. — Завтрак в восемь. До этого времени из комнаты не выходи. Все ясно?

Я только кивнула, пытаюсь как можно быстрее скрыться от его взгляда. А серьезное он, значит, оставил на завтра? Воскресенье — выходной. Впереди целый день, чтобы свести меня с ума.

Глава 4

Хотелось упасть на пол и расплакаться от бессилия, но я остановила себя: еще ничего не произошло такого, чтобы сразу расклеиться! Если Максим Александрович хочет меня сломать, то я ему такого удовольствия не доставлю!

Поэтому включила свет и огляделась. Комната была небольшой, но со всей необходимой мебелью — узкая кровать, туалетный столик, шкаф и дверь, ведущая в маленькую ванную. Я заметила блистер с таблетками и тут же проглотила одну: мне возможная беременность после всей этой истории нужна еще меньше, чем Максиму. Открыла шкаф, внутренне готовая увидеть там сколь угодно откровенные наряды, но даже с некоторым изумлением отметила: несколько висевших на плечиках платьев вовсе не были подчеркнута открытыми. Немного короткие — як таким не привыкла, но и не ассоциирующиеся с образом шлюхи. Я приложила к груди одно, светло-зеленое, на широких лямках, и пожала плечами — ничего особенного, в подобном на улице многих увидишь! Вот только нижнего белья нигде не обнаружила. Он приказал убрать все мои вещи, значит ли это, что я ничего не могу использовать? А может, он просто забыл о белье? Через секунду осознала: Максим Александрович ничего не забыл, а если спрошу об этом, то ударит или накажет каким-нибудь другим способом. Возможно, ему не нужно, чтобы я выглядела как шлюха — достаточно, чтобы я ею себя чувствовала.

Отмывалась в душе два часа, но вода напряжение смыть не способна. Но расклеиться я себе не позволила! Всего лишь первый день, дальше будет только хуже. Расклеюсь, когда все закончится: вернусь в свою квартиру, залезу под одеяло и прореву пять дней кряду. Но не раньше. Максим Александрович считает меня слабой, да чего греха таить — я и сама всю жизнь так считала. Не настало ли время впервые хоть перед чем-то устоять?

Кровать была совсем небольшой, на одного человека, но меня смутили высокие спинки с металлическими рейками. Воображение легко подкинуло картинку, как можно их использовать, если под рукой есть наручники или крепкие веревки... Потрясла головой, отгоняя неприятные мысли. Спать придется голой — в шкафу не нашлось ничего, что можно было бы на себя накинуть и не бояться измять. Оглянулась на дверь, та не запиралась изнутри. Но с этим я тоже ничего поделать не могла.

Промучившись почти до самого рассвета, уснула, но через некоторое время снова открыла глаза. Около семи утра, а снаружи раздавался какой-то шум. Я хорошо помнила приказ не покидать комнаты до восьми, но любопытства не удержала. Тихонько приоткрыла дверь и выглянула в щелочку. Похоже, на кухне кто-то был: я точно расслышала, как звенят тарелки. Мелькнула фигура. Женщина, немолодая, по всей видимости, готовила завтрак. Ничего удивительного в этом я не нашла: кто-то готовит, кто-то убирает, вряд ли я считала, что Максим Александрович все по дому делает сам. Но мне бы очень не хотелось быть обнаруженной, поэтому я так же тихо прикрыла дверь. Унижение можно сделать в сто раз унижительней — если еще и будут тому свидетели.

Приняла душ, чтобы выглядеть немного бодрее после почти бессонной ночи, надела зеленое, расчесала волосы. Из зеркала на меня смотрело чужое лицо — бледное, застывшее, с равнодушно-отстраненными глазами. И будто впервые увидев себя со стороны, я отметила, что лицо это красиво. И стало бы прекрасным, добавь ему жизни. Натянуто улыбнулась — нет, так стало только хуже.

Без пяти восемь входная дверь хлопнула. У Максима Александровича даже кухарка выдрессирована! Ровно в указанное время я вышла из комнаты. Одновременно открылась и соседняя дверь.

— Доброе утро, Максим Александрович.

Он, как всегда, выглядел потрясающе — мокрые волосы добавляли и без того домашнему образу уютности. Но холодный голос вмиг разрушил приятную картинку:

— Господин.

— Доброе утро... господин.

Это слово при свете дня звучало совсем уж неуместно. Ночью еще можно убедить себя, что происходящее — игра, пусть и не слишком забавная. Но утром — это как признание, что у игры нет временных рамок, отчего она становится серьезней. Чтобы сгладить свою заминку, быстро добавила:

— Я могла бы готовить для вас! Или выполнять другую домашнюю работу — все, что прикажете... господин.

Надеялась, что он посчитает мое предложение шагом навстречу, но Максим Александрович уловил суть:

— Предпочитаю доверять профессионалам. А ты тут для других обязанностей — не получится выехать за счет видимости активной деятельности.

Да, я бы многое отдала, чтобы только стирать, гладить и вытирать пыль... Ведь это тоже считалось бы рабством! Он мог бы кричать на меня и отчитывать за подгоревший стейк — какое же, оказывается, наслаждение, когда на тебя просто кричат и отчитывают...

— Как скажете, господин, — я потупила взгляд, чтобы он не заметил разочарования.

— Завтрак готовит повар, она исчезает до восьми. Обедаю я обычно вне дома — в это время приходит домработница, наводит порядок. В пять приходит другой повар, варит ужин. Если знаешь распорядок, то ни с кем из них случайно не встретишься.

То, что у Максима Александровича все вокруг ходят по струнке, совсем не изумляет. Интересно, а как он наказывает повара за подгоревший стейк?.. "Никак", — ответила я сама себе. Увольняет в ту же секунду, а потом отыгрывается на таких, как я.

Я нерешительно посмотрела в сторону кухни. На столе были выставлены блюда под полукруглыми крышками. Интересно, он предложит мне позавтракать с ним или будет морить голодом? Я спокойно приму любой из вариантов. Лишь бы сегодняшний день пережить.

— Каждое утро у тебя будет одна обязанность. Сегодня и начнем.

Я уставилась на него, со страхом ожидая продолжения. Максим Александрович с интересом рассматривал меня — я уже знала этот взгляд, и сейчас точно речь не пойдет о бытовых мелочах.

— Сними платье и встань на колени.

Я неловко ухватила за подол, подняла вверх, потом рывком стянула одежду. Под которой, как и подразумевалось по правилам, не было ничего. Поежилась от собственной наготы, но опустила на пол.

Он подошел ближе, остановился прямо передо мной:

— Расстегни.

Пояснений не требовалось — и без того понятно, о чем он говорит. У меня пальцы задрожали так сильно, что несколько раз споткнулись о пуговицу, а потом на молнии его джинсов. На этот раз Максим Александрович не торопился, ждал и будто наслаждался моей

нерешительностью. На нем также не было нижнего белья. Едва я справилась с замком, Максим сам немного приспустил джинсы вниз, обнажая полувозбужденный член.

— Чего ты ждешь? Когда я сам себе минет сделаю?

Я подняла голову, но встретила только темный взгляд. Дыхание перехватывало. Я никогда ничего подобного раньше не делала и даже не примеряла на себя... Взять член в рот? Или попросить сначала, чтобы он хотя бы не кончал туда?

Максим нетерпеливо надавил мне на затылок:

— Помогай себе рукой, обхвати у основания.

Это я сделать могла. Член в ладони напрягся чуть сильнее. Я закрыла глаза, наклонилась и обхватила головку губами.

— Сначала оближи языком. Следи за зубами. Потом начинай двигаться и насаживайся как можно глубже. Если будешь помогать рукой, то все закончится быстрее.

Я провела языком по головке. Еще раз — чуть с большим нажимом. Член напрягся, я попробовала скользнуть рукой вдоль ствола и добилась очень скоро полной эрекции. От этого понимания спонтанно отстранилась, не в силах заставить себя продолжать.

— Это еще что такое? — поинтересовался Максим жестко.

Я отодвинулась еще немного. Было противно, но я заставила себя оправдываться, чтобы не разозлить его еще сильнее:

— Господин, пожалуйста! Я сейчас... сейчас возьму себя в руки. Я никогда этого не делала... сейчас!

Но едва взглянула на эрегированный член, неконтролируемо сжалась. И, вероятно, Максим Александрович заметил мою реакцию, поскольку мгновенно изменился. Он схватил меня за волосы и заставил подняться, бросил спиной на диван. Сам тут же навис сверху и упер член мне в губы.

— Рот открой.

И тут же надавил пальцами на щеки, обхватив лицо снизу — больно. Я была вынуждена приоткрыть, впуская. Он вошел резко, тут же назад и снова. Все ускоряясь, мощнее, толчками он трахал меня в рот, упершись руками в спинку дивана. Я сама не заметила, как вскинула ладони и вцепилась ему в бедра. Он замер.

— Руки убери за спину. Живо.

Я заставила выполнить приказ: сцепила руки за поясницей, отчего немного выгнулась вверх. Теперь ему стало удобнее проталкивать глубже, до самого горла. Из глаз брызнули слезы, я давилась и задыхалась, а он все продолжал и продолжал. Так долго, что у меня уже все тело сводило от неудобной позы. Он не щадил, входил еще резче, с невероятным напором. Тихо застонал или зарычал, а член будто напрягся сильнее. Поняв, что сейчас он кончит, не задумываясь о последствиях, попыталась извернуться, но он снова схватил меня за подбородок и до боли надавил на щеки над нижней челюстью. В горло дала струя спермы, еще толчок, еще. И только после этого он вытащил член изо рта. Зажал мои губы рукой и наклонился, чтобы я видела его глаза:

— Глотай.

У меня и выбора не оставалось, хотела вытереть слезы, но руки за спиной будто онемели.

— Поблагодари.

Я зажмурилась — просто не смогла бы произнести, глядя на него:

— Спасибо... господин.

— Теперь одевайся и пошли за стол.

Меня всю трясло, когда я тянулась за платьем. Максим так и стоял передо мной, спокойно застегивая джинсы.

— Понравилось? — я не ответила. — Так вот, каждое утро ты добровольно делаешь мне минет. И если вдруг я снова увижу брезгливое выражение лица, то мы повторим сегодняшнее — мне, в общем-то, все равно. А тебе?

Съесть за завтраком я так ничего и не смогла. Ковырялась вилкой в салате, чтобы не привлекать к себе внимания. Выпила, правда, три стакана сока, и только на последнем руки не дрожали так заметно, как вначале. На Максима Александровича я не смотрела.

Через пятнадцать минут напряженного молчания, Максим заговорил будничным тоном:

— На обед поедем в ресторан. Если нужно что-то купить — скажи. Будь готова к двенадцати. До тех пор можешь быть свободна.

Уже через секунду после этого распоряжения я скрылась в своей комнате.

Вместо того, чтобы терзаться и окончательно запинывать себя морально, я зарылась в одеяло и уснула, предварительно заведя будильник на одиннадцать. И только-только крепко уснула, как пришло время подниматься.

Я выбрала самое закрытое платье — темное, с довольно пышной короткой юбкой. К счастью, нашлись и чулки. Я долго сомневалась, стоит ли доставать из сумки трусики, но потом отказалась от этой идеи — боялась разозлить. В конце концов, я ведь одета, никто и не заметит... а вот если заметит он... Даже предполагать не хотелось, что тогда будет.

И не ошиблась. В прихожей Максим запустил руку мне под подол и сжал ягодицу.

— Хорошая девочка, понятливая. В офис тоже нельзя — ты должна кожей ощущать, что я могу тебя взять в любой момент, когда захочу. Это просто маленькое напоминание.

«В офис?» — но этот вопрос я не произнесла вслух. Все-таки Максим Александрович теперь пугал меня в достаточной степени, чтобы я не забыла о правилах. Не нарываться хотя бы там, где могу. Он протянул мне короткий плащик

— тоже не мой, но размер, как и в случае платьев, подошел. Наверное, предпочитает девушек одинаковой комплекции. Или покупал всю эту одежду специально для меня? Об этом я тоже спрашивать не собиралась.

Правда, едва мы вышли за дверь, подставил мне локоть. Я осторожно взялась и пошла с ним рядом.

— За пределами квартиры правила меняются, — он почему-то широко улыбался. — Нет, ты в любом месте подчиняешься мне и не споришь, но обращаешься иначе, можешь говорить о том, что волнует, и задавать вопросы.

— И вы ответите? — недовольно буркнула я. Ну, раз уж разрешил!

— Отвечу или нет, но не накажу. Ясно?

— Более чем.

То есть за порогом я становлюсь почти человеком? Не в полном, конечно, воплощении, но хотя бы не с заткнутым ртом. Тем не менее разговаривать все равно не хотелось.

Я молчала, пока мы ехали куда-то — мне было безразлично куда. Я только наблюдала в боковое окно за пролетающими мимо зданиями: живет себе город, шумит, людей укутывает пока еще теплыми ветрами, и не подозревает, что иногда происходит за закрытыми дверями. В моем случае я этому была только рада.

В ресторан мы вошли также под руку. Красивое место, шикарное, но посетителей в дневное время немного. Максим Александрович сразу повернул в сторону и направился к дальнему столику возле стены — очевидно, это его место. Подлетевший официант мое предположение подтвердил:

— Максим Александрович, добрый день! Сегодня у нас чудесная тушеная говядина. Вам пока подать обычный салат?

— Нет. Неси вино. Шато... или что там первое попадетя.

Уже через полминуты официант вернулся с бутылкой и меню. Хотел разлить, но Максим махнул рукой — парень тут же испарился, будто его и не было.

Максим Александрович сам наполнил бокалы, один пододвинул мне.

— Пей.

Я послушно сделала глоток. На вкус очень приятное, терпкое, но не до вязкости — в

другой бы обстановке и в компании другого человека я бы восхищалась вслух. Я не самый большой любитель алкоголя, да и пьянею быстро. Виной тому и недостаток опыта: дома спиртное не приветствовалось, и я никогда не бывала частью какой-то шумной компании, даже в студенческие годы. Не то чтобы меня игнорировали, просто я сама этого избегала. И снова винить можно только свою зажатость...

— Нравится? — в ответ я просто пожала плечами. — Что будешь заказывать?

Я только бросила взгляд на золоченую папку, но не хотела ее открывать:

— На ваш вкус, Максим Александрович.

Он улыбался так, будто пребывал в лучшем настроении, кивнул, подозвал официанта, заказал говядину и еще что-то — я не расслышала.

— Пей, — Максим кивнул на бокал.

Я сделала еще пару маленьких глотков. Хочет меня напоить? Чтобы в следующий раз, когда ему приспичит меня унижить, меня вырвало? Или тошнить меня будет тоже по его команде? Почему-то эта мысль нерационально рассмешила. Я ухватила бокал и залпом допила до дна. На голодный желудок подействовало почти сразу — даже в голове зашумело. Максим Александрович, не отрывая взгляда от моего лица, подлил еще.

— Мне не нравится твой настрой, — сказал он, но даже улыбаться не перестал. — Но все же спрошу — ты не против, если о наших отношениях узнают в офисе? У нас всего две недели, будет жаль тратить время впустую.

О каких еще отношениях?! Если он про утреннее, то я, само собой, против, да еще как! Внутри снова все сжалось, однако вино свое дело делало — расслабляло и заставляло говорить, хотя изначально я намеревалась отмолчаться. Вместо прямого ответа, зачем-то спросила о другом:

— То есть в офис я ходить буду? Вы не придумаете мне отпуск или какой-нибудь больничный?

Максим откинулся на спинку стула и рассмеялся тихо:

— А ведь неплохая идея! Может, и мне в отпуск уйти? Тогда все две недели мы сможем побыть наедине. Романтично звучит.

— Нет-нет! — в страхе воскликнула я и даже руками замахала. — Я хочу ходить в офис! Очень хочу!

Теперь он смеялся громче:

— Договорились. Но если вдруг захочешь видеть меня чаще — только скажи. Что-нибудь придумаем.

Я сделала большой глоток вина, чтобы не произнести вслух, насколько часто я хотела бы его видеть... Но спохватилась:

— И мне не нужно, чтобы кто-то на работе узнал! Все же договор двухнедельный, я хотела бы по истечении срока вернуться к прежней жизни.

— Тогда попроси.

Я непонимающе смотрела на него, но произнесла:

— Я прошу вас... не афишировать на работе... то, что сейчас происходит. Пожалуйста.

— Договорились. Тогда будешь выходить из моей машины за квартал до офиса, и там же тебя буду подбирать после работы. Сойдет?

— И что — вот так просто? — я не могла поверить.

Он наклонился вперед и ответил:

— Ну что, начинаешь понимать правила? Проси, если хочешь попросить, и я буду

стараться идти навстречу. При условии, если буду доволен всем остальным, конечно. Кстати, как ты себя чувствуешь без нижнего белья в общественном месте?

Так вот, оказывается, чем именно я заслужила милость? Ощущала я себя неловко

— когда шла по залу, так и казалось, что короткая юбка может колыхнуться, подняться выше. Но после того, как села, на время даже позабыла о дискомфорте. Сейчас же, от подчеркнутого напоминания, лицо начало гореть — «ты должна кожей ощущать, что я могу взять тебя в любой момент...»

— Нормально чувствую, — соврала я. Но его настроение можно использовать. Какой смысл показывать характер, если он все равно останется главным? Поэтому я заставила себя улыбнуться. — Так я могу спрашивать о чем угодно?

— Не факт, что отвечу, но да, можешь. Врать я не люблю, если тебе интересно, поэтому просто остановлю, если ты перегнешь палку.

Подошедший официант выставил на стол нарезки и салаты, а потом снова растворился. Я переставила тарелку к себе поближе, только теперь почувствовав, насколько голодна.

— У вас есть кто-нибудь...

— Кто? — его глаза смеялись. — Формулируй четче.

— Ну... девушка?

— Постоянная нижняя? — я кивнула. Пусть называет своих сексуальных партнерш какими угодно унижительными прозвищами. Он задумчиво посмотрел вверх. — Есть, но нельзя сказать, что мы в полном смысле вместе. Просто встречаемся, довольно регулярно, но наши отношения ограничиваются только сессиями. И в нашем с ней договоре верность не указана.

— Это... странно.

— Что именно? — его улыбка привлекает внимание — и обескураживает. — Ты считаешь, что доминант обязан быть собственником?

— Не-ет, — протянула я и тоже начала улыбаться. — Странно, что кто-то по доброй воле на такое соглашается.

Я осеклась — разозлится ли на такое? Но сказанное назад не воротишь. Однако Максим Александрович по-прежнему улыбался:

— На какое — такое? Ты себя с обычным сабом не сравнивай. Если бы сразу все пошло иначе, то я поначалу был бы с тобой мягче. В Тему вовлекают медленно, позволяя привыкать. Но потом... конечно, тебе это сложно представить, но многие испытывают настоящее удовольствие от подчинения. Сексуальное, моральное. Это не так уж и страшно — отдаться кому-то с потрохами, но надо человеку доверять полностью. И, конечно, с настоящим сабом сначала обсуждается, что приемлемо, а что нет.

То ли вино, то ли его доброжелательность развязывала язык:

— Вы мне мстите? За то, что я тогда... так грубо высказалась?

— Не мщу. Ломаю пороги. Ты слишком зажатая, чтобы все прошло легко, слишком далеко была от этой мысли.

Теперь мне уже хотелось рассмеяться:

— И вы думаете, что после произошедшего я смогу спокойно все принять?

— Нет. Мне все равно. Ты через две недели убежишь и, возможно, будешь так переживать, что даже уволишься. Я не могу этому помешать. И не хочу. В самом начале я ошибся в тебе, но ведь ты сама принесла себя на блюдо.

— Это ничего, ничего... — сказала я самой себе, но почему-то вслух. Чтобы замять

неловкость, переключилась на первую пришедшую на ум тему: — Я еще и кредит в банке взяла. Хорошо, что у них проценты... ниже, чем у вас.

Максим Александрович рассмеялся:

— Если вдруг решишь и ту проблему разом закрыть, то можем просто продлить сделку.

— Нет уж. Я лучше банку должна буду, — буркнула себе под нос. Зачем я вообще обо всем этом говорю? Будто ему интересны мои проблемы! Всему виной алкоголь.

Он же выглядел расслабленным, словно ничего особенно страшного никогда в жизни не делал. Да и тему мы затронули неподходящую. Если уж очень хорошо вдуматься, то Максим Александрович выложил немало за то, чтобы пользоваться мною на всю катушку. На панели мне вряд ли пришлось бы слаще... Да, точно, проблема в вине, если я вдруг стала способна представить себя на панели. Хотя в чем принципиальная разница?

— Почему ты выбрала рекламный бизнес?

Вопрос был неожиданным и заинтересовал своей возможной подоплекой. Поэтому я переспросила:

— Вы думаете, что я не подхожу?

— Если бы не подходила, то узнала бы об этом первой. Так почему?

Ответ я обдумала задолго до этого разговора, потому и сейчас слова потекли, заранее готовые:

— Я понимаю, что со стороны может выглядеть так, будто я не на своем месте. В этой сфере все... они не только яркие идеи способны выдвигать, но и сами по себе яркие. Я отличаюсь, но зажигает сам творческий процесс... когда ты чувствуешь, что в каждом слове должен быть вес, что только лишь удачная подборка цвета принесет заказчику прибыль. Это сфера для скрупулезных, способных концентрироваться на самой ничтожной на первый взгляд. И я именно такая... — я настолько отвлеклась, что забыла, кому это говорю. Потому закончила сухо: — Ну, вы это лучше меня знаете.

— Знаю. И тем не менее рад, услышать это от кого-то еще. А то мне иногда кажется, что я свое дело идеализирую. Приятно встретить фанатика похлеще.

— Я не фанатик! Не смейтесь...

— Разве я смеюсь? Так что там насчет кредита? По моим подсчетам — два дня.

Судя по лукавой улыбке, он скорее шутил и не рассчитывал на немедленное согласие. Поэтому я неловко улыбнулась в ответ и покачала головой. На самом деле, если бы он всегда был вот таким, как сейчас, то я могла хотя бы задуматься о возможности. Конечно, с очень-очень многими пунктами «недопустимого». Но ведь этот же самый человек совсем недавно... По коже снова пробежались неприятные мурашки. Значит, ломает пороги? Мило. А я все же уверена, что мстит. Отвела взгляд:

— Вы должны знать, что тогда... ну, когда вы впервые мне предложили... там просто столько всего накопилось... Я не хотела быть грубой.

— Звучит, как оправдание, — перебил он и внезапно его голос снова стал мягким.

— Раз ты позволила себе задавать откровенные вопросы, то и я сделаю то же.

— Что вас интересует? — напряглась я непонятно отчего.

— Как тебе еда?

Я даже не заметила, что официант уже доставил основное блюдо! Тут же схватила вилку. Первый же кусочек растаял во рту — нежнейшее мясо. Я и забыла про собеседника на несколько минут. И только потом вспомнила, что оставила вопрос без ответа:

— Сносно. А вам?

Он на секунду закусил губу и от этого стал похож на озорного мальчишку — от изменения его образа у меня путались мысли.

— Знаешь, что в тебе неправильно? Ты постоянно врешь, не хочешь быть откровенной, закрываешься. Это недопустимо, если бы мы хотели выстроить связь.

— Связь? — я все же позволила себе рассмеяться и снова взяла бокал. — С вами?!

— Сделаем вид, что я не заметил этого тона. И я не мщу тебе. Ты сама себе это придумала, потому что так проще смириться.

Веселиться сразу расхотелось. Я сделала глоток и поперхнулась. Слишком сильно расслабилась, и, вместо того, чтобы использовать его настроение себе во благо, только лишь все усугубила.

До конца обеда я старалась больше не открывать рта. В ресторане мы провели не больше часа, но это время я могла бы назвать приятным. Даже страх ненадолго позабылся, что в моем случае многого стоит! На крыльце Максим Александрович щелкнул пультом, и припаркованная машина отозвалась в ответ. Может быть, попросить его купить что-то из одежды или косметики? Без разницы что именно, лишь оттянуть возвращение в квартиру! Ведь он говорил, чтобы я просила! Но я так и не решилась: попроси я сейчас, то получилось бы, что я уже играю по его правилам. Пусть он бы только обрадовался, но я сама пока к этому не была готова. Он обернулся, заметив мою заминку, снова улыбнулся, а потом шагнул, обнял за талию, притянул к себе.

И поцеловал. Сначала нежно коснулся губ, но почти сразу усилил напор, открывая языком рот, погружаясь в него. Я уже через пару мгновений забыла, что он за человек и об отношении к нему. Свою роль сыграло и вино, именно оно провоцировало скорее расслабиться, чем напрячься. Ответила почти так же порывисто, обняла руками за шею и прильнула всем телом. Максим целовал страстно, не позволяя перехватить инициативу — и от этого сбивался дух. Я потерялась в пространстве, утопая в ощущениях, но он оторвался от моих губ, заставив недовольно выдохнуть, и наклонился к уху:

— А моя девочка, оказывается, не такая уж и холодная.

В этот момент мне было наплевать на издевку. Я поднялась на цыпочки и потянулась к его губам. Если он будет так меня целовать, то на некоторые вещи я пойду уже с гораздо большим энтузиазмом. Но он остановил меня резко, оттолкнув, и остудил окончательно совсем другим голосом, возвращения которого я так опасалась:

— Нельзя. Я могу тебя целовать, ты не можешь ко мне прикасаться, пока не разрешу. Ясно?

— Простите, я не знала... Больше такого не повторится, — меня оставили последние силы. Какое счастье, что хотя бы тут он не требует смотреть ему в глаза.

— Умница. Хочешь еще куда-нибудь?

— Куда прикажете.

— Учишься на ходу. Тогда заедем в один салон. Хочу чтобы ты сделала полную эпиляцию бикини. Ты же не против?

— Как прикажете, Максим Александрович.

Мне на самом деле было все равно. Да я готова на какие угодно мероприятия, лишь бы не оставаться с ним наедине.

Процедура оказалась немного болезненной. В салоне я до сих пор эпиляцию не делала, поэтому с удовольствием отвлекалась на вежливые обращения и приятные запахи. Среди этих милых девушек я могла бы провести еще сутки кряду, но договор диктует свои правила.

После процедуры кожа горела, соприкасаясь с жесткой тканью платья. Я вышла в холл, где за чашкой кофе и под пронизывающими взглядами сотрудниц меня ожидал Максим Александрович. Он молча встал и направился к выходу, я поспешила следом. Теперь я не могла угадать, в каком он настроении, поэтому и сама не решалась нарушить молчание.

А перед дверью квартиры снова замерла. Еще два шага — и правила снова изменятся. Он, не оборачиваясь, вошел, оставив дверь открытой. Чего он пытался добиться в ресторане? Сбить меня с толку? Запутать в эмоциях, чтобы я не могла сформулировать ни единой однозначной? Показать, что если я буду послушной, то и он станет ко мне добрее? Еще два шага. Еще два.

И думать ведь было не о чем! Намного легче не думать вовсе. Я заставила себя пройти, прикрыла за собой дверь. Максим Александрович только теперь посмотрел на меня и сделал вид, что заминки моей не заметил:

— Мне нужно поработать. Ужин в семь. Не опаздывай. А пока делай, что хочешь, только не шуми.

— А я... господин, можно спросить?

— Говори.

— Я могу уйти? Прогуляться.

— Нет. Будь тут, ты можешь понадобиться в любой момент, — и улыбнулся — почти приветливо, но я от этой фразы съежилась и поспешила спрятаться в своей незапирающейся комнате.

А ведь это скучно — часами сидеть без дела. Я уже позвонила родителям и Денису. Брат предположил, что я обзавелась парнем — он заезжал ко мне вечером, но дома не застал. Я не стала отрицать, радуясь хотя бы тому, что голос его стал бодрее. И из кафе его до сих пор не вышвырнули — уже почти неделю работает, рекорд! Оставалось надеяться, что случившееся его изменит. А теперь же меня сильно раздражал его веселый тон: каково, интересно, чувствовать себя таким живым, после «простого разрешения всех проблем»?

В комнате моей не было ни телевизора, ни ноутбука. Погоняла на телефоне змейку, пока не начало укачивать, сходила в душ, попрыгала на месте, посидела на полу. Может, все-таки стоит что-то попросить у Максима Александровича? Например, книги. Если бы сейчас под рукой оказалась книга — на этот момент сошла бы любая — то время тянулось бы не так медленно. В пять часов вечера по стуку входной двери я поняла, что пришел повар — теперь если даже захочу выйти в гостиную и посмотреть телевизор, то на глазах постороннего себя не заставлю.

Выбрала из шкафа самое удобное платье — буду в комнате ходить в нем за неимением чего-то более подходящего. Внешне нарядное, из красного шелка, оно было хотя бы комфортным. В конце концов, явных правил относительно моего личного убежища не поступало. Завернулась в одеяло и предалась очередным неприятным мыслям. И не заметила, как уснула.

Проснулась от тревожного чувства: такое бывает, когда еще не открыл глаза, но ощущаешь, что атмосфера изменилась. Мгновенно придя в себя, подскочила на месте. Максим Александрович, придвинув вплотную стул к кровати, сидел и смотрел на меня. Он сложил руки на груди и, заметив, что я проснулась, позы не изменил. Только прищурился сильнее.

— Кажется, я сказал, что ужин в семь.

Бегло глянула на экран телефона: 20:37.

— Простите... — оправдываться смысла нет — он и без того видит причину моего опоздания. Пусть просто лишит меня ужина! Я ведь опоздала! Вполне заслужила поголодать тут. В одиночестве.

Он наклонился, схватил одеяло за угол и откинул. Я сжалась и спонтанно поправила подол платья, натягивая его на бедро.

— Сними.

Чего-то подобного я подсознательно со страхом и ожидала. Максим Александрович умеет быть жестоким. Но, возможно, ничего особенно страшного не произойдет, если я постараюсь создать видимость полного подчинения?

Стянула платье и откинула. Села прямо и заставила себя убрать руки, открывая грудь. Проследила за его взглядом и, без команды, раздвинула ноги. Если хочет смотреть, то все равно увидит — так не лучше ли разыграть покорность? Он тут же посмотрел мне в глаза, пристально, внимательно, и во взгляде что-то неуловимо изменилось. Но молчал, будто ждал дальнейших действий, а я не предполагала, что должна делать для сохранения этого эффекта — Максим Александрович был доволен. Встать на колени, посмотреть снизу вверх? Или наоборот, без приказа не шевелиться?

— Иди сюда, — он позвал совсем тихо.

Я встала перед ним, но теперь и боялась сильнее. Захотелось обхватить себя руками, но я удержалась от порыва.

— Ты опоздала на ужин.

Понятно. Такие вещи его выводят из себя — я это и раньше предполагала. Будет наказание? Я задрожала от ожидания неизбежного, хотя Максим не выглядел раздраженным. Нет, скорее сосредоточенным. И тут я вдруг отчетливо поняла, что должна сделать! Со всей очевидностью мозг выхватил один вариант из миллиона

— то, что я в этой ситуации просто обязана сделать, и этим самым свести все возможные последствия к минимуму!

— Накажите меня, господин.

Я не просто угадала — я выбила десятку: Максим коротко выдохнул. Он этого не покажет, но я теперь знала наверняка, будто мысли его читала — в этот самый момент я свожу его с ума! Он не улыбнется, он уже что-то придумал — и мне это не понравится. Но его напряжение сейчас висело в воздухе, и оттого у меня внизу живота тоже затянуло, как реакция на его реакцию.

Но он вдруг расслабился и откинулся на спинку, лениво выводя круги пальцем по бедру. Напряжение будто в один миг растаяло бесследно.

— Чего ты боишься больше всего? Из того, что я могу с тобой сделать.

Вопрос выбил из колеи. Что он может со мной сделать? Кажется, я даже плети не боюсь настолько сильно, как... Почему он спрашивает? Если я назову, то тут же это и получу?

— Я... я... господин...

— Порки? Нет, когда ты шла сюда, то настраивалась именно на что-то подобное, — он сам же отвечал задумчиво на свои вопросы. — Секса? Вряд ли. Тебя возможность еще большей близости со мной сильно смущает, но если бы ты была с собой откровенна, то уже призналась бы себе, что ждешь этого. Скоро будешь осознанно хотеть. Потому тоже отложим. Минета? Спермы во рту? Но уже завтра утром тебе придется, и к тому времени ты настроишь себя... Боли? Растяжки? Игрушек? Чего? Анального секса? — он вдруг улыбнулся. — О, попал. Какие у нас круглые бывают глазки! Значит, анальный секс пугает тебя больше всего остального?

— Господин...

— Встань на четвереньки и ляг грудью на кровать. Не поворачивайся.

Я опустилась на пол, но затряслась сильнее. Он просто ждал: возражу — накажет, буду медлить — разозлится... и все равно накажет. Повернулась на коленях и легла на край.

— Ноги раздвинь, руки вытяни вперед. Зацепись пальцами за другой край и не

отпускай.

Выполнила и это, а лицом уткнулась в постель. Хотелось оглянуться и посмотреть, что он делает, но не решалась. Кажется, расслышала, как он расстегивает брюки и от этой мысли сжалась окончательно. Ткань его одежды коснулась моей кожи, и я перестала дышать. Он сел за мной, потом наклонился к моему уху и сказал:

— Анальный секс не так ужасен, как ты себе придумала. Но если ты будешь так напрягаться, то это будет по-настоящему жутко, — тихий смех ничуть меня не успокоил. — Обещаю, что мы обязательно им займемся, но не сегодня. Нужна подготовка. Но из моей квартиры ты уйдешь, только пройдя минимальный курс.

Ничего в прозвучавшем радости не приносило, но я зацепилась только за «не сегодня» — кажется, любое «не прямо сейчас» для меня уже награда! Он отстранился и вдруг ударил чем-то по ягодице — предполагаю, ремнем. Но с небольшим размахом. Я вскрикнула скорее от неожиданности, чем боли.

— За что я тебя наказываю?

— За то, что я пропустила ужин... нарушила правило, господин.

— Верно, в следующий раз наказание будет серьезнее.

— Да, господин... — и я вскрикнула от очередного удара.

Это совсем ничего — неприятно, болезненно, но вполне терпимо. Максим Александрович явно не бьет в полную силу. Но по одному месту, потом будет гореть... Но это ничего. Я зажмурилась, настраиваясь вынести сколь угодно долго.

Он вдруг запустил вторую руку мне под живот и нырнул пальцами между половых губ, сразу нашел клитор. Я выгнулась. И сразу получила удар — на этот раз сильнее. Пальцы внутри задвигались быстро — и очередной резкий удар.

— Чего сейчас больше? — голос его был тихим и даже холодным. — Удовольствия или боли?

Еще один хлесткий удар. Но вместо вскрика вырвался стон, бедра сами подались вперед, чтобы скольжение внутри ощущалось сильнее. Два удара, я вцепилась зубами в пододеяльник и тут же отпустила, вздрагивала от боли и оттого насаживалась на пальцы сильнее, каждый раз выдыхая все более громкие стоны. Напряжение в теле стало мучительным, боль будто перемешалась с наслаждением. Новый удар был другим — жгучим. Похоже, Максим откинул ремень и бил теперь ладонью.

— Чего ты сейчас хочешь — чтобы я остановился или чтобы продолжал?

Вместо ответа я выгнулась под очередным ударом. Выбрать из этих вариантов невозможно, я будто уцепилась руками на самой границе между разными ощущениями, но уже забыла, которое из них мне нужно больше. Еще удар, еще... и снова — я давно перестала считать. Я была готова умолять его, чтобы он прямо сейчас взял меня — сам, не пальцами. Как угодно грубо, сейчас совершенно неважно.

— Кончать нельзя. Это и есть твоё наказание.

Еще два удара. Еще два движения внутри, едва ли не доведшие до оргазма, но именно на этом все прекратилось. Он тут же отпустил меня и отстранился.

— Господин... — я еще не знала, о чем точно хочу просить, но умоляла, не отдавая себе отчета. — Господин...

Его голос раздался уже от двери:

— На сегодня все. Мастурбировать нельзя — я тебя предупреждал, но напоминаю еще раз. Иди поешь. И да, ты забыла сказать кое-что важное.

— Спасибо, господин.

Минут через пятнадцать будто отпустило, и теперь стало стыдно оттого, какие именно эмоции я ощущала совсем недавно. И еще хуже — то, что Максим Александрович все видел, получал удовольствие от моих метаний. За столом на него не смотрела, заставляя себя есть остывший ужин, который от этого не стал менее аппетитным — куриная грудка, запеченная в салатных листьях. Максим Александрович сидел с другой стороны и не отводил от меня взгляда. Если бы в нем была ко мне хоть капля нежности, то он сменил бы тему, но на понимание к моему смущению я рассчитывала напрасно:

— Теперь я знаю то, что ты считаешь худшим наказанием. И то, что считаешь лучшей наградой. Осталось заполнить миллион пробелов между.

Он будто подопытного кролика в моем лице изучал! О какой награде говорит? Позволить мне испытать оргазм? Внизу живота еще пульсировало голодным желанием, но все слабее и слабее. С отступающим ощущением я без труда справлюсь, особенно если отвлечься на горящие ягодицы. Но я все же не сдержала непонимающего взгляда. Максим, уловив его, встал, обошел стол и наклонился ко мне. От близости его губ повело, накладываясь на еще не утихшее желание. Я забыла обо всем и потянулась навстречу. Это мне нужно! Его страсть — которая такая же властная, но без явственной границы между нами. То, что поднимает меня до его открытого желания, делает если не равной, то достойной... Как сегодня, когда он целовал меня после ресторана. Поцелуй — как самое настоящее признание в чем-то намного более глубоком, чем просто возбуждение. Он это имел в виду? Что я, несмотря на все свои слова, просто хочу его поцелуя?

Максим улыбнулся, словно констатировал победу, выпрямился и направился к выходу:

— Спокойной ночи. Не опаздывай на завтрак.

Когда утром я вышла из комнаты, Максим Александрович сидел за столом. Испугавшись, что опоздала, я прибавила шага. Но он обернулся и спокойно произнес — так между собой разговаривают обычные пары перед самым обычным новым днем:

— Как настроение? Сегодня дождь, тебе нужна другая обувь. Вечером заедем в магазин.

— Как прикажете... господин.

Я продолжала стоять в двух метрах от него и не знала, что делать дальше. Ведь он говорил, что... Но уже сидит за столом, пододвинув к себе одну тарелку. Моя была накрыта полукруглой крышкой. Может быть, он хочет, чтобы я для начала позавтракала? Или я обязана без напоминаний выполнить распоряжение?

— Чего ты ждешь?

Теперь голос другой — холоднее, резче. Его раздражение означает, что никаких отсрочек не будет, но он не собирается помогать мне справиться с собой. Я подошла ближе и опустила на колени. Но ноги его были скрыты под столом. Что я должна делать?

— Господин, разрешите мне... — окончание комом застряло в горле.

— Быстрее. Завтрак остывает.

Не найдя другого выхода, я пролезла под стол. Возможно, так даже лучше — еще более унижительно, но хотя бы можно не смотреть ему в глаза. Он раздвинул ноги, позволяя мне приблизиться. Я осторожно потянула завязку на широких штанах. Взялась за резинку, спустила немного, потом все же решилась и потянула ниже, он только в этот момент соизволил немного приподняться. Пришлось привстать, поза стала совсем неудобной, но снять штаны полностью я не отважилась.

Член не был возбужден. Я взяла рукой и провела пару раз, вызвав первое напряжение. Чуть увереннее повторила. Максим Александрович расслабленно откинулся на спинку стула.

— Если сильно сжимаешь у основания, то задерживаешь оргазм. Поэтому рассчитывай сама, какого результата хочешь добиться, — голос его стал мягким, тихим. Сейчас он объяснял, а не командовал. — Другой рукой можешь массировать снизу, но без нажима.

Я продолжала водить кольцом пальцев туда и обратно, а другой рукой совсем легко сжала яички. Эффект был быстрым: член наливался кровью, увеличивался. Еще пара движений — и он стал твердым, тверже, чем моя нерешительная рука. Максим чуть подался бедрами вперед.

— Хорошо. Теперь оближи головку, но в рот пока не бери.

Я языком прошлась снизу, скользнула кончиком на гладкую красную кожу. Головка уже блестела от прозрачной смазки, я зажмурилась, но прошлась языком и там. Максим опустил руку и положил мне на затылок, но давить не стал. Мне было очень неприятно, во рту оставался солоноватый привкус, но я запретила себе заикливаться на этой мысли, обводя языком каждый миллиметр.

— Умница. Теперь возьми в рот. Ты не сосешь, а скорее создаешь влажный коридор. Не забывай про руку. Старайся войти в ритм, увеличивай глубину, но без фанатизма. Чтобы не было твоего вчерашнего мерзкого кашля, ясно?

Поскольку он задал вопрос, да и в целом был заметно доволен, я все же решилась:

— Ясно. Господин... могу ли я не глотать сперму? Простите меня за этот вопрос, но я очень стараюсь...

Рука на затылке начала гладить мои волосы. Это почти нежность. Почти приятно. Такая малость уже помогает — пусть всегда будет таким, мне станет намного легче.

— Вижу, что стараешься. Но это не тот случай, когда я могу тебе уступить. Проглатываешь все, потом снова облизываешь, чтобы не осталось ни капли. Давай уже, девочка, я начинаю злиться.

Я вобрала сначала головку, потом сама насаживалась глубже. Пыталась сделать так, чтобы головка скользила вдоль всего языка, но не до самого горла. Рукой поддерживала тот же такт — было сложно только в первые несколько секунд, потом приспособилась. Чувство отвращения отошло на второй план от сосредоточенности.

— Быстрее, — голос Максима стал хриплым.

Он сам теперь в том же ритме совсем немного подавался вверх, но будто сдерживал себя от слишком напористых движений. Я тут же увеличила темп, боясь, что он долго не выдержит несвойственного ему терпения, и там уже мне мало не покажется. Пусть он кончит. Пусть поскорее кончит, я... я все сделаю, лишь бы это осталось позади. И сразу постараюсь забыть обо всем, вплоть до следующего утра. Забыть этот вкус во рту. Забыть, как он сдерживается, чтобы не всадить член на всю длину. Забыть, каким сдавленным от возбуждения бывает его голос:

— Да, хорошая моя, еще немного.

Его пальцы продолжали гладить мои волосы, но не принуждали к движению — на этот раз Максим не хотел давить, дал мне полную свободу. Ему нравилось, как я справляюсь — я точно чувствовала! Это было долго, дольше, чем мне бы хотелось, но ему все нравилось! Осталось только закончить... Но когда он со стоном напрягся, я неконтролируемо отшатнулась — в рот попала лишь капля спермы. Я не собиралась этого делать! Вообще не поняла, почему не выдержала... среагировала от неожиданности! Закрыла рот рукой и сжалась.

— Простите! — хотелось завывать от отчаяния, но злилась я сейчас не на него — на себя. Осталось потерпеть еще несколько секунд, что на меня нашло? — Простите!

Он встал и пинком откинул стул. На глаза от резкого звука и накатившего страха навернулись слезы.

— Вылезай оттуда! Живо!

Я поползла вперед, так и осталась на четвереньках, боясь поднять лицо.

— Простите, господин, простите...

Он сказал неожиданно спокойно:

— Оближи.

На головке осталось немного белой жидкости, я усилием воли заставляла себя подняться на колени, но на большее меня не хватило. Он ударил меня по щеке:

— Чего ты ждешь? Плохо слышишь? И глаза открой — смотри, что именно ты делаешь. Привыкай.

Я тут же обхватила опадающий член губами, вода языком по головке, а потом погружая в рот на всю длину. Он меня не останавливал, поэтому я продолжала и продолжала, боясь вызвать новую вспышку гнева. Наконец, он меня оттолкнул.

Я откатилась назад и выдавила:

— Спасибо, господин.

Но он наклонился и ухватил за подбородок:

— Что, противно? — еще одна пощечина. — Отвечай!

— Нет, господин!

— Тебе было приятно?

— Да, господин.

— Хочешь еще?

Я только глаза расширила, очередную ложь никак выдать не смогла. Сперма на вкус отвратительна. Точнее не так — она отвратительно именно тем, что является спермой. Тем, что я знаю об этом! Меня даже кадры минета раньше доводили до отвращения. И уж точно я не могла легко принять теперешние приказы. Какая разница? Ведь он кончил! Я все делала правильно, он был доволен! Почему ему так важно, чтобы я приняла все в себя? Но настроение я ему испортила — это видно. Однако говорил спокойно:

— Садись за стол. И чтобы съела весь завтрак. В девять выходим. Наказание будет вечером.

Я только кивнула.

Позже в комнате выбрала костюм с самой длинной юбкой, которая все равно для моего привычного стиля была слишком коротка. Щека от пощечины немного покраснела — за время дороги пройдет. Молча вышла и ждала Максима Александровича в прихожей. Он взял ключи и прошел мимо. За всю поездку никто из нас так тишины и не нарушил. Но за квартал до офиса я сказала осторожно:

— Максим Александрович, остановите тут. Пожалуйста.

— Дождь на улице, а ты в открытых туфлях.

— Ничего.

Он резко свернул к обочине, повернулся ко мне. Улыбнулся. Как он все-таки умеет меняться до неузнаваемости — от его улыбки сразу захотелось извиниться. За то, что у него нет настроения. За то, что я в открытых туфлях...

— Давай поговорим, — он задумчиво смотрел в лобовое стекло. — У нас с тобой все прекрасно — ну, на мой вкус, конечно. Но с минетами как-то сразу не заладилось.

И усмехнулся — почти рассмеялся. Я молчала, потому что с ним таким не знала, как себя вести. Сейчас он не пугал, а скорее интересовал... или нравился? Его слова, его выражение лица совсем не были похожи на смущение, скорее на попытку в самом деле что-то для себя определить. Не дождавшись ответа, продолжил:

— Скажи, вот только сейчас максимально честно — я тебе настолько противен? Ведь я чувствую, что ты хочешь меня. Тебе духу не хватит признаться, но есть порывы, которые сами по себе доказательства.

Я растерялась:

— Дело не совсем в вас... Хотя, может, и в вас тоже. В смысле... я не знаю, как объяснить.

— Попробуй все-таки, — он теперь посмотрел на меня, чуть прищурился, но по-прежнему улыбался.

— Это... просто слишком интимная вещь! — нашлась я. — К такому кто-то готов, кто-то нет, но в любом случае она...

— Кто она? Минет? — он уже почти открыто надо мной смеялся.

— Да. На такое люди могут идти только добровольно!

— Ого. И сейчас ты попросишь вычеркнуть этот пункт из нашей программы?

Я неуверенно улыбнулась ему в ответ:

— А можно?

— Нет, не в этом случае, — покачал он головой. — Я тебе сейчас кое-что скажу, но обещай об этом никогда не вспоминать! — он смеялся. Он был способен сбить с последней мысли, когда смеялся! — Когда ты подчиняешься мне, когда сдаешься... у меня крышу сносит. Я серьезно. Считай это самым откровенным признанием, на которое я способен. А сегодня, в самом начале, ты была такой... которую хочется только себе оставить. И я снова ошибся. Ничто не выводит меня из себя так, как собственная ошибка.

Я не знала, что ответить. Его возбуждает, когда я сдаюсь? Сдаваясь, я могу получить нежность?

Он погладил меня пальцами по щеке. И мягким голосом добавил ужасное:

— Я буду кончать тебе в рот. Я буду делать с тобой все, что мне в голову придет. Потому что я именно такой, другим не стану. И нет смысла притворяться ради двухнедельной сессии. Я буду наказывать тебя, если ты не захочешь этого принять. Меня принять. Целиком. И поверь, сперма или анальный секс — далеко не худшее, что я еще с тобой могу сделать.

Я отшатнулась и поежилась. После таких «ухаживаний» хочется закопаться с головой. Прямо в асфальт. Но решила, что нужно ответить:

— Я очень постараюсь, Максим Александрович.

— Надеюсь.

— Всего две недели... — добавила я совсем ненужное.

— Я об этом постоянно помню.

Он вдруг запустил руку мне под юбку и остановился на промежности. Чуть сжал и тут же убрал. Проверял, надела ли я нижнее белье. В глазах блеснул огонек, но на этот счет он так ничего и не сказал.

— Давай высажу тебя чуть дальше. Если простынешь... я просто не знаю, что с тобой сделаю!

И, смеясь, повернул ключ зажигания.

Первый день в офисе по новым правилам протекал в каком-то смутном напряжении. Девочки продолжали сплетничать, делали комплименты моему новому «давно-пора-наряду», шеф был, как всегда раньше, приветлив и серьезен — четкие и однозначные распоряжения, понятные и справедливые решения. И ни единым жестом или взглядом не обозначил повышенного внимания ко мне. Зато я могла наблюдать за ним будто со стороны: в хорошо сшитом деловом костюме, всегда уверенный в себе, он выглядел потрясающе. Словно рожден для того, чтобы управлять. Но восхищение мое накатывало и спадало скоротечно, спотыкаясь о мысли о предстоящем наказании.

После рабочего дня я вышла из офиса. Дождь уже прекратился, но воздух был прохладным, наполненным влажностью. В этих плащике и обуви мне на самом деле неуютно, но ведь Максим Александрович запретил брать свои вещи. Я села в машину, остановившуюся там же, где он высадил меня утром. Но так и не придумала, что должна сказать.

Он тут же завел мотор и вывернул на дорогу.

— Сейчас в магазин, потом домой. И у меня сегодня вал работы.

Сердце встрепенулась надеждой. Значит ли это, что наказание можно отложить? Например, навсегда?

Максим Александрович привел меня в дорогой магазин, чему я не удивилась. Я в такие места даже не заглядывала. Он проходил между рядами, а продавец с истинным раболепием брал в руки все, что ему передавали. Остальные работники вытягивали шеи, как гуси, и натянуто улыбались. Просто рай для доминанта! Я едва успевала семенить следом. Максим Александрович говорил, не оборачиваясь:

— Если что-то понадобится еще — скажи. Тридцать восьмой? На втором этаже есть верхняя одежда, потом поднимемся туда. Еще нужны чулки. И резинка для волос. Дома убирай волосы наверх.

Потом он указал мне на пуфик для примерки, я послушно села. Продавец отшатнулся, повинувшись раздраженному жесту, и словно в воздухе растворился вместе со своими собратьями. Сапоги и ботинки были... не в моем стиле. Красивые, но в таких только по подиуму ходить, а не по нашим улицам. Одна царапинка, и все деньги насмарку! А деньги — я рассмотрела ценник — о боже... да в них даже по подиуму ходить не решишься!

— Говори, только если размер не подойдет. Модель не обсуждается.

Я натягивала по очереди ботинки и легкие сапоги. Одни оказались велики. Максим Александрович спокойно сказал об этом в сторону, и буквально из воздуха тут же появилась новая пара, поменьше. В итоге он взял все четыре, которые сначала и выбрал. Четыре пары на две предстоящие недели! Но я возражать была не намерена, его бы это точно разозлило. Пальто на втором этаже тоже выбрал сам — и оно только со стороны выглядело потрясающе. Темно-синее, расклешенное от груди и доходящее до середины бедра, оно делало из меня девочку с обложки глянцевого журнала. Слишком откровенно дорогое, слишком бросающееся в глаза, будто сшитое по моим меркам, привлекающее ко мне внимание. А этого мне хотелось меньше всего. Такие вещи шьются для тех женщин, которые способны идти по улице уверенной походкой, не оглядываясь на восхищенные взгляды. Для женщин, которые одним жестом откидываемых волос вызывают у мужчин произвольный стон. Не для меня.

— Спину выпрями, — он мягко надавил между лопаток. — Хорошо.

Естественно, что я и не подумала спрашивать, останутся ли покупки мне после истечения двух недель — мне на самом деле было все равно. Даже если он мне всучит их насильно, все равно никогда больше не надену. И даже не потому, что они мне не нравятся. Просто в них, выбранных и оплаченных Максимом Александровичем, я будто почувствовала себя его вещью. Наверное, в этом и есть смысл.

Когда мы вышли из бутика, была уже половина седьмого. Скоро ужин, который должен

быть строго по расписанию. А значит, придется прямо сейчас возвращаться домой...

— Книги! — я выкрикнула до того, как успела подумать. — Максим Александрович, можно, я куплю себе пару книг?

— В кабинете есть немного художки. Ты туда не заходила?

— Нет...

— Ты можешь заходить в любую комнату, но трогать вещи только с моего разрешения. Книги брать разрешаю.

— Но... — я и сама понимала, что мои глаза бегают. — Вряд ли у вас там есть...

— Ты хочешь какую-то конкретную? — он вдруг начал улыбаться, взял меня за локоть и развернул к себе.

— Да!

— Какую?

От его смеха я растерялась окончательно. Можно назвать любую — вообще любую! Но память напрочь очистилась.

— Борхеса? — неуверенно сказала я, сейчас даже не сумев вспомнить названия ни одной книги этого писателя. А он вообще писатель?..

Максим притянул меня совсем близко и прошептал, смеясь:

— По-моему, ты просто тянешь время.

Конечно, тяну! Ведь за пределами квартиры я могу быть более откровенной. Говорить, спрашивать... конечно, при условии, что это не будет выглядеть неуважением. Потому покраснела, но сказала:

— Да, Максим Александрович... потому что мне страшно. Я ног не чувствую от волнения. За весь день измотала себя до такой степени... Простите меня.

— Ты немного перегибаешь со своими паниками. Сама себе не позволяешь расслабиться. В машину, быстро.

Вот и все откровенные разговоры...

Едва мы оказались в квартире, тут же последовал первый приказ — я зря надеялась, что из-за занятости он оставит меня в покое:

— Прими душ и переоденься. На ужин не опаздывать.

Я за девять минут успела: сама не представляла, как страх умеет подгонять. Натянула на влажное тело первое попавшееся платье и ровно в семь вышла из комнаты. Максим Александрович стоял в гостиной. Он и не думал переодеваться, только пиджак скинул и оттянул вниз галстук. Я глянула в сторону кухни — стол уже был сервирован, а незаметного повара и след простыл.

— Подойди.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я встала перед ним, глядя в пол.

— Задери подол и раздвинь ноги.

Задохнулась, наблюдая, как он берет что-то с журнального столика, но выполнила. Он сел на диван и развернул меня к себе... Собирается трахать меня этой штукой? Черный фаллоимитатор, но тонкий в обхвате — намного меньше, чем член.

— Перестань уже трястись, — он посмотрел на меня снизу. — Ноги чуть шире. Не делай себе больно тогда, когда можно без этого обойтись.

Он медленно ввел в меня гладкую секс-игрушку. Не больно, размер совсем небольшой, я облегченно расслабилась. Максим немного пошевелил, будто искал правильное положение,

и отросток, который я сразу не заметила, направился к клитору, но не доходил до него. Ощущения нельзя было назвать полностью приятными или неприятными, но они были на грани того и другого. Во всяком случае, дискомфорт терпимый, такой можно игнорировать.

После этого Максим Александрович обернул мою талию кожаным ремешком, а другими, маленькими, зафиксировал приспособление так, чтобы оно оставалось внутри.

— А теперь пойдём ужинать. Голодная?

— Да, господин.

Я сделала шаг, тонкое гибкое устройство внутри смущало и напрягало низ живота от каждого движения, но безболезненно. А если совсем расслабиться, то абсолютно ничего ужасного. Однако через два шага я замерла, почувствовав вибрацию. Оглянулась — Максим Александрович держал в руке пульт.

— Самый низкий уровень. Потом прибавлю. Пока ты не начнешь сходить с ума от возбуждения.

Теперь двигаться стало труднее. От малейшего движения внутри все сжималось и снова отпускало. Фаллоимитатор не касался клитора, но очень-очень слабо, едва заметно вибрировал совсем рядом.

— Приятного аппетита. Сегодня рагу, мой повар готовит его отлично. Где ты обычно обедаешь?

Как только села, стало немного ощутимее. Но ничего, можно смириться. Только привыкнешь к положению, начинаешь замечать, что вибрация совсем ничтожна. Если вообще не шевелиться, то со временем можно даже не замечать.

— Мы... заказываем доставку в ближайшем кафе.

— Можем ездить на обед вместе.

— Спасибо, господин, но я бы не хотела отрываться от коллектива.

— Хорошо кормят?

— Да, господин. Конечно, с этим рагу не сравнить.

Он пододвинул ко мне чашку с салатом:

— Рад, что тебе нравится. И рад, что вы смогли обеспечить себя хотя бы нормальными обедами. Буклет должен быть готов к следующей неделе, а там поле непаханое работы. У меня иногда возникает мысль уволить вас всех к чертям собачьим. Одна Маргарита Ивановна делает все от и до, за остальными бесконечно приходится подчищать хвосты. Никита иногда вообще больше похож на рыбу, затравленную псами.

Разговоры о работе в такой обстановке обескураживали. Но я была только рада переключиться:

— Простите, я до сих пор еще некоторых вещей не знаю, но стараюсь учиться быстро.

— Оправдания. Учиться можно еще быстрее, если быть более внимательной. Позавчера был твой первый оргазм? До тех пор ни клиторального, ни вагинального?

Я подавилась от внезапной смены разговора.

— Я с кем разговариваю? — теперь в голосе прозвучал ощутимый нажим.

— Да... В смысле, первый, господин.

— Тогда очень неплохо. Для первого раза ты кончила довольно быстро. Хороший знак.

Эту тему мне развивать совсем не хотелось. Я сделала вид, что очень увлечена салатом. Он с легкой улыбкой ждал, когда я закончу с трапезой — не торопил, просто наблюдал. И только я отложила вилку, сказал:

— Помой посуду.

Бросила взгляд на посудомоечную машину, но возражать не собиралась:

— Как прикажете, господин.

При ходьбе вибрация ощущалась острее. Именно этого он и хочет. Я сцепила зубы и собрала посуду со стола. Возле раковины снова получилось хоть ненадолго остановиться в одной позе.

— Прибавлю совсем немного, — я не обернулась, но почувствовала это внутри. Остановила себя от порыва выгнуться. До сих пор терпимо, просто внизу тянет заметнее. — Поспешу с посудой, у меня много работы.

Как только я закончила, Максим Александрович встал и махнул головой:

— За мной. Начнем с твоего макета, покажу, где ошибки.

Я вошла вслед за ним в его спальню. Бегло осмотрелась — комната намного больше моей, огромная кровать... Он же взял ноутбук со стола. И тут я заметила чуть дальше небольшой монитор с недвижимым изображением. Моя комната? Там установлена камера? И как только я решилась бы запустить руку между ног, то он мог об этом узнать?! А в ванной... тоже есть? Несмотря на то, что я чего-то подобного ожидала, сейчас все равно была неприятно потрясена.

Максим Александрович проследил за моим взглядом, но только улыбнулся:

— Пойдем в кабинет.

Это помещение было тоже просторным, но обстановку сильно отягощали книжные полки. Даже высокое окно пространство зрительно не расширяло. Максим Александрович положил ноутбук на большой стол, включил стационарный компьютер, сам занял единственный стул.

— Иди сюда.

Мне пришлось подойти, встать рядом и наклониться, когда он показывал.

— Шрифт. Я раз сто уже говорил вам про шрифт, но как об стену горох. Тебе неудобно?

Я только после вопроса поймала себя на том, что слабо морщусь. Вибрацию игнорировать становилось сложнее. И надо следить за выражением лица: не хотелось бы доставлять лишнего удовольствия еще и своим видом.

— Все хорошо, Максим Александрович.

— Господин, — поправил он. — Мы говорим о работе, но мы не на работе.

— Простите, господин.

— Смотри, это макет Екатерины. Два принципиально разных шрифта — от этого за версту несет дешевизной. Как петух, который скачал себе в поисковике несколько шрифтов, и просто не может ими не похвастаться.

Я тихо усмехнулась. Он щелкнул на другой файл, то же сделал на стационарном компьютере.

— Это твой.

Я вглядывалась в монитор, но не находила ничего вопиющего. Шрифты у меня как раз были выдержаны в одном стиле.

— А теперь посмотри сюда, — он ткнул пальцем на экран ноутбука. — Мы будем делать веб-рассылку, а не только бумагу. Если разрешение небольшое, то мелкие надписи таким шрифтом невозможно прочитать. А кто-то будет открывать на планшете, на телефоне. Поэтому читабельность ставим выше красоты.

Если сосредоточиться на его словах, то можно вполне отвлечься от остального, даже наклоняясь.

— А-а, я поняла. Изменю.

— Завтра в офисе сделаешь, причем по всем страницам. А потом возьмешь планшет с самым плохим разрешением экрана и еще раз проверишь. И убери эту чертову обводку, глаза режет.

— Конечно! — отвлекшись, я даже ответила громче. — Я поняла, господин.

— А вот для печати нужно будет сделать немного по-другому. Я сегодня об этом всем говорил.

— Да, я слышала.

— Вы все слушаете, да мало что слышите.

Тон его был спокойным, тихим. Не приказным, а точно таким, к какому я привыкла в офисе. Он всегда цеплялся к каждой мелочи, говорил, что рекламный бизнес строится именно на мелочах, но говорил так, что хотелось тут же сделать как можно лучше. Просто не у всех так наметан глаз, как у него. Это приходит с опытом. А может, вообще необходим какой-то особенный талант — на раз замечать, какой шрифт с какого устройства как будет выглядеть. Возможно, я забылась и потому с привычным восхищением уставилась на его профиль. Он заметил, посмотрел на меня:

— Что?

— Ничего, господин.

— Да говори уже, — улыбнулся.

— Я подумала, что мне будет очень жаль увольняться, когда все это закончится.

Слишком откровенно? Он сейчас разозлится? Но Максим Александрович уже снова смотрел в монитор, перешел на другой файл.

— Если уволишься — значит, работа не для тебя. И точка. То есть если сама поймешь, что не тянешь. Потому что именно мое присутствие там — не оправдание. Но ты можешь использовать это, как оправдание, чтобы не признаваться в собственной некомпетентности.

Как он все повернул! То есть мое увольнение — это признак исключительной слабости, и больше ничего? Ладно, об этом потом можно подумать. Впереди целых двенадцать дней испытаний, а еще сегодняшней вечер дожить надо.

— Все. Теперь мне надо прочитать миллиард документов.

— Мне уйти, господин?

— Нет. Сядь на пол. Можешь опереться на мои ноги. И не отвлекай.

Я опустила колени, подтянула колени, пытаюсь принять самое удобное положение. Вибратор беспокоил. Надо замереть в одной позе и вообще не двигаться. Но это теперь не помогало. Через пятнадцать минут я уже не могла выдержать в одном положении долго, постоянно хотелось сжать бедра, поддаться напряжению, но понимала, что от этого станет только хуже.

— Я еще немного прибавил. Сделать сильнее?

Я вздрогнула от спокойного вопроса.

— Нет, господин, пожалуйста, не надо.

— Тогда не елозь. Не сжимайся слишком сильно. Кончать нельзя.

Про себя я взвыла. Через час была готова выть уже вслух. Кажется, даже кожа на спине стала чувствительней, хотелось тереться ею о его брюки. Невыносимое мучение, но не доводящее до границы. Возможно, клитор начал едва-едва касаться мягкого наконечника, теперь я уже не могла понять. Я не хотела нарушать приказ об оргазме, поэтому старалась расслаблять ноги. И все равно поясница иногда непроизвольно подавалась вверх. Я сжимала зубы и снова заставляла себя расслабиться.

— Хорошая девочка.

У меня не осталось сил посмотреть вверх. Максим Александрович погладил меня по волосам, потом развернулся на стуле. От вынужденного движения я застонала.

Он продолжал меня гладить, прошелся кончиками пальцев по шее, плечам, потом коснулся лица, остановился в уголке рта. Я податливо разомкнула губы — сейчас каждое его движение подбрасывало меня на волну. На лбу выступила испарина.

— Умница, умница. Только не кончай — накажу.

Он погрузил пальцы мне в рот. Сначала один — у меня закружилась голова. Потом еще три. Я начала сосать — и теперь это невероятно возбуждало, я скользила языком по каждому, а когда вынырнули, застонала и сама потянулась за ними. Он спустился и сел рядом, не убирая руки. Теперь я входила в ритм, вбирая в рот пальцы все глубже, от этого зашумело в ушах.

— Не спеши. Сама себя заводишь.

Он надавил на нижнюю челюсть, заставив открыть рот широко, прошелся кончиками по зубам, нёбу. Я все равно ловила языком каждое движение. Его лицо слишком близко. Глаза смотрят слишком пристально... я не выдержала и потянулась вперед.

— Нельзя. И руки убери за спину.

— Господин... пожалуйста, пожалуйста... — я просила даже не о поцелуе, пусть просто что-нибудь сделает!

— Руки!

Я сцепила их за спиной. Пусть видит, что я послушная, что сейчас сделаю все что угодно. И он улыбался. Смотрел на меня темными глазами — зрачки почти затопили радужки.

— Возьмешь член в рот?

— Да, господин. Пожалуйста, позвольте мне...

— Или отложим это до утра?

— Пожалуйста... пожалуйста... — в голове шумело так, что я себя не слышала.

— Встань и упрись руками в подоконник.

Я немедленно последовала приказу, хотя едва не вскрикнула только от изменения положения.

— Ноги раздвинь. Я уберу из тебя игрушку.

— Спасибо, спасибо, господин! — кажется, я ни разу не благодарила его так искренне.

Он задрал юбку мне на спину, медленно расстегнул ремешки, потом очень аккуратно, чтобы я не сорвалась, вынул вибратор.

— Не шевелись, стой так.

По ноге побежала капля смазки. Мне хотелось плакать оттого, что облегчение не наступает. Минута, две. Ничуть не проще.

— Хочешь кончить?

— Да, господин... — и тут же умоляюще забормотала: — Пожалуйста, прошу, возьмите меня, сейчас... я не могу... Пожалуйста! Господин...

— Такая хорошая девочка... — ласково, успокаивающе. Черт возьми, почему он медлит?! И при этом гладит под платьем по спине. Я сжимаюсь от каждого касания, но стараюсь не шевелиться, как приказал. Он будто говорит сам с собой: — Вот только противозачаточные еще не действуют наверняка. Потому хотел отложить, но какая же ты сейчас хорошая...

Если он продолжит издевательство, то я окончательно оглохну от шума в ушах.

— Умоляю, пожалуйста, я сделаю все, что хотите... Я буду послушной...

Услышав, как Максим Александрович расстегивает молнию на брюках, застонала в полный голос от одной только мысли о предстоящем. Он надавил между лопаток, заставляя наклониться сильнее. Приложил головку к половым губам, но не спешил. Я замерла, только чтобы не рассердить его. Лишь ноги немного дрожали.

— Прекрасно справляешься. Я разрешаю тебе кончить, но постарайся хотя бы немного потерпеть. Это не приказ — не накажу если не сможешь.

И вошел резко. Один толчок, два... На третьем захлестнуло так, что подкосились ноги. Он перехватил меня под живот, не позволяя упасть. Я попыталась стоять сама, но тут же сбивалась очередной конвульсией. Уткнулась лбом в подоконник, руки не держали. И с каждым его толчком меня продолжало сотрясать новым приливом. Внутри все сжималось и сжималось, но он удерживал крепко, вбиваясь с силой. Я стонала в полный голос — я почти кричала. Заметила это только после того, как оргазм начал стихать.

Он быстро вышел из меня и отпустил руку:

— На пол, рот открой.

Я уже приходила в себя, поэтому подчинилась сразу. Он смотрел на меня сверху, проводя ладонью по члену. Разбухшая головка сочилась смазкой.

— Шире. Глаза не закрывай.

Еще два движения, и он спустил сперму мне в рот. Я заторможено проглотила, потом потянулась и слизнула последнюю каплю. И еще раз прошлась языком по всей головке.

— Спасибо, господин, — голос, как и все тело, дрожал.

Он провел большим пальцем по моей щеке, потом надавил снизу на подбородок, заставляя поднять лицо.

— Я доволен. Можешь отдыхать.

Странно, но уснула я быстро и проснулась бодрой. От воспоминания о вчерашнем щеки немного начали гореть, но душ остудил и этот пыл. Выбрала самое короткое платье и вышла из комнаты без двух восемь.

Когда Максим Александрович открыл дверь, я встала на колени.

— Доброе утро, господин.

— Доброе. Где ты хочешь это сделать?

Сегодня он спрашивает — значит, на самом деле мною доволен, и этот эффект пока не пропал.

— Где прикажете, господин.

Он не ответил, только подошел ко мне ближе. Я расстегнула ширинку, стянула штаны до колен, немного поднялась. Но он вдруг положил мне руку на лицо, остановился на губах. Я тут же приняла пальцы, начала посасывать и от этого немного возбуждаться. Он выскальзывал и обводил рот, а потом снова позволял мне взять их в рот. Я потянулась за пальцами, когда он повел ближе. Член уже был полувозбужден, другой рукой Максим направил его мне в рот и только после убрал пальцы. Возникшее томление внизу живота сгладило отвращение. Я тут же включилась в ритм. Член увеличивался за секунды — я все делаю правильно. Потом взяла рукой у основания, помогая себе такими же ритмичными движениями.

— Посмотри на меня.

Я открыла глаза и глянула вверх. Кажется, он дышал чуть тяжелее обычного. Он возбуждался от моих действий, от моего взгляда снизу. От этого и мне стало приятно.

— Умница. Теперь чуть быстрее и глубже.

Я подчинилась, даже приподнялась на коленях повыше. Он кончил на этот раз быстро — быстрее, чем раньше. Сперма немного попала в горло, я поперхнулась, но сначала слизнула все, а уже потом позволила себе отстраниться. Снова подняла лицо:

— Спасибо, господин.

— Теперь сама застегни штаны, — я сделала и это. Пальцы лишь немного дрожали.

— И пойдем завтракать.

Я поднялась на ноги. Максим Александрович направился в сторону кухни:

— Я доволен тобой. Но мне нравится смотреть на тебя, поэтому завтра выйди без одежды. Договорились?

— Как прикажете, господин.

Он вдруг повернулся, притянул меня к себе и положил ладонь на ягодицу под платьем. Поцелует?

— Просто умница. Вечером я разрешу тебе кончить.

И сразу отстранился.

Завтрак впервые протекал в хорошем настроении. Максим Александрович напомнил про шрифты и даже спросил о самочувствии. Я почувствовала себя хорошо

— так ему и сказала. И даже похвалила вслух замечательный омлет с беконом.

Девчонки в офисе окаменели, едва я только вошла. Уж было испугалась, что кто-то заметил меня в машине шефа, но Татьяна прояснила ситуацию:

— Сколько стоит твой прикид, Лен?

Так и знала! Если сапоги еще в глаза сразу не бросаются, то от этого темно-синего кашемира за километр разит баблом!

— Богача каблуком придавила? Или банк ограбила? — Аня изогнула идеально подведенную бровь. — Ты не подумай, я не осуждаю! Хотя банк ни в чем не виноват!

Я же улыбнулась и направилась к своему месту. Они сами что-нибудь придумают! Уже до обеденного перерыва будет готово двадцать подходящих легенд. Если бы Максим Александрович знал, что тут иногда обсуждается, то точно всем скопом бы уволил. Но девчонки были настоюще, всегда кто-то стоял лицом к выходу, «абы чего не вышло».

После обеденного перерыва в наш отдел заглянул секретарь Максима Александровича — очень приятный и доброжелательный мужчина лет сорока:

— Так, лапоньки, на ком макеты? Саныч просит все в печатном виде прямо сейчас.

Я уже переделала свой, осталось только две последние страницы отредактировать и распечатать. К счастью, Аня уже закончила, поэтому сразу пошла в кабинет шефа. За ней пойдет Катя — я как раз успею. Но она влетела в отдел уже через минуту:

— Опять переделывать! На семнадцатой странице заметил. На семнадцатой! Не был бы таким красавчиком — придушила бы!

— Ага, он сам кого хочешь придушит, — охладила пыл Маргарита Ивановна.

Я кивнула секретарю, проходя мимо, и вошла в кабинет. Положила папку на стол. Максим Александрович пролистал, и в кои-то веки не нашел к чему придраться. Посмотрел на меня. И не отводил взгляда, а я не знала, что делать. Спросить о работе? Но разве он сам не скажет, если увидел ошибку?

Встал, обошел стол, остановился рядом. И рассматривал меня так пристально, что я не знала, куда спрятать руки и могу ли закрыть ими лицо.

— Хочу тебя. Прямо сейчас.

Я охнула. Ведь по нашему договору он не должен... Или там прозвучало только то, чтобы никто не узнал? Я спонтанно посмотрела на дверь, запаниковала. Он и сам должен понимать, что если я проведу в его кабинете слишком много времени, а потом выйду покрасневшая... Стоит ли звукоизоляция? Вряд ли. То есть секретарь может... Да кто угодно может просто войти! Ему-то, конечно, все равно, но насколько все равно может быть мне? Но если откажу, то уже вечером получу по полной программе. Да все эти сплетницы, все секретари на свете не пугают меня так, как его «по полной программе». Я заставила себя посмотреть прямо:

— Как прикажете, господин.

Он не шевелился, так и продолжал наблюдать за моим лицом. Возможно, он уже сказал, что хотел — теперь я должна что-то сделать? Начала опускаться на колени, но он ухватил меня за плечо.

— Не надо. В другой раз. Можешь быть свободна.

И только теперь до меня дошло — он проверял! Он просто проверял, что я сделаю или провоцировал на очередную ошибку, которой я не допустила! Кажется, я наконец-то начала понимать правила взаимодействия — полное подчинение, всегда, во всем, и тогда... тогда он сам мне поможет, если потребуется! По крайней мере не будет закапывать.

— Спасибо, господин.

Я уловила его улыбку, когда уходила — я точно ее уловила!

День был прекрасным. В такой атмосфере я могла бы прожить и месяц, не то что две недели! Приятные разговоры в дружеском тоне. За ужином даже начала болтать без умолку,

расслабившись. Он спросил о семейных проблемах, которые помог решить, а я и выложила все ему — будто на самом деле говорила с близким человеком. И вдруг в конце трапезы он огорошил:

— Сейчас сделай клизму и прими душ. В восемь будь в моей комнате.

Я открыла рот. Не переспрашивать. Не спорить. Я мало что понимала в сексуальных играх, но без труда могла сопоставить, что за таким указанием последует. Все достигнутое летело в пропасть!

— М... можно спросить, господин?

— Да.

— За что вы меня наказываете? Что я сделала неправильно?

— Это не наказание.

Я едва сдерживалась, чтобы не разрыдаться. Он поморщился:

— Это не наказание. Но если не будешь послушной, то я сделаю из этого такое наказание, о котором ты уже не забудешь. Иди, готовься.

В своей ванной я все-таки немного поплакала — кажется, наступил подходящий момент. Но ровно в восемь открыла дверь его спальни.

Он только вышел из душа. Капли влаги на груди, одет только в широкие штаны. А ведь я впервые видела его настолько раздетым. Рельефные плечи, гладкая, будто выточенная из камня, грудь, и полоска темных волос внизу живота. И он точно заметил, что я его разглядываю.

— Подойди ближе.

Я шагнула вперед, хотелось провести рукой по его животу, но я не осмелилась. От Максима пахло чем-то душистым, я придвинулась еще немного.

— Твое худшее наказание и лучшее поощрение? — я не поняла, что он имеет в виду. — Сегодня будет совсем немного неприятно, а потом очень хорошо. Если ты только сама не начнешь загоняться.

Я не успела ответить, он наклонился и поцеловал меня. Сразу страстно, проникая языком в мой рот. И даже не остановил меня, когда я сначала обняла его, а потом прошлась пальцами по плечам. От прикосновений к его телу, от движений языка я возбуждалась и прижималась ближе. Он отстранился, я недовольно выдохнула. Дыхание сбивалось.

— Подожди, девочка, позже будет еще. А сейчас ты должна для меня постараться. Сними платье и встань на четвереньки.

Как только я глянула на кровать, тут же забыла о недавней страсти и снова затряслась. Но поспешила выполнить, пока он не начал злиться. Если он будет доволен мной, то отнесется с нежностью, остановится, если станет совсем невыносимо... хотелось бы в это верить.

Он прижался к моим бедрам своими, наклонился так, что почти лег на мою спину.

— Не бойся. Учти, что я сегодня остановлюсь сразу, как только попросишь. Слышала? Тогда продолжим завтра. Но я это сделаю только при условии, что ты будешь подчиняться полностью.

— Я... я буду, господин.

Он раздвинул мои ноги шире, подставил палец к отверстию. Я вздрогнула от холода.

— Это смазка, — он обвел пальцем сжимающееся колечко. — Расслабься. Сейчас будет только один палец.

Он аккуратно ввел кончик пальца внутрь. Там остановился.

— Не больно?

— Н... нет.

Палец начал ходить, круговыми движениями раздвигая края сфинктера. Непривычные ощущения.

— Сейчас добавлю еще один палец. Не напрягайся.

С двумя стало уже неприятно. Я поерзала, но сохранила то же положение.

— Умница моя. Не будем спешить.

Движения были осторожными. Я привыкала к ощущениям и теперь могла немного расслабиться. Максим в самом деле не спешил, расширяя траекторию так медленно, что я не всегда замечала.

— Третий палец, — он подхватил меня под живот и оттого почти шептал в ухо. Выгнулась — это уже ощутимо. Он снова остановился, позволяя привыкнуть.

— Больно?

— Нет, но...

— Неприятно?

— Да.

— На этой стадии приятно бывает только мужчинам — из-за выхода простаты. Женщине вообще сложно испытать оргазм от такого секса, но сам факт, когда тебя берут так — он очень возбуждает. Если ты готова себя отпустить. Со временем тебе это чувство понравится. А если нет, тогда оставим в качестве «самого ужасного наказания». Если твой верхний любит анальный секс, то лучше всегда себя готовить заранее. Это долго только в первый раз.

Кажется, он улыбался. Я отвлекалась на его тихие объяснения, и оттого даже не заметила, что пальцы снова немного двигаются. Больно не было, но и возбуждения никакого.

— Мой верхний? — выдохнула я.

— Уверена, что никогда не захочешь таких отношений? Если он будет ласков с тобой, терпелив. И начнется все не так, как у нас началось.

— Ну, если только очень ласков...

Он усмехнулся — я отчетливо это уловила:

— И если будет чаще тебя целовать?

Я не ответила. Он уже водил пальцами не по кругу, а поступательными движениями. Еще через некоторое время я услышала:

— Ты готова. Начнем. Ого, как мы умеем сжиматься!

— Простите, господин... — почувствовала головку между ягодиц и попыталась расслабиться.

— Все будет так медленно, как тебе будет нужно. Доверься уже. Разреши себе довериться.

Он вошел совсем немного, дал секунду на привыкание, потом начал двигаться. Это не была боль в полном смысле этого слова, но неприятное чувство растяжения. После этого начались толчки — не слишком резкие, но каждый раз он входил все глубже. Я застонала, но не от возбуждения.

— Я помогу тебе отвлечься.

Его рука соскользнула с моего живота вниз, пальцы тут же нашли клитор. Теперь при каждом толчке я ощущала движение и там. Закусила губу. Но все равно тихо постанывала.

Теперь резче, сильнее, приятнее. Максим входил в свой темп, а я насаживалась на его палец, и оттого возбуждение нарастало рывками. Мысль о том, что именно сейчас он делает со мной, почему-то разволновала: берет, как хочет, имеет — как только можно иметь, пошло, похабно, потому что ему так нравится. Почему-то возбуждение от этой мысли только выросло.

— Да, девочка, очень хорошо, — он вколачивался в меня уже в полную силу, но теперь я вообще позабыла о неприятных ощущениях. — Только не кончай, пока не разрешу.

— Господин, я... я уже... скоро...

Он тут же остановился и убрал руку. Схватил меня за плечо и перевернул на спину. Подтолкнул подушку мне под попу. Ноги развел сильно в стороны.

И снова направил член в анус. Теперь толчки под другим углом стали ощущаться сильнее, я начала непроизвольно сжиматься. Он наклонился и поцеловал меня и тем отвлек. Но как только скользнул языком по моему, сразу отстранился и снова возобновил движение. Потом опять поцеловал, на этот раз продолжая вколачиваться. Я готова была стонать ему в рот. Поднялся, почти сел, продолжая вбиваться в меня, а потом наконец-то снова запустил палец между ног и нашел клитор. Я выгнулась:

— Кончи сейчас. Давай же!

Мне не требовалась команда, достаточно было сделать еще два движения. Он последовал за мной почти сразу, весь сжался и с почти неслышным стоном выплеснулся внутрь. Его лицо лишь чуть напряглось в этот момент, но мне понравилось на это смотреть. Выдохнул, снова наклонился и поцеловал — на этот раз протяжно, ласково. А потом отстранился, и, упершись локтем, в постель посмотрел на меня:

— Надеюсь, ты поняла, чем наказание отличается от награды?

— Да. Спасибо, господин.

— А сейчас уходи.

Я взяла платье и поспешила к выходу. По внутренней стороне бедра стекала сперма.

Я приняла душ, переоделась в «комнатное» красное, но не могла успокоиться. На цыпочках пробралась в кабинет Максима Александровича, ухватила первую попавшуюся книгу и вернулась в комнату. Но сосредоточиться на тексте никак не получалось. Уселась на пол и отложила книгу в сторону.

Перед глазами вставала сцена, как будто со стороны: я стою на четвереньках, а он вколачивается в мой зад. И я при этом не могу сдержать стонов... Унизительная поза, унизительная ситуация, но я не могу сдержать стонов. А потом я испытываю оргазм — ровно тогда, когда он мне разрешает. И после всею получаю «Уходи». А как еще стоит обращаться с вещью, когда ее уже использовали? Почему даже сейчас, представляя произошедшее, испытываю возбуждение? Возможно, я тоже извращенка? Может быть, даже хуже него самого. Потому что он-то берет — такое желание хотя бы можно вообразить, а я что? Как коврик для ног... Интересно, если завтра он начнет вытирать об меня ноги, я тоже буду этим наслаждаться? Тоже буду кончать по его приказу?

Я откинулась спиной на кровать, закрыла глаза. Зажала ладонь между ног и напрягла бедра. По сути, мне не с чем сравнивать. Егор, мой бывший парень, во мне не вызывал и грамма этих эмоций. В первый раз мы прилично напились... и он лишил меня девственности. А я его. Было больно, но так бывает у всех. Потом мы еще занимались сексом, но сейчас я не могла вспомнить даже, было ли мне приятно — возможно, я просто уступала его просьбам. И терпела, пока он отпыхтит положенное и слезет с меня. Однако в его действиях не было ни капли принуждения! А засыпая в его объятиях, я не чувствовала себя использованной. Дело было в нашей общей неумелости, а может, и в отсутствии страстной влюбленности. Был ли он плохим любовником? Безусловно. Как и я была плохой любовницей для него. Ни о какой разбуженной сексуальности тогда и речи не шло. Моя теперешняя реакция на то, что не должно вызывать такой реакции, — именно то, что дремало внутри давно и ждало своего часа под целой грудой комплексов. Максим Александрович просто не обращает на них внимания, и потому они будто и для меня перестали иметь значение. Но, возможно, я сейчас чувствовала бы то же возбуждение, если бы со мной был любой другой опытный мужчина. Только без насилия, без давления — чувствовала бы сама!

Я сжала ладонь, потом раскрыла ее и провела по лобку. Погрузила средний палец между складками. Горячо. Но мгновенной реакции тела нет. Скользнула туда и обратно — приятно, но не больше. Надо ускорить движения? Надавить сильнее? Вспомнив о камере, я тут же убрала руку и испуганно открыла глаза. Это уже паранойя! Он не может следить за мной, не отходя от монитора! Улеглась на кровать, завернулась в одеяло с головой. Даже свет не выключила, но вставать снова не хотелось.

Утром после душа я не стала одеваться. И озябла, хотя в квартире обычно было тепло. Максим Александрович вышел из своей комнаты почти одновременно со мной.

Я тут же опустилась на колени.

— Доброе утро, господин.

— Доброе.

Он подошел вплотную, я потянулась к резинке спортивных штанов. Он не останавливал и ничего не говорил, только немного подавался бедрами вперед, поймав мой ритм. На этот

раз я справилась тоже хорошо, уже зная, что и как делать. Теперь я даже реакции его изучила: как вызвать каменный стояк, когда именно надо ускориться. После того, как он кончил, послушно облизала головку и посмотрела вверх:

— Спасибо, господин.

— С каждым разом все лучше. Встань.

Я поднялась на ноги. Максим провел руками по моей груди, сжал. Потом еще раз — немного сильнее, почти до боли, но соски напряглись. Он потер их ладонями. Я задышала глубже, чтобы не выдать сбившееся дыхание. Потом положил руки на плечи, прошелся большими пальцами по ключицам, перебрался на шею. Я подняла подбородок вверх — массирующие движения были приятны.

— Послушная девочка. Хочешь чего-нибудь особенного?

Мне достаточно его поцелуя. И свободы. В любом порядке.

— Я хочу того, что хотите вы, господин.

Он улыбнулся широко, игриво.

— А как ты относишься к ошейникам?

Максим посмотрел в мои округлившиеся глаза, рассмеялся и направился на кухню. Сказал походя:

— Можешь надеть платье перед завтраком. Если хочешь, конечно.

Я, безусловно, хотела.

На работе все проходило тихо. Потом позвонила мама и позвала на ужин. Денис, дескать, снова ведет себя странно: с работы приходит поздно, а вчера опять явился с дружеской вечеринки пьяным. Может, хоть меня послушает, пока не впутался? Странное дело, но за эти несколько дней я почему-то по ним соскучилась. И не то чтобы мы привыкли встречаться часто, но я будто из изоляции почувствовала дыхание свежего воздуха.

После обеда все были по уши заняты новым рекламным проектом, и я решила использовать момент. Взяла какую-то папку для вида и направилась в кабинет директора, секретарь даже головы от бумаг не поднял.

— Максим Александрович, можно?

— Можно. Давай только быстрее. Завтра надо им хотя бы общий план представить, иначе заказ сорвется.

— Я... по личному вопросу.

Он оторвал взгляд от монитора:

— Что случилось?

— Ничего. Я просто хотела отпроситься... вечером. Всего на пару часов! Семья меня потеряет, если я вообще не буду с ними общаться.

Он встал, заправил руки в карманы брюк. Прищурился.

— Нет. У меня планы на вечер.

Придется сказать маме, что завалена работой... И завтра. И послезавтра. На следующей неделе Максим Александрович смягчится, или отец начнет звонить в МЧС.

— Как скажете, Максим Александрович, — и развернулась, чтобы уйти.

— Или мы можем перенести вечер на прямо сейчас.

Я замерла, медленно повернулась. Что он имеет в виду?

— Подойди.

Теперь я уже не была уверена в том, что так сильно хочу попасть на родительский ужин. Но распоряжение выполнила.

— Сюда, — он указал на край стола. — Ложись грудью на стол.

Выдохнула судорожно, но выполнила. Он встал сзади и собрал руками юбку, подтянул всю до талии. Погладил обнаженную кожу.

— Ноги шире. Ты должна всегда помнить, что я могу взять тебя в любой момент.

— Я помню, господин.

Я прижалась щекой к холодному столу и не сводила взгляда с двери. Сейчас кто-нибудь зайдет. Непременно. По всем законам подлости. Как я вошла всего несколько минут назад.

— Если чего-то хочешь — попроси.

Чтобы он сейчас меня отпустил? Он может это сделать вечером, когда я вернусь в его квартиру! В какой угодно унижительной позе.

— Пожалуйста, закройте дверь.

— Стой так.

Он мучительно медленно пошел туда, потом все-таки щелкнул ключом в замке. Секретарь мог слышать, обратить внимание... Максим Александрович повернулся ко мне, снял пиджак, откинул на один из стульев у стены, зацепил пальцем узел галстука и потянул вниз. Расстегнул ремень на брюках, пуговицу. Я наблюдала за ним, не шевелясь. Если уж все определено, то почему он не спешит? Наслаждается моим видом — вот так, с задранной юбкой, с раздвинутыми ногами, прижатой к холодной поверхности? Вытащил из кармана бумажник, открыл, оттуда так же спокойно достал блестящий квадратик — презерватив. Поднес ко рту и разорвал зубами пачку. Потом только подошел и встал сзади.

— Руки подложи под лоб и не поднимайся.

Он не спешил, а я уже дрожала не только от стыда. Максим взял меня за бедра и немного потянул на себя. Ввел член во влагалище медленно. Остановился, положил мне руку на спину, прижимая к столешнице сильнее. Первые движения были тягучими, но позволившими мне хоть немного расслабиться. Но очень быстро он начал наращивать темп, заставляя скользить грудью вперед и назад по гладкой поверхности. Теперь он обе руки положил мне на талию, насаживая все резче и глубже. Я застонала. Еще, еще. Слишком сильно.

Но он не останавливался. При этом все отчетливее слышались звуки, когда он выходит почти до конца, а потом всаживает на полную длину и ударяется бедрами о мои ягодицы. И все это в таком бешеном темпе, что я непроизвольно начала сжиматься внутри и постанывать. И от этого распалаясь еще сильнее. От оргазма меня отделяло только смущение, никак не могла отвлечься от мысли, что прямо сейчас весь офис уже знает, что со мной делают. Как это делают. Тут еще и Максим Александрович приказал холодно, не останавливая движений ни на секунду:

— Не кончай. Сегодня — нет.

И еще через пару минут напрягся с последним толчком. Как только он вышел, я попыталась выпрямиться, и тут же ощутила руку, прижимающую меня обратно к столу.

— Я пока не разрешал тебе менять позы.

Он двинулся вперед, бросил использованный презерватив на какой-то лист, лежавший на столе рядом с моим лицом, смял вместе, медленно подошел к урне и выбросил. Затянул галстук, застегнул ремень, потянулся за пиджаком — и при этом не сводил с меня взгляда. Лишь после сказал:

— Я увезу тебя туда сам. В девять выйдешь, я тебя встречу. Без опозданий. Понятно?

— Да, господин.

— Теперь можешь быть свободна.

Я сразу поднялась, поправила юбку. Потянула вниз немного задрвшуюся блузку. Щеки горят... Надо забежать в туалет и привести себя в порядок. Взяла свою папку и направилась к двери. Проходя мимо, сказала, не поднимая головы:

— Спасибо, господин.

— Подожди.

Он заставил меня повернуться к нему. Пригладил растрепавшиеся волосы. Улыбнулся.

— Как настроение?

— Мне... мне стыдно...

— В это я верю. Было больно?

— Нет, но...

— Просто было отвратительно?

Я уставилась на него — к чему этот вопрос, если и так все ясно? Он вдруг наклонился к моему уху и сказал тихо:

— Когда женщина не хочет секса вообще, то акт становится болезненным — из-за отсутствия смазки. Я тебя не возбуждал. Тогда что произошло? Возможно, ты возбудилась сама и именно из-за того, что тебе стыдно? Уверена, что в тебе нет ни капли сабмиссивности?

— Я не...

Не закончила фразу. Максим Александрович смотрел мне в глаза и, по всей видимости, сам делал выводы за нас обоих.

— Я доволен тобой. И здесь хорошая звукоизоляция. Потому в следующий раз можешь стонать громче.

В следующий раз? Я поспешила убраться подальше.

Денис на ужин не явился. Но мама надела на меня, при молчаливой поддержке отца.

— Сходи завтра в то кафе. Чует мое сердце, что он там уже и не числится!

— Мам! Я работаю! Я в самом деле не могу присматривать за Денисом. Почему бы тебе самой не узнать?

Она насупилась:

— Решит еще, что я его контролирую! Сопротивляться начнет, только хуже станет. А ты сестра — вмешательство сестры воспринимается легче.

— Может, мне его еще усыновить?!

— Что за тон, дочка? — гаркнул отец. — Еще скажи, что это мы с твоей матерью виноваты! Да вот только тебя тоже мы воспитывали!

Я только качала головой. Что, по их мнению, я должна сделать? Если Денис действительно уже бросил работу, если Андрюха подбросил ему очередную «блестящую идею заработка», то мне его искать по всему городу? Потом в угол поставить? Или проще передать нерадивого родственничка Максиму

Александровичу? На перевоспитание. Мысль о том, как брата перевоспитывают, рассмешила.

— Кстати, а ты уже выплачиваешь долг? На сколько он растянется? У тебя же сейчас отличная зарплата? Одежду, я смотрю, новую прикупила — тебе очень идет!

Я выплачиваю. Я! Но почему-то разговор так и не зашел о том, что подразумевался и вклад родни. Но я сама эту тему не заводила. Знала ведь, что деньги Максиму Александровичу возвращать не придется, останется только банковский кредит. Потому отсутствие у них серьезных переживаний на этот счет не слишком злило, только раздражало.

Уходила я без пяти минут девять. На пороге обернулась:

— Я не могу отпрашиваться с работы, поэтому займитесь уже сыном сами. Наконец-то.

Отец что-то закричал вслед, но я быстро захлопнула дверь. К такому поведению родители не привыкли — даже если бы я отказалась, то обязана была долго объясняться и переживать, что всех подвожу. Но я не переживала. Вообще ни капли. Кажется, что-то во мне неуловимо изменилось: когда чаша почти переполнена, то реагируешь на любую каплю. Хватит с меня Максима Александровича, другие от меня покорности не дождутся!

Машина уже стояла возле подъезда. Когда я садилась внутрь, то заметила подходившего Дениса. Он остановился и присвистнул. Даже поздороваться с ним не захотелось — пусть что хочет, то и делает. Надоело.

Максим Александрович сдал назад и вырулил на дорогу.

— Ты выглядишь расстроенной. Это был твой брат?

— Не важно, — мне не хотелось говорить с ним. Да я сама пока толком не могла сформулировать свои эмоции.

— Сегодня тепло. Хочешь прогуляться? Темно, правда, уже.

Я удивленно посмотрела на него. Опять другой! Таким голосом любящие мужья обращаются к своим женам, если хотят их отвлечь. А он-то чего добивается? Но ответила уверенно:

— Хочу.

Он припарковал машину недалеко от сквера. Подождал, когда выйду из машины,

подставил локоть. Я взялась и пошла рядом. Дорожка освещалась фонарями, и это создавало ощущение уютного коридора.

— Максим Александрович, можно спросить?

— Я думал, ты уже запомнила правила.

Я кивнула. Даже если скажу что-то не то вне квартиры, то в худшем случае просто не ответит.

— У вас есть семья?

— Родители? Да, живут в Питере.

— Вы с ними общаетесь?

— Конечно. Помнишь, в конце августа я уезжал — на три дня к ним ездил. У нас отличные отношения. Хотя... возможно, расстояние сказывается — какие-то мелочи уже не замечаются, если люди друг по другу успевают соскучиться.

— Вы не были женаты?

— Нет.

Я слышала в его голосе улыбку, и оттого настроение поднималось:

— А постоянная девушка была?

— Нижняя? Насколько постоянная?

— Ну... год или два. Но не встречи время от времени, а именно постоянная и единственная.

— Да, была.

— Вы любили ее?

— Конечно.

— А почему тогда расстались? Простите, если лезу в личное.

Я на самом деле не знала, где точка, дальше которой идти не следует. Но Максим Александрович, кажется, вовсе не возражал против откровенных вопросов. Наоборот, обдумывал каждый ответ:

— Знаешь, любовь — ничему не гарантия. Иногда люди просто друг другу не подходят. Им вместе хуже, чем порознь.

— Она вас не слушалась?

Он тихо, но искренне рассмеялся.

— Слушалась. В сексе и сессиях у нас проблем не было. Мы не сходились во всем остальном.

Затронутая тема была на самом деле интересна! До сих пор мне казалось, что в таких отношениях есть только секс и сессии, и ничего больше. Но это, видимо, только в моем случае.

— Я похожа на нее? — этот вопрос был лишь продолжением любопытства.

— Нет. Ты полная противоположность.

— Правда? В чем?

Он остановился, заставляя повернуться к нему. Я сейчас без страха смотрела в его глаза. Максим Александрович выглядел излишне серьезным, но в этой серьезности я не улавливала и капли недовольства:

— Это хороший разговор... но слишком рано.

— Мне кажется, что вовремя, Максим Александрович. Попробуйте объяснить.

Он держал меня за плечи, но задумчиво отвел взгляд в сторону:

— Сабов много. На любой вкус и любые предпочтения. Для кого-то это просто

сексуальная игра, большинство проводит четкую границу — Тема и жизнь. Во время сессии они готовы унижаться и терпеть почти до бесконечности, но в бытовом общении ведут себя иначе. Это вид очень удачного партнерства. Ты не умеешь ставить границу: если доверишься, то вся, без остатка. В любой ситуации. Без капли игры или игривости, без притворства. И сама это чувствуешь, потому и боишься.

— Вы уже говорили о доверии...

— Когда мы занимались анальным сексом? — он открыто смеялся. — Кстати, как тебе?

Я задохнулась от возмущения и почти выкрикнула:

— Вот! Вы всегда так! Вам просто нравится меня смущать!

— Мне очень нравится тебя смущать, — он наклонился и чмокнул меня в кончик носа. — Очень.

Его неожиданное веселье разделить было сложно:

— Я хотела сказать, что не доверяю вам. В смысле, даже если бы захотела. Потому что вы разный. Вот сейчас... Вот прямо сейчас вы такой, в которого несложно влюбиться! Я искренне говорю, не смейтесь! А дома вы вызываете только страх — и это будто отшвыривает меня на другой полюс. Понимаете?

— Понимаю, что нам надо чаще гулять вдвоем.

Я не выдержала и тоже улыбнулась:

— Это было бы неплохо. Я имею в виду, что если бы я понимала вас лучше, то мне было бы проще... в каком-то смысле.

— А если я захочу тебя прямо сейчас? И возьму, прямо тут, как сегодня в офисе?

Несмотря на напоминание о событиях прошедшего дня, я не растерялась — в его голосе не было серьезности:

— Я соглашусь. Но только потому, что у меня нет выбора. А не потому, что на самом деле этого хочу.

— Секс в общественных местах вызывает в тебе панику, я уже понял. Но если бы ты только видела, как при этом смущаешься — сама себя бы захотела. Со временем поймешь, как это будоражит.

— Сомневаюсь.

— Ты дрожишь, замерзла?

— Да, немного.

— Поехали домой. И прекрати уже напрягаться — сегодня ничего не будет.

От этого обещание настроение вообще взметнулось ввысь, словно с привязи сорвалось. Когда мы шли обратно, я не сдержалась и прижалась на секунду щекой к его плечу. Говорить больше ни о чем не хотелось. Да я и не рисковала портить это ощущение уютного уединения, когда можно для самой себя притвориться, что все не так, как есть на самом деле.

Но в квартире Максим Александрович направился за мной следом в комнату. Я остановилась и недоуменно наблюдала за ним. Он открыл мой шкаф:

— Завтра вечером у меня ужин с деловым партнером. Пойдешь со мной. Наденешь это, — он ткнул пальцем в бордовое коктейльное платье с длинными гипюровыми рукавами. — После офиса заедем, переоденемся.

— Как скажете, господин. Но что я должна там делать?

— Ничего. Можешь даже на его вопросы не отвечать, если не захочешь.

— Хорошо, господин.

Он шагнул ближе, положил ладонь мне на щеку:

— Спокойной ночи. Ты ведь не мастурбируешь? Каждый твой оргазм — только для меня. Ты не должна возбуждать себя без моего разрешения, помнишь?

Я расширила глаза, дыхание сбилось. Глаза прищурены — признак серьезности. Он видел! Точно видел — и теперь проверяет, скажу ли правду! Голос задрожал, но я знала, что должна сказать:

— Господин... я... трогала себя, один раз, но... не испытала удовольствия.

Он наклонился так, что его глаза оказались на уровне моих:

— Ты нарушила правило. Но молодец, что призналась. Наказание отложим. Ты ведь хочешь, чтобы я тебя наказал?

— Да... господин.

Выходя, он бросил:

— Больше так не делай.

Я тряслась еще долго, после его ухода. И этот страх был другим — совсем не тем, что раньше. Смутно волнующим, одновременно тревожащим неизвестностью и сжимающим предвкушением.

На утреннем минете Максим Александрович вдруг сказал:

— Попробуй сегодня без помощи рук. Так намного сложнее, придется постараться.

Это было намного, намного сложнее! Я обхватывала член ту же, сильнее прижималась языком, но он возбуждался медленнее. Минет затянулся, но когда головка наконец-то набухла и выплеснула семя, я по-настоящему обрадовалась. Знала, что теперь должна посмотреть на него и сказать:

— Спасибо, господин.

Я начинала понимать, в чем суть этой фразы. Благодарить. За все, что он делает со мной — благодарить. Как если бы происходящее нравилось не только ему. Максим Александрович погладил меня по волосам. Возможно, ему доставляют удовольствия не только мои старания, но и мое подчеркнутое положение внизу, и тон, которым я благодарю.

— Пойдем завтракать, моя хорошая, а то опоздаем.

День прошел отлично. Я скидывала звонки от матери, не желая портить себе настроение. А вечером мы заехали домой. Я нарядилась в платье, уложила волосы локонами, покрутилась перед зеркалом. Взяла карандаш для глаз — стоит ли немного подкрасить? Максим Александрович вообще ни разу не высказывался на этот счет, а обычно я ходила без макияжа. Он вошел в мою комнату:

— Готова? Нет, не нужно, — сразу заметил мое движение. Я пожала плечами и отложила карандаш. Кожа у меня хорошая, возможно, ему этого достаточно. Или Максиму Александровичу вообще безразлично, насколько ярко я выгляжу? — Поехали.

За столиком нас ожидал улыбчивый мужчина — я его видела впервые. Лет сорока пяти, немного полноватый, но ухоженный и приятный. Когда Максим Александрович меня представил, он привстал и галантно мне поклонился:

— Прекрасно выглядите, Леночка! Прекрасно! И как здорово, что Макс решил разбавить наше общество приятнейшей женской компанией!

Заказ за нас обоих сделал Максим Александрович — никаких экстравагантных блюд, к счастью. На меня особого внимания и не обращали, позволяя потягивать минералку и вслушиваться в скучные разговоры. Они обсуждали каких-то общих знакомых и дела пятилетней давности, смеялись над только им понятными шутками, оба обращались на ты. Я же замечала другое: Иван Алексеевич в самом начале кое-как отлепил взгляд от задницы

проходящего официанта, а потом все чаще и пристальнее смотрел на Максима Александровича. Он ему нравится! Руку дам на отсечение, что так и есть! Не знаю, саб он или нет, но совершенно однозначно гей.

Максим Александрович взял бокал с вином, сделал глоток, и вдруг сказал другим тоном — совсем не тем, каким поддерживал приятельскую болтовню:

— Ладно, может, прекратим дурака валять и обсудим дела?

Иван Алексеевич сложил руки в замок и тоже стал серьезнее:

— Макс, ты бизнесмен, некоторые вещи тебе не нужно объяснять. Да, мы продуктивно работали, но годовой контракт... На рынке появилось множество фирм! Самое время пересмотреть старые установки!

— Это ты так намекаешь на то, чтобы я пересмотрел прайс?

— Почему бы и нет? Макс, при других ценах и мне будет легче определиться! Не будь таким принципиальным! Мы ведь старые друзья!

Максим Александрович встал, я поднялась вслед за ним. Но он уперся рукой в столик и наклонился так, что почти нос к носу оказался перед Иваном Алексеевичем. Тот немного отшатнулся, но слушал.

— Подумай неделю, старый друг. Потом принеси мне подписанный годовой контракт. Фирмы-однодневки тебя подставят, а те, что останутся на рынке, уже очень скоро начнут повышать цены до среднерыночных. Подумай об этом. А потом ложись в постельку, возьми самый большой дилдо и представь, что я деру тебя так, что глаза на лоб вылезают. И как закончишь, берешь контракт, бежишь ко мне и умоляешь тебя выслушать.

Бросил пятитысячную купюру на стол, взял меня за руку и направился к выходу. Шагал спокойно, а в холле повернулся ко мне с улыбкой:

— Как настроение? Мне нужно заехать еще в одно место. Ты ведь не против, если мы вернемся домой позже?

Его улыбка и доброжелательность позволили мне проявить растущее любопытство:

— Хорошо, Максим Александрович. Можно я задам вопрос? — он кивнул. — А вы... были с мужчинами?

— Пару раз. И мне показалось, что в среднем из них получают лучшие сабы, чем из женщин. Как жаль, что я неисправимый гетеросексуал! — он рассмеялся и снова схватил меня за руку. — Пойдем, у меня есть идея.

Он потащил меня в туалет! В мужской! Я, задыхаясь, пыталась оттолкнуть, но он прижался к моим губам, вместо возмущения выбивая легкий стон. Он сжимал меня до боли, терзал и заставлял желать большего. Потом затолкнул в кабинку, задвинул щеколду.

— Максим Алекс... господин!

— Нас в любой момент могут застать. Думай об этом. От одной мысли ощущения в сто раз мощнее.

— Я... не смогу...

Но он прижал меня спиной к стене и погрузил язык в мой рот. Целуя, быстро расстегнул ремень, позволил штанам немного приспуститься. Тут же подхватил под бедра, поднимая, заставляя обхватить его ногами. Ввел член довольно резко. Я выдохнула. А потом начал двигаться, каждым движением толкая меня вверх. Я выгибалась навстречу, внутри жар от такого напора разгорелся почти мгновенно. Сначала открывала рот, ловила смазанные поцелуи, но потом совсем потерялась. Стон от каждого толчка становился все громче. Я вцепилась пальцами ему в плечи, но уже ничего не могла с собой поделать.

— Да, девочка, так. Любой, кто сейчас зайдет, сразу поймет, что я с тобой делаю. И как тебе это нравится.

Я сжалась и тут же вскрикнула от очередного яростного толчка. Сосредоточиться невозможно. Я закусывала губу, но снова терялась. А он все с большим и большим ритмом выбивал из меня стоны.

— Умница моя, давай, кончай.

Я открывала и сразу закрывала глаза, внутри уже все сжималось от нарастающей волны. Сейчас если даже дверь в кабинку откроется, я не смогу себя сдержать.

— Сейчас, девочка, ну...

Оргазм захлестнул на конце его фразы, скручивая внутренности в спираль. Я сжалась, обвивая ногами его еще сильнее, возможно, даже вбивая ногти ему в плечи до боли. И все равно бессильно продолжала мычать от каждого его толчка. Он вынул член из меня за секунду до своего пика. Белая струя попала мне на внутреннюю сторону бедра и стену.

— Тебе хорошо?

Он тоже тяжело дышал, позволил мне встать на ноги, но поддерживал, чтобы я не осела вниз.

— Да, господин.

— Поблагодари.

— Спасибо, господин.

— Громче.

Ему нужно, чтобы я смутилась еще сильнее? Чтобы если кто-то сейчас вошел в туалет, услышал это? Да у меня и без того щеки пылают — сильнее вряд ли возможно! Повторила в полный голос:

— Спасибо, господин.

В туалете, к счастью, никого не оказалось, но я не пошла проверять по кабинкам. Максим Александрович подтолкнул меня раковине и заставил вытереть салфеткой сначала его член, а потом каплю на моей ноге. Я уже одернула юбку, когда дверь открылась, и вошедший мужчина окинул нас удивленным — или понимающим? — взглядом. Ухмыльнулся и прошел мимо. Из зеркала на меня глянула девушка с горящими глазами и припухшими от поцелуев губами.

Максим Александрович припарковался рядом с каким-то баром или клубом. Я вышла из машины вслед за ним, поднялась на крыльцо. Но он повернулся и сказал:

— Ты тут подожди. Внутрь не заходи. Я на пять минут. Не холодно?

Я покачала головой. У меня от недостатка свежего воздуха скоро гипоксия разовьется, так что мне только в удовольствие поторчать тут немного. Из помещения доносилась приглушенная музыка, люди входили и выходили, но я не сразу поняла — а потом, когда дошло, чуть на месте не подпрыгнула. Это тематическое место! БДСМ-клуб или что-то в этом роде. Эта мысль меня огрела после того, как я услышала обрывок фразы какого-то мужчины: «...если хотите, хозяин». Теперь приглядывалась внимательнее: некоторые заходили парами, и даже с виду можно было определить, кто из них главный. Хотя не всегда наверняка.

Один парень забежал на крыльцо, ухватился за ручку, но тут заметил меня в стороне.

— Стесняешься?

Я покачала головой. Он улыбнулся широко и шагнул в мою сторону. Остановился в двух метрах. Молодой, не старше двадцати пяти, ростом чуть выше меня и обезоруживающий доброжелательностью:

— Не переживай! Многие сначала стесняются. Хочешь, проведу тебя? Ничего там с тобой не случится! Просто осмотришься, если интересно. Правда, моя нижняя мне потом всю печенку выключает, — и рассмеялся.

— Да нет, — я не могла не улыбаться ему в ответ. — Я тут жду кое-кого.

— Врешь ведь, — он почему-то бросил взгляд на мою шею. — Да не переживай так. Хочешь, я скажу остальным — и к тебе сегодня даже никто не подойдет? Исчезнешь в любой момент. А так и не решишься никогда, потом жалеть будешь.

— Спасибо, но нет.

— Ну как хочешь, детка. Мое дело предложить.

Он махнул на прощание рукой и развернулся, но я не удержалась и окликнула:

— Подождите! — он с интересом глянул на меня. — Простите за вопрос, а вы, получается, дом?

— Стопроцентный, детка, стопроцентный.

Если честно, то от изумления я рот открыла — он был такой... человечный, простой, веселый. И я никак не могла представить его в названной роли.

— Но вы сказали, «нижняя вам печенку выключает»? Разве такое возможно, чтобы она спокойно вам нервы трепала?

— А почему нет? — он кивнул — наверное, понял, что я вообще не в курсе. Потому остановился и терпеливо объяснил. — Все зависит от отношений, и лишь бы они обоих устраивали. Это, можно сказать, единственное непреложное правило, все остальное в каждой паре разное. Если моя нижняя — ревнива, как сам черт, то я ее природу не изменю. Конечно, она не может меня оскорблять или нарушать правила, но дуться и высказываться будет так, что в пригороде почуют, как она ревнует. До этой малышки только через пятьдесят лет дойдет, что мне больше никто не нужен. И то не факт!

Я рассмеялась, с улыбкой же глянула на подходившего к нам Максима Александровича.

— Еще на шаг отойди, Игорь, она со мной, — но голос его при этом не был

раздраженным.

— А! — парень тут же поднял открытые ладони вверх, но говорил со смехом. — Привет, Макс, давно не заходил. Ты Риту искал? А я твою нижнюю тут по всем фронтам обложил, чуть сам не влюбился!

— Я тебе влюблюсь, — Максим тоже улыбался. Никакого напряжения у обоих.

— Но ты б на нее ошейник-то надел, — Игорь вдруг озорно подмигнул мне.

Они пожали друг другу руки, и тут же попрощались. Когда мы остались наедине, я сказала твердо — просто посчитала нужным это сказать и именно твердо, чтобы не возникло недопонимания:

— Он ко мне не приставал. И я с ним не заигрывала.

— Знаю. — он подал мне руку. Теплая ладонь — лучшее проявление тепла. Повел вниз. — Кстати, на будущее. Тебе нечего тут бояться. Места разные бывают, но за это я поручусь. К тебе может подойти дом, предложить что-то — и ты можешь отказать. Или можешь попробовать одну сессию, а потом отказать. До подписанного договора ты никому не принадлежишь. И подписывая договор, ты расписываешься именно в том, что хочешь принадлежать именно этому человеку, но на оговоренных условиях. Ошейник — это больше, чем обручальное кольцо. Это признание, которое видят все остальные. Если на тебе ошейник, то в твою сторону ни один дом даже не посмотрит. Ты добровольно и полностью отдалась другому, ты не стесняешься это продемонстрировать. Поэтому такие решения лучше хорошенько обдумать. Запомни, вдруг пригодится.

Я только усмехнулась:

— Спасибо за информацию, но вряд ли она мне понадобится.

— Хочешь чего-нибудь? — он вдруг сменил тему. — Тут кондитерская недалеко.

— Пирожные? Да, хочу! — мне просто нравилось тепло его руки, поэтому и настроение становилось все лучше.

— Любишь сладкое?

— Еще как!

— А вот я на всякий случай запомню, вдруг пригодится... — и, притянув к себе, поцеловал в волосы.

Пирожные на самом деле были потрясающими. Я сначала хотела заказать все разом, но остановилась на шоколадном. Максим Александрович с легкой улыбкой смотрел на меня, но себе заказал только черный кофе.

Уже было довольно поздно, в это время мы обычно ложились спать. Но как же не хотелось возвращаться домой! Потому я тянула удовольствие, но он так и не начал торопить. Если человек и способен кому-то принадлежать — мыслями, всеми эмоциями — то только в такие моменты уюта, только с такими взаимными взглядами и невесомыми улыбками без подтекста.

В квартире он только пожелал спокойной ночи и отпустил меня. Я перед дверью в свою спальню развернулась и сказала — это был порыв, но прозвучало отчетливо, именно так, как должно было быть:

— Спасибо, господин!

— Пожалуйста, моя хорошая.

Но утром, после уже почти привычного минета, сказал:

— Сегодня вечером будет наказание за нарушенное правило. Помнишь?

— Да, господин, — я смотрела снизу вверх, не решаясь подняться на ноги без

разрешения.

— Если будешь послушной, то я запланировал только урок для тебя.

— Я буду послушной, господин.

И рабочий день показал, что я перестаю его бояться. Нет, мандраж накатывал волнами, но теперь без истерики и страшных картин перед глазами. Мне просто надо без пререканий делать все, что он скажет! И тогда он не прикажет делать что-то невообразимое. Откуда появилась такая уверенность, ведь никаких существенных доказательств тому не было? Наверное, дело в том, что человек не может бояться бесконечно. Он устает. Изматывается. И начинает принимать ситуацию, как бы раньше она его ни пугала.

Но оказалось, что не все приказанное, можно запросто выполнить. В квартире еще был повар, он крикнул приветствие с кухни и зачем-то напомнил, что еще целый час до ужина. Максим Александрович сказал мне тихо:

— Прими душ, разденься и в мою комнату. Пятнадцать минут.

Это все ничего, но если повар увидит, как я голая бегу из своей комнаты в другую? Поэтому приоткрывшись, сначала приоткрыла дверь — но нет, мужчина на кухне напевал какую-то песню и звенел кастрюлями, он даже не думал приближаться к проходу. Потому я на цыпочках и затаив дыхание прошла к Максиму Александровичу. Он уже тоже переоделся. Сидел на полу, облокотившись на кровать. Я прикрыла дверь и повернулась к нему в ожидании приказа.

— Иди сюда. Сядь передо мной.

Я опустилась на колени.

— Раздвинь бедра как можно шире. Теперь слушай: это мучительное томление необходимо. Именно поэтому я запретил тебе ласкать себя. Ты должна научиться ждать, должна испытывать удовольствие только в моем присутствии и только тогда, когда я этого захочу. Но раз ты такая любительница себя трогать, то давай, сделай это прямо сейчас.

Я непонимающе уставилась на него.

— Если тебе нужно для этого что-то, то скажи. Только чтобы я все видел. Ну, чего ждешь? Попробуй для начала стимулировать себя пальцами — это самый простой способ достичь оргазма. Ты должна кончить, но на этот раз для меня.

Я нерешительно запустила палец между половых губ, не пытаясь погрузить его во влагалище. Нашла место, где соприкосновение вызывало приятные ощущения.

— Ноги шире. Покажи мне все.

Я водила пальцем туда и обратно, но это было скорее просто приятно, чем возбуждающе.

— Быстрее. И не опускай лицо. Ты должна видеть, что я наблюдаю.

Увеличив темп, я ощутила небольшой прилив возбуждения, но меня отвлекало смущение. От взгляда Максима я терялась, хотелось сжать ноги — кажется, так будет проще. Задвигала рукой резче. Зачем он смотрит так серьезно? Ему нравится мое унижение? Он вдруг приблизился, и надавил мне на колени, заставляя раскрыться полностью.

— Давай, девочка, еще сильнее.

И вдруг я ощутила более мощный прилив — именно от его взгляда. Оттого, что я делаю то, что он приказал, что он не оставил мне выбора. Даже вырвался небольшой стон.

— Очень хорошо. Но мне кажется, ты недостаточно стараешься. Ты должна кончить для меня, а не только разогреться.

Но возбуждение отступало, так и не достигая пика. Теперь мне даже нравилось, что он смотрит. Как именно он смотрит. Ему доставляет удовольствие это зрелище. Мне доставляет

удовольствие его принуждающий взгляд. Снова волна... и опять спадает, будто ее подсекает что-то. Минут десять или двадцать, или все полчаса меня поднимало вверх, но тут же скидывало обратно. Клитор уже горел, но через некоторое время и волны становились все меньше. Мне снова было просто приятно...

— Почему не можешь? — он теперь смотрел в лицо, голос тихий, даже нежный. — Только честно скажи.

— Я... не знаю...

— Из-за смущения?

— Возможно.

— Смущайся, но мы ведь уже проходили, что для тебя это не препятствие. Из-за того что я смотрю?

— Нет... не думаю... — этот ответ был искренним. — Мне даже в какой-то момент понравилось, как вы смотрите...

— Тогда что тебя сдерживает? Отпусти себя.

— Не могу... — я нервно вздрогнула и убрала руку. — Я просто не могу!

— Голос не повышай, — сам он продолжал говорить очень тихо. — Я не злюсь, только спрашиваю.

— Я... возможно, я могу испытать оргазм, только когда вы меня трогаете... Я не знаю! Меня сбивает мысль, что я делаю это сама...

Я не плакала, но была близка к этому. Невыплеснутые эмоции почему-то превратились в раздражение.

— Иди сюда.

Он сам взял за плечо, перетянул меня к себе на колени и обнял. Не взбесился оттого, что я не выполнила приказ. Даже наоборот, прижимает и гладит. Сразу стало спокойнее. Я закрыла глаза, утопая в этом чувстве. И говорил все так же мягко:

— Ты ошибаешься, раз думаешь, что можешь получить оргазм, только когда я тебя трогаю. Хотя это и звучит... боже, как же это звучит! — он усмехнулся мне в макушку. — На самом деле женщина, в отличие от мужчины, возбуждается в голове

— именно поэтому многие могут кончать и без всякой стимуляции вообще. Но надо себе разрешить, понимаешь? И тогда почти любое воздействие не будет спотыкаться о препятствия. Ты же... ты совсем себя не знаешь. И этим обрекаешь любого неопытного мужчину на провал. Даже мне приходится действовать вслепую

— как понять, что тебе нравится, если ты сама этого не знаешь? Когда уйдешь от меня, сделай самой себе одолжение — изучи себя.

Он говорил странные вещи, но голосом будто убаюкивал.

— Вы недовольны мною, господин?

— Надеюсь, это был мой последний приказ, который ты не смогла выполнить. Но я доволен.

— Почему?

В его голосе вдруг послышалась улыбка:

— Потому что тебе было стыдно и неловко. И ты боялась, что я накажу тебя за провал. И ты никогда бы не сделала подобное, не прикажи я тебе. Но все равно жмешься ко мне так, будто тут твое место.

Я тут же встрепенулась от возмущения, подняла голову — он на самом деле тихо смеялся, я не ошиблась. Но возразить-то было нечего... Провел пальцами по моим губам.

— Хотя с этим не спорь. Ты вообще постоянно споришь, чаще всего — молча, сама с собой. Но со мной не надо. И пойдём ужинать.

В субботу утром я ждала Максима Александровича, уже стоя на коленях. Но он подошел, взял меня за плечо и потянул вверх. Я встала, повинуясь его движениям.

— Можешь пока одеться. Сегодня не нужно.

А за завтраком вдруг спросил:

— У тебя же нет ни на что аллергии? — оценил мой удивленный взгляд и испуганный мах головой. — Сегодня у нас много времени, поэтому поиграем. Сессия.

— Господин?

— Почему ты сразу начинаешь трястись? — он улыбнулся. — Доедай быстрее, иди к себе и приготовься ко всему, на всякий случай. Но бояться не стоит: в первых сессиях ничего экстраординарного не делают. Это только кредит доверия.

— К... как прикажете, господин.

Но я все равно волновалась. Разве он не сказал «поиграем»? Возможно, следует отнестись к этому как к игре? Однако ноги все равно немного дрожали, когда я входила в его спальню. Шторы задвинуты, в комнате темнее обычного, но не полумрак. Максим Александрович одет: рубашка и брюки на ремне.

— Разденься.

Я стянула платье через верх. Не знала, должна ли была сюда явиться разу обнаженной, но сейчас не могла понять — разозлился ли он.

— Встань на колени.

Я опустилась вниз. Это уже была почти привычная поза — до сих пор унижительная, но уже не вызывающая паники. Максим подошел ближе, рукой заставил поднять лицо вверх. И после этого застегнул на шее кожаный ошейник.

— Сниму после сессии. Но сейчас помни — это символ твоей покорности.

И будто в подтверждение своих слов, уцепил пальцем за кольцо и потянул вверх. Я встала, вынужденная подняться даже на цыпочки. Ошейник горло не сдавливал, но жесткий материал чувствовался каждым миллиметром кожи.

— Теперь руки.

Я протянула кисти вперед, он надел кожаные браслеты с металлическими кольцами, потом сделал тоже самое с лодыжками. Толкнул к стене. Я прижалась спиной к холодной поверхности, а Максим пристегнул мои руки и ноги за кольца к специальным креплениям так, что мне пришлось их развести в стороны. Над коленями закрепил какую-то палку, и оттого ноги раздвинулись еще шире.

— Распорка. Так ты не сможешь сжаться. Сейчас ничего не беспокоит?

Сейчас меня беспокоило буквально все! Я стала будто совсем беззащитной, раскрытой перед ним полностью. Но неуверенно покачала головой, чтобы не разозлить. И после этого Максим Александрович завязал мне глаза шарфом.

— Теперь жди.

Было немного прохладно. Или мурашки по телу бежали от этой позы? Я прислушивалась к тому, что он делает — ходит по комнате, открыл шкаф. Снова прошел к кровати. Лишенная зрения, я теперь ловила каждый шорох, чтобы хоть чем-то занять мысли. Продолжалось это довольно долго, а потом все стихло. Потеряв счет времени, я начала беспокоиться — а что, если он оставит меня так? Насколько? Плечи уже слабо заныли. Я не

смогу, не выдержу, если это продлится слишком долго!

— Господин?

— Я здесь, не волнуйся. Подожди еще.

Еще через несколько минут я услышала, что он подходит. Выдохнула от облегчения. Ожидание — хуже самого процесса.

— Боль и унижение в таких отношениях неизбежны. Но это ровно такие боль и унижение, которые приносят удовольствие обоим. И к некоторым вещам надо привыкать. Сегодня не будет ничего слишком, но если станет страшно — скажи об этом.

— Хорошо, господин.

Первый удар пришелся по бедру. Я вздрогнула, но не могла бы сказать, что это было болезненно. Максим использовал что-то, с несколькими тканевыми хвостами. Удары даже при большом размахе не приносили заметного дискомфорта. Еще один, выше. Еще. Чуть слабее — по груди. Я напряглась, ощущая, что соски реагируют на механическое воздействие. По животу, снова по бедрам. По промежности. Захотелось сжаться, но это было невозможно. Я не находила ощущения возбуждающими — скорее, странными, смущающими. Я привыкала к мягким ударам. Теперь больше заботил не страх, а ожидание — и вздрагивала я от неожиданности, не понимая, когда последует очередной.

Максим Александрович откинул плеть, я услышала, как стукнулась пластмассовая ручка об пол. И снова неизвестность.

— Я введу это в твою попку. Не сжимайся, он очень узкий.

Но все равно было неприятно. Максим взял меня за талию и чуть притянул к себе, отрывая от стены, ввел гибкий стержень медленно, аккуратно, но сфинктер сам собой сжимался. А потом оставил стержень внутри. Теперь я чувствовала безболезненное растяжение, но было неудобно... неловко. Я постоянно сбивалась на мысль, что внутри меня какая-то игрушка, и если Максим Александрович только захочет, то эта самая игрушка придет в движение. И мне придется стыдно извиваться прямо в этой позе. Надо быть послушной! Тогда он, может быть, не станет...

Теперь он гладил меня: ладонями прошелся от ошейника вниз по плечам, потом по груди, животу, талии. Его руки скользили слишком легко — какое-то масло. Кожа после прикосновения начала разогреваться. Он не трогал только соски, но прошелся вниз по бедрам, складкам в промежности. И я только теперь ощутила, что те места, по которым он бил стали чувствительней. Тепло на них ощущалось сильнее, на бедрах даже немного обжигало.

— Как себя чувствуешь?

— Хорошо, господин... но горячо.

— Сильнее гореть не будет, это не опасно. Но повысится чувствительность.

И после этого он снова начал растирать меня, в тех же местах, избегая только самых нежных мест. Сначала едва касаясь, а потом все сильнее прижимал ладони, гибкими пальцами вызывая мандраж. Кожа реагировала моментально, даже лицо начало гореть, хотя его он маслом не касался. Я застонала, немного выгнулась, будто догоняла его руки. Тело расслаблялось снаружи, но одновременно напрягалось внутри.

— Нравится?

— Да, господин... пожалуйста, еще немного...

Он вдруг поцеловал меня — властно, заставляя широко открывать рот и со стоном ждать нового напора. При этом массировал мои ягодицы. Сейчас даже игрушка в

сжимающемся кольце возбуждала. Слишком долго, слишком мучительно. Я уже хотела развязки — пусть войдет в меня, прямо в этой позе, или поможет кончить пальцами. Я была близка к тому, чтобы умолять. Поцелуи и ласки прекратились так же внезапно.

По шагам я слышала, что он отходит. Напряглась, но, услышав шорох совсем рядом, успокоилась. Только бы не оставлял меня в таком состоянии надолго. Максим коснулся моей щеки пальцами через минуту — горячего следа теперь не было, только небольшое тепло. И после этого отстегнул сначала руки, потом ноги, убрал распорку. Я, оставаясь без возможности видеть, начала растирать немного затекшие запястья, но он тут же ухватил меня за ошейник и потянул в сторону. Толкнул спиной на кровать, едва заметно придерживая за талию. Потом за ошейник же заставил подтянуться дальше, чтобы лежала всем телом. Сел бедрами сверху, но я рефлекторно немного подалась вперед.

— Не шевелись. Ты сегодня умница, я не стану тебя наказывать. Только не шевелись. Руки вытяни вверх, уцепись за перекладины и не отпускай. Если отпустишь — я буду недоволен.

Я взялась пальцами за холодные стержни в изголовье. Локти оказались немного согнутыми. Он развел мои выпрямленные ноги широко в сторону.

— Не сводить. Это тоже приказ.

Он передвинулся вперед. Остановился почти под моим подбородком. Я слышала звук расстегиваемой ширинки, потом ощутила прикосновение члена к щеке. Открыла рот, зная, чего именно он сейчас захочет. Но он позволил мне только коснуться языком головки, снова отстранился, потом немного погрузил в рот и снова вышел. Член был каменным. Ощущение, насколько он возбужден, сбивало с толку и меня.

— Руки не отпускай, — я сжала пальцы крепче.

Сейчас он дразнил меня, и от непонятных ощущений, от неизвестности продолжения я только больше распалаясь. Пусть уже сделает то, что ему хочется! Кажется, именно этого хочется мне. Но он снова отодвинулся.

Потом пальцами раздвинул половые губы и приложил головку. Я застонала в ожидании. Но он не входил, только плавными движениями водил туда и обратно, вызывая желание податься навстречу. Я кое-как сдерживалась.

— Хочешь кончить?

— Да, господин. Позвольте мне...

— А как ты хочешь это сделать?

— Как... как вы хотите, господин.

На этот раз я не лукавила. Максим Александрович не один наслаждался властью надо мной — я наслаждалась его наслаждением. Возможно, чувство это усиливалось от повязки на глазах. Это сужало мир до него одного. До его возбуждения. До моей полной зависимости от его возбуждения.

И после этого член медленно вошел во влагалище. Максим лег на меня всем весом

— он тоже был обнажен. Казалось, что губы его в миллиметре от моих. Сфинктер сжимался из-за игрушки в нем, оттого беспокоило давящее ощущение тесноты. Неудобно, отвлекающе... узко. Я хочу, чтобы он продолжил, только бы...

— Господин, вы забыли вынуть из меня...

— Кто тебе сказал, что я забыл? И не смей отпускать руки.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

И после это начал двигаться, с каждым толчком наращивая темп. Я извивалась от

двоющих ощущений, но старалась не сводить колени. Пальцы от перенапряжения уже ныли. Не отпускать руки, не обращать внимания на то, что меня будто берут сразу с двух сторон, не сопротивляться себе. Оргазм на этот раз наступал постепенно, я чувствовала каждый шаг приближения. А потом накрыл, выгнув все тело. И даже при этом я не разжала пальцы. Еще через два толчка он вышел из меня и кончил мне на живот.

— Теперь можешь отпустить.

Снял повязку — я сощурилась от неожиданности, хотя в комнате не было яркого света. Отпустила перекладины и размяла пальцы. Посмотрела на белую жидкость на своей коже.

— Пока не шевелись. Помоешься, когда разрешу.

Я послушно откинула голову на подушку. Максим Александрович медленно расстегнул и снял ошейник, потом вытащил из меня секс-игрушку. Я с удивлением отметила, что она на самом деле небольшая — не толще пальца, и гибкая. А мне казалось, что в дырочке двигается самый настоящий член.

Сам Максим Александрович уже застегнул брюки, накинул рубашку и сел с краю. Сказал, поглаживая мои ноги:

— Ты забыла поблагодарить.

— Да... Спасибо, господин.

Теперь я чувствовала себя уставшей и разнеженной. От его ласковых касаний истома только усиливалась.

— Теперь скажи честно — что тебе не понравилось больше всего.

Я задумалась. Сперма на животе немного смущала и, высыхая, чуть стягивала кожу, но я не позволила себе обращать на это внимания.

— Точно не знаю, господин.

— Подумай.

— Возможно, когда вы хлестали меня этой... я не знаю, как эта штука называется. Это не было больно, но и не возбуждало.

— Это было страшно?

— Нет.

— В следующий раз я попробую использовать что-то другое. Будет немного ощутимее, но ведь ты уже не будешь так бояться. Когда расслабишься в достаточной степени, это просто станет частью сессии. Возможно, тебя и не будут возбуждать удары сами по себе, но тебя будет возбуждать мысль, что это предисловие к другим действиям.

В следующий раз? Но сейчас эта мысль в разморенном сознании не вызвала недовольства. Если все будет проходить примерно так же, то я не могу назвать это чем-то ужасным. Просто взаимоприятная игра в доверие. Возбуждая меня и чувствуя власть надо мной, Максим Александрович сам получает удовольствие, и за это дарит удовольствие мне. Кажется, я справлюсь. Я бросила взгляд на часы. Все заняло не больше двух часов, а по внутренним ощущениям казалось, что прошел целый день.

— Все, теперь ты свободна. Можешь помыться и отдохнуть. Сегодня вечером прогуляемся и где-нибудь посидим.

— Правда? — я села, а радости в голосе не пыталась скрыть. — Спасибо, господин!

— Иди уже, — он улыбнулся. — А то у меня появляется настроение устроить что-нибудь еще.

Не открывая глаз, я сладко потянулась и перевернулась на другой бок. Будильник пищит, еще пять минут — потом успею собраться. Ровно в восемь я выйду из спальни и сделаю господину минет — так, как он скажет. Мысль эта странным образом разволновала и заставила проснуться окончательно. И сразу нахлынули воспоминания о вчерашнем вечере... Я резко села, схватилась за голову, заметила попутно, что одета в свое «комнатное» платье.

Вначале мы очень-очень долго гуляли по парку, потом медленно шли по улице. Ни о чем важном не разговаривали. Казалось, что и Максиму Александровичу хочется отдохнуть от рабочих проблем, забот и бытовых обсуждений. Я держала его под руку и успевала ловить взгляды прохожих. Интересно, как мы с ним выйдем со стороны?

Потом мы разместились за маленьким столиком у стены в шумном баре, который располагался всего в двух кварталах от дома. Веселого народу вокруг было предостаточно, и это заметно расслабляет. Мы пили текилу. Правда, после двух рюмок Максим Александрович предостерег:

— Не налегай так. Тебя с вина-то развозит.

Но я не собиралась хотя бы в этом месте, наполненном веселыми людьми, выглядеть маленькой девочкой. Поэтому опрокинула в себя и третью. После нее вообще все пошло как по маслу... Правда, теперь я не могла точно вспомнить, что именно и куда шло.

— Я не хочу запрещать тебе выпивать, но плохо не станет? — он улыбался, поставив локоть на стол и переплетя пальцы.

— Не волнуйтесь, Максим Саныч! Мне тут так нравится! И настроение замечательное!

А потом, через какой-то темный провал, снова:

— Все-все, поставь. Тебе уже хватит.

Я сделала глоток, но потом отставила рюмку в сторону. Наклонилась ближе:

— А знаете, почему мне тут нравится? Потому что это не ваша квартира, где все нельзя!

— Это я уже понял. По тому, как ты пытаешься сейчас высказать все, о чем намолчалась дома.

— Да! А что, это странно? То нельзя, другое нельзя, шаг боишься сделать! Вы вообще очень страшным бываете. Но пугает даже не это, а то, что вам это нравится! Нравится, когда я сжимаюсь — да-да, не спорьте! Вы случайно в детстве котят не топили?

— Не топил. Может, закуски возьмем?

Я помахала рукой перед его носом — пусть с мысли не сбивает!

— Я еще раньше все на вас смотрела! Вот, думаю, какой-то девушке повезет — такого хахалю отхватить! Вы же в офисе такой восхитительный, что челюсти сводит!

— То есть я тебе с самого начала нравился?

— Еще как! Но со стороны... вы были как актер на плакате: зубы там белые, улыбка из рекламы зубной пасты, волосы по ветру развиваются, мускулы блестят на солнце отдельными кубиками, все дела... Но плакат — он ведь плакат и есть! Вот и я так же... на вас. У вас, если хотите знать, глаза красивые! И руки. Руки даже покрасивее глаз, если хорошо приглядеться.

— Так-так, рюмку поставь.

— Да и все на вас, как на плакат! Они ж не знают, что под плакатом скрывается... маньяк-рецидивист! Простите, Макс Саныч, называю вещи своими именами! Без обид?

— Без обид. Я сейчас тебе нарезку какую-нибудь возьму. Ты только на месте сиди.

Я и сидела на месте. Успела, правда, допить оставшееся в рюмке, потом еще подлить и опрокинуть. Зачем нам нарезка, если у нас лимон закончился?

Зацепила с принесенной тарелки ломтик мяса:

— Спасибо, господин! Вот прям то, что надо! Угодили!

Он налил себе, но почему-то отодвинул бутылку подальше от меня.

— Ладно, искренняя моя, и маньяк-рецидивист тебе уже очень не понравился?

Я развела руками:

— А вот тут сложно сказать! Само собой, я его возненавидела! Вот прямо до желания убить. Но иногда он делал со мной так... — я никак не могла подобрать нужные слова, поэтому подключила жестикуляцию, — что меня внутри как скрючит и вверх поднимается.

Я старательно напрягла кулак и провела снизу вверх, чтобы продемонстрировать процесс скрючивания наглядно.

— То есть тебе было хорошо?

— Не всегда, скажу я вам, не всегда. Но иногда было так хорошо, что у меня уши закладывало. Может, мы пива возьмем? В горле сушит!

— В другой раз. Ты лучше съешь что-нибудь.

Но вместо этого, я уперлась локтями в стол и наклонилась, чтобы перейти к доверительному тону:

— Позвольте, я вам один совет дам! — не дождалась его реакции, потому продолжила:

— Вы в другой раз, когда вам девушка сильно понравится, ей букетом в морду... или конфетами там. Я вам точно говорю — девушки это любят. Вы прям чудовищно красивый, а с букетом так вообще ахтунг. А вот по роже сразу не бейте

— подождите, пока она от букетов голову потеряет! И вот тут, когда она уже на седьмом небе от счастья и беды не подозревает, хрясь! Если возмутится, то снова букетом прикройте. Так любую можно запутать!

Если я правильно помню, он не злился. Если я правильно помню, он едва сдерживался, чтобы не расхохотаться в полный голос.

— Ну вот что вы смеетесь? Я же откровенно говорю! Давайте теперь и вы откровенно — почему именно меня захотели? Я ведь не такая, чтоб уж сильно яркая.

— Ты красивая, но дело не в этом. Ты смотрела так... как ты там показывала свое скрючивание?

— Красивее Аньки нашей?

— Не знаю, никогда не думал о ней в таком ключе. Как тебя увидел, так сразу и захотел. Словно каким-то органом почувствовал, что ты моей станешь.

Я только пьяно отмахнулась:

— Знаю я этот ваш орган! Со всех сторон, можно сказать, изучила... Вот это просто животное желание, скажу я вам! А мы-то люди!

— Захотел и хочу... даже сейчас хочу, несмотря на твое поведение.

— А что не так с моим поведением?

— Пойдем уже домой.

— Ну уж нет! Я ведь еще не танцевала! А вы умеете танго, господин? Научите меня танго, а?

И снова провал. Я не помню тот момент, когда перестала болтать без умолку и уже шла с ним по улице, вдыхая прохладный вечерний воздух. Максим Александрович меня приобнял

— скорее всего только для того, чтобы я не ушталась в какой-нибудь канализационный люк.

— Я тебе нравился, но ты даже не захотела меня выслушать. И не пришла бы, если бы не прижало?

— Совершенно точно, Макс Саныч. Ни за что бы не пришла!

— А теперь чего хочешь?

До подъезда оставались считанные метры — жаль, я бы еще прогулялась. Он, кажется, спрашивал меня о планах: на остаток нашего договора или вообще, на будущее. Но в тот момент я не поняла подоплеку. Вывернулась и вышла вперед, повернулась к нему лицом.

— А можно?

Максим Александрович только бровь приподнял, ожидая.

— Не переживайте, не целовать! Помню же, что нельзя, — я потрясла головой, но мысли никак не хотели вставать на место. — Я вот всегда мечтала, чтобы у меня был любимый человек, который носил бы меня на руках!

— Ты хочешь, чтобы я тебя взял на руки? — он снова смеялся. — Или мне какого-нибудь прохожего заставить?

— Я вам вот что скажу: все хотят! Даже если говорят, что не хотят, все равно хотят! Вы им не верьте, если говорят, что не хотят...

И тут же, пока он не успел остановить, с разбега запрыгнула на него, обхватывая руками и ногами. Максим Александрович пошатнулся, но удержал, подхватил меня одной рукой под попу, а другой придерживал за спину, чтобы не упала. Я устроилась уютнее и уткнула нос в его шею.

— А уснуть можно? Кажется, мне очень надо теперь уснуть... От вас даже пахнет здорово — вот точно, все есть для того, чтобы запутать противника!

— Спи. Только замолчи.

Дальше ничего и не было. Вот только проснулась я в своей постели, переодетая в красное платье. Ужас какой... Я действительно не умела пить, но таких приключений от себя не ожидала. Что он теперь со мной сделает? Я прокручивала в голове то, что могла вспомнить, зарывалась под одеяло все глубже, но оно уже не дарило чувства защищенности.

Когда я вышла из спальни, Максим Александрович уже сидел на диване, расслабленно раскинув руки по спинке. Я встала перед ним. Он скользнул взглядом по моему обнаженному и дрожащему телу с ног до головы.

— Господин... Я... мне очень стыдно.

— Доброе утро, пьянчужка.

Даже если я уже была красной как рак, то после этого смогла покраснеть еще сильнее. Упала на колени, не смея поднять лицо.

— Накажите меня.

Он резко наклонился вперед, ухватил за подбородок и заставил смотреть на него.

— Почему? Твоя болтовня была вне квартиры. Хотя немного неуважения все же прозвучало, но ничего из ряда вон.

— Я... накажите. Тогда, возможно, мне не будет так стыдно. И если вы накажете, то тема закончится, будет закрыта раз и навсегда.

В темных глазах блеснул огонек, но он не улыбнулся:

— Хорошо. Встань в центр, отвернись, наклонись и упрись руками в колени. Десять ударов.

Я слышала, что он вытаскивает ремень из штанов. Зажмурилась. От первого, хоть не такого уж сильного, удара вскрикнула.

— Не кричи. Считай.

— Один.

Он бил с небольшим размахом. Было немного больно, но я терпела.

— Два.

— За что я тебя наказываю?

— Три. За то, что я напилась.

— Нет. За то, что ты пользовалась тем, что я не поставлю тебя на место прямо там.

— Четыре. Пять.

— Еще ты посмела давать оценку моим поступкам.

— Шесть. Простите!

— Саб не оценивает. Саб только принимает.

— Семь, — этот удар уже был болезненнее. Или просто разгоряченная кожа реагировала острее. — Восемь.

— Значит, я нравился тебе до того, как все началось? — сейчас мне показалось, что он улыбнулся.

— Девять. Пожалуйста... мне и без таких признаний неловко.

— Ты больше никогда не пьешь текилу.

— Конечно, господин! Десять.

— Поблагодари.

— Спасибо, господин.

Я оставалась в той же позе. А он теперь встал впереди меня.

— Тебя тошнит от похмелья?

Я прислушалась к ощущениям:

— Нет, господин.

— Тогда встань на колени и сделай то, что должна делать каждое утро.

Ягодицы горели, но я изменила положение. На этот раз он сам расстегнул штаны и приспустил вместе с нижним бельем. Член был возбужден — такое воздействие оказывают на него моя покрасневшая попа или моя покорность?

Он вдруг обхватил ладонями мое лицо.

— Возьми меня за бедра.

Я неуверенно приподнялась и положила руки куда сказано. Он заставил меня посмотреть на него.

— Я доволен тобой. Это не наказание. Просто мне хочется сегодня так. Если станет неприятно, подними одну руку вверх. Ясно?

Я пока не понимала. Открыла рот, впуская член, а Максим, так и не убирая рук, удерживая мою голову достаточно крепко, начал сам двигаться. Не слишком резко и не слишком глубоко, поэтому я через минуту расслабилась. От активной роли он возбуждался моментально, но не вбивался на полную длину. Мои пальцы сами сжимались на его бедрах. Он снова трахал меня в рот, но теперь по другим правилам, и от этого ощущения были совсем иными. Лишь перед самым концом чуть ускорился и тут же выплеснулся. Он не вытащил член полностью, поэтому я тщательно облизывала головку языком прямо во рту.

Когда посмотрела вверх, то натолкнулась на его взгляд — он следил за моей реакцией, но сам до сих пор тяжело дышал. Могу с точностью сказать, что именно так ему нравится

больше всего, потому и кончил быстро. Пассивность его сдерживает, а ощущение власти подгоняет.

Лишь потом он вынул, дав мне возможность поблагодарить, и неожиданно опустился на пол, так и продолжая сжимать ладонями мое лицо:

— Сейчас было ужасно?

— Нет, господин.

— А если я попробую в другой раз с чуть большим напором?

Понятно, значит, он сдерживался — я не ошиблась.

— Я... я не знаю, господин. Если только совсем немного...

Он чмокнул меня в губы и задумчиво улыбнулся, но так ничего и не сказал.

После завтрака Максим Александрович отпустил меня на все четыре стороны. Вот так прямо и отпустил: «Можешь, — говорит, — навестить родных или погулять. У меня, — говорит, — дел по горло. Только к ужину не опаздывай, — говорит». Это чтобы я уж совсем от радости петь не начала, наверное. Но еще он мне кредитку свою дал и номер озвучил.

— Купи себе нужное. И перекуси где-нибудь.

Первым порывом было отказаться. Что мне нужно, пока я здесь? И его доброжелательность обманчива: уверена, если куплю себе что-то из верхней одежды, то он все равно не разрешит при нем надевать. Но нутром почуяла, что должна взять и непременно потратить хотя бы небольшую сумму. Даже не знаю точно, что это означает. Возможно, знак доверия ко мне. Или проверка — готова ли я принять спокойно и финансовое его покровительство. Поэтому приняла и улыбнулась, как могла искреннее:

— Спасибо, господин. Начну с кондитерской.

Бабье лето — мое любимое время. Жаль, что уже на исходе. Но оттого и любимое: все скоротечное, вот-вот грозящее уйти сквозь пальцы и ничего от себя не оставить, начинаешь ценить ярче, ныряешь в него... без предварительных ласк. Уже завтра или послезавтра может сильно похолодать, потому и солнце, будто намекая на это, забывает о трепетной нежности и отпаривает подопечных с особенной страстью. Даже жарковато. К родителям я не поехала — до сих пор не представляла, как вести себя в их присутствии. Если начну объяснять, в чем они неправы, то непременно сорвусь. Могу сказать и такое, о чем потом пожалею. Купила пирожных, прихватила запас и с собой, выпила терпкого сладкого кофе, долго гуляла по улицам, рассматривая витрины. Странное дело: раньше мне постоянно что-то хотелось — вот такую юбку или туфли на высоченной платформе, которые я нацепляла бы дома, чтобы покрутиться перед зеркалом, но вряд ли бы когда-то осмелилась выйти в них на улицу. А теперь, имея в кармане практически ничем не ограниченный лимит, вдруг поняла, что эти вещи мне попросту не нужны. Они привлекали тем, что были недоступны.

Заглянула в тот самый ресторан, в котором мы обедали ровно неделю назад с Максимом Александровичем. Поразительно, но официант меня узнал, по взгляду было заметно... и проводил к тому же столику. Возникло странное чувство, что я попала в компьютерную игру — вроде бы ничего вокруг не вызывает подозрений, живет само по себе, но я тем не менее в самом центре событий. Не знаю уж, что там для себя определил персонал этого заведения, но для них я была Его женщиной. Мне стало даже немного неловко от слишком доброжелательного отношения, как если бы я чем-то это заслужила. Однако просидела я там долго, издали наблюдая за редкими в дневное время гостями и разглядывая обстановку. Не отказала себе и в мороженом — так заманчиво официант мне его прорекламирал.

Выйдя из ресторана, решила пешком отправиться домой — хотя бы цветы полью, да гляну, целехонька ли моя квартирка. Не спешила, потому заглядывала во все попадающиеся магазинчики, которые, чем дальше от центра, становились все меньше и проще. В одном взгляд зацепился за стаканчик для зубных щеток — совершенно ненужная мне вещь, но такая интересная: до половины заполнена какой-то голубой жидкостью, в которой плавают маленькие пластмассовые рыбки. А может, именно это мне и нужно? Бесплезная штука, которую я поставлю в ванной, и глядя на нее, буду вспоминать, как купила ее только потому, что она попалась мне на глаза! Потому что я импульсивная! Потому что мне нравятся

забавные вещицы! Потому что я — это до сих пор я! Именно это мне и нужно — как талисман, который никогда бы не выбрал для своего строгого интерьера Максим Александрович. Маленькая, совсем ничтожная революция, которую никто, кроме меня, и не заметит. Но, быть может, заставит меня лишний раз улыбнуться.

Я бы еще себе и плюшевого медведя прикупила — обнимала бы его по ночам! Но только над этим Максим Александрович точно станет смеяться... Шмыгнула носом и прошла мимо полки с медведями.

Открыла дверь и тут же замерла — в моей квартире кто-то был. И тут же из зала раздался голос Дениса:

— Сестренка?

Ничего удивительного, у родителей хранился запасной ключ. Но я все же нахмурилась:

— Что ты тут делаешь?

Он подбежал и зачем-то сжал меня в объятьях.

— Живу. Уже пару дней. Маманька совсем мозг выносит. Вот я и решил отлежаться в подполье. Гляжу, а сестренка-то из подполья упорхнула, — и подмигнул.

Гостеприимный братец гостеприимно усадил меня за мой же стол, налил из моего чайника моего чая и уселся напротив, подперев кулаком щеку. Но я решила поговорить о важном, раз уж момент выдался:

— Ты еще работаешь в том кафе? Помнишь, обещал мне помочь с кредитом?

Он рукой махнул и отхлебнул из своей чашки.

— Уволился. Но там бы я тебе и не помог, так что не ори раньше времени. За смену такие копейки платили, просто смешно. Но я тебе с выплатой помогу, честное слово. Только немного времени дай.

Знаю я об этом времени. Да пусть что хочет, то и творит — сама справлюсь! Лишь бы новых проблем не нажил. И как в воду глядела: именно на этой мысли он наклонился и заговорил быстрее:

— Короче, у нас с пацанами идея есть... Подожди ты, никакого криминала! Клянусь! Но нужно бабла собрать для старта...

Я сжала челюсти так, что зубами заскрипела.

— Ты только послушай, сестренка! Тогда ведь все мои подтянулись — помогли, кто чем смог! Мы с ними легион... ну, небольшой такой легиончик, суть-то не в этом. А сейчас все в плюс выйдем, нам бы тысяч двести только наскрести. А, сестренка?

От наглости я не сразу смогла найтись с ответом. Но заговорила сдавленно, пытаюсь, чтобы слова мои не звучали истерично, а как констатация факта:

— Денис. Я совсем не против, чтобы у тебя было свое дело. Совсем. Но прежде чем впутываться в авантюру, сначала надо разобраться с предыдущей. Так поступают разумные люди. Ты подставил и меня, и родителей. Так...

Он перебил:

— Это все понятно! Когда в плюс выйду, то и долг твой закрою! Ты в первую очередь идею послушай — потом иначе говорить будешь!

Я резко встала, стул с грохотом отодвинулся — и только это заставило брата наконец-то замолчать.

— Мне не интересно, Денис! Слышишь меня? Не интересно! И у меня все равно нет этих денег! Никаких нет, благодаря тебе!

Он вдруг улыбнулся хитро, откинулся на спинку и скрестил руки на груди:

— А давай оба сделаем вид, что понимаем происходящее? По миру ты не пошла — и ежу понятно. И маманька говорит, что изголодавшейся не выглядишь... Да и шеф твой, который деньги нам так запросто отвесил, не зря тебя на машинке катает, правда? Попроси у него — я верну, честное слово!

— Выметайся отсюда, — я не узнала свой голос.

— А если нет? Силой ты меня не выгонишь.

Я схватила кружку и швырнула вперед, хоть в раздражающую физиономию и не попала. Потом схватила со стола салфетницу и бросилась на него. Денис закрывал голову, пока я лупила, куда придется, прошмыгнул мимо в прихожую.

— Дура истеричная! — орал, натягивая куртку. — Дура и эгоистка!

Мне все же удалось выпихнуть его в подъезд и захлопнуть дверь. Ключи, к счастью, он прихватить не успел. Бросила салфетницу на пол, прошла в зал, села на диван. Смотрела долго в выключенный телевизор, а потом разрыдалась.

Они ведь родные мне! Любимые! Единственные во всем мире, кто на моей стороне! Так почему же только берут-берут-берут, но ничего взамен не дают? Даже у Максима Александровича правила понятнее! А тут вообще не знаешь, как поступить. Что делать с таким братом? Каких проблем он мне доставит еще? Могу пожаловаться — Максим Александрович именно такой человек, который может взять за шкуру и припечатать к стене так, что Денису больше и в голову не придет меня о чем-то просить. А я... что я сделаю в этот момент? Не кинусь ли защищать? Потому что родной ведь. Любимый. Я плакала еще сильнее.

А потом как отпустило. Даже на душе легче стало, когда почувствовала равнодушие — пусть приходят, пусть требуют, больше от меня они ничего не получают. Стало даже весело, когда я шла по улице тем же путем. Завернула в уже знакомый отдел и купила себе мыльницу в виде дельфина. А то стаканчику будет одиноко без такой отличной компании!

Глянула на часы — уже пора возвращаться. Поймала такси.

Но ближе к центру мы встали в пробке. Время еще есть, но я начала беспокоиться. А когда волнение уже не позволяло мыслить, расплатилась и вышла. Затор тут на час, я пешком доберусь быстрее. Нажала на звонок почти вовремя. Максим Александрович открыл сразу, запустил внутрь.

— Ты опоздала.

Да, на одну минуту. Но теперь я знаю, что стоит только принять наказание — и оно не станет особенно жестоким. Возможно даже, что закончится чем-то очень приятным. Не спорить, не переспрашивать.

— Да, господин, простите меня. Что я должна сделать?

Он прошел в зал, сел на диван.

— Иди сюда. Встань в центре.

Я последовала за ним прямо в сапогах и пальто.

— Глаза опухшие. Что-то случилось?

— Ничего такого, что не случалось со мной раньше, господин. Я уже успокоилась.

— Если у тебя будут проблемы, ты мне об этом скажешь?

Я замялась:

— А должна?

— Это не то, что я могу заставить тебя делать. Но... я бы хотел, чтобы было так.

Он меня сбил с мысли. Какой смысл мне рассказывать о чем-то, если через неделю мы

уже не будем так общаться? Но сейчас ответила максимально искренне:

— В данном случае нет ничего, что вы могли бы сделать. В смысле, никто бы не смог.

Это просто... эмоции.

— Из-за меня?

— Нет.

— А сейчас как настроение?

— Странно, но очень неплохо.

— Хорошо, — и перешел сразу к другой теме. — Тогда потанцуй для меня.

Танцевать? Без музыки? Не переспрашивать и не спорить. Я приподняла руки и заставила себя двигаться. Неловко и зажато, но я пыталась делать это плавно. Закрывает глаза — так легче отвлечься.

— Раздевайся. И продолжай танцевать.

Я расстегнула пальто, откинула на пол. Продолжая водить бедрами стянула через верх блузку. Открыла глаза — он смотрел на меня с легкой улыбкой, его не раздражала моя неумелость. Сняла бюстгальтер и тоже кинула на пол, расстегнула юбку. Наклонилась и сняла сапоги — один и другой, при этом остановив движения.

— Танцуй.

Пришлось стягивать чулки и стараться двигаться хотя бы немного из стороны в сторону. Выпрямилась, снова подняла руки. Теперь, полностью обнаженная, под его пристальным взглядом, я совсем не могла расслабиться. Но заставляла себя выводить круг — сначала руками, потом ниже, завершая бедрами. Максим Александрович встал и медленно подошел ближе. Я замерла лишь на секунду, но продолжила плавные покачивания. Он положил мне руки на бедра и заставил увеличить траекторию, поворачиваться сильнее. Я уловила этот темп и держала его, когда он отпустил. Максим обошел меня, встал так близко, что я немного касалась ткани его брюк ягодицами, положил руки мне на грудь.

— Продолжай.

Я двигалась, а он то сжимал ладони, то наоборот раскрывал их — чтобы я возбужденными сосками скользила туда и обратно. Мучительно нежно, но слишком долго. Но и его движения менялись, теперь он касался меня чаще, сжимал сильнее. Неожиданно положил мне руки на плечи и надавил, заставляя опуститься на колени, потом подтолкнул, укладывая спиной на пол. Сам одной ногой перешагнул, чтобы я смотрела снизу. Вытащил член и прошелся по нему рукой пару раз — он уже был возбужден.

— Ноги согни в коленях.

Опустившись, он сразу же вошел, заставив меня выгнуться.

— Ты не должна издать ни единого звука. Понятно? Только когда захочешь кончить

— спроси разрешения.

И тут же начал вколачиваться — резко, страстно. Я зажала губу, чтобы не стонать. Потом и вовсе закрыла ладонью рот, потому что никак не могла сдержаться. Но он перехватил мои руки за запястья, завел вверх и с силой прижал к полу. А толчки стали еще мощнее. Я извивалась, мычала сквозь замкнутые губы, морщилась и снова выгибалась навстречу. Еще, господин, еще. Казалось, что я задыхаюсь — невозможность стонать в голос будто перекрывала кислород, все ощущения сосредоточились на движениях вниз.

— Господин... можно? — получилось сказать это только со стоном. Но я уже ощущала близость оргазма — могла сорваться на любом из следующих толчков.

И он замер. Посмотрел на лицо, а руки мои так и держал крепко.

— Пока нет.

И двинулся медленно-медленно, выгибая меня дугой. Назад. Почти полностью вышел — и снова. Медленно до такой степени, что захотелось кричать, умолять, чтобы ускорился. Эту близость к оргазму, в миллиметре от него вынести нельзя. Снова обратно. И на третьем сказал очень тихо:

— Сейчас.

И опять, будто пронзая изнутри и наслаждаясь затягиванием, он вошел. В этой медлительности содержалось столько нашего общего напряжения, что оно стало невыносимым. Я выгнулась оттого, как мышцы сжимаются вокруг члена, пульсируют. Открыла рот беззвучно, содрогаясь от оргазма. Я чувствовала, что внутри меня стало так тесно, так сильно сжималось, что он кончил только от этого. Лег на меня всем весом, но не выходил и продолжал держать мои руки. А я ловила отголоски так медленно отпускающей волны, и только-только училась дышать. Если это было наказание за минутное опоздание, то я готова каждый день немного опаздывать.

Лишь гораздо позже до меня дошло, что он впервые кончил в меня. Таблетки уже действуют... А если нет, то впереди меня ждут проблемы похуже, чем сейчас.

Утром Максим Александрович зашел в мою комнату. Я посмотрела на часы — еще слишком рано! Начала паниковать: вдруг настройки сбились и время сейчас другое?

— Доброе утро... господин? — получилось с вопросительной интонацией.

— Ну, что замерла? Ты ведь вроде бы в душ собиралась?

Глянула неуверенно на полотенце в руках, сама я уже успела снять «комнатное» платье и бросить на разобранную постель. Поняв его намерения, нерешительно повернулась к двери в ванную. Он мягко подтолкнул в спину:

— Заходи уже. До сих пор меня стесняешься?

Казалось бы, уже давно не должна — человек привыкает ко всему. Но смущение все-таки было, и каждый раз такое, будто он не разглядел еще каждый миллиметр моего тела. Бросила полотенце на тумбу, открыла дверцу душевой кабины и оглянулась — Максим Александрович раздевался! Я почему-то удивилась этому так сильно, что выдала свое изумление. Выражение моего лица заставило его улыбнуться.

Кабина была небольшой, для двоих даже тесноватой, но ощущение вынужденной близости сбивало дыхание.

— Давай я.

Он взял из моей руки гель для душа, за мочалкой даже не потянулся. Щедро плеснул себе на ладонь и начал меня гладить — от шеи спускался все ниже, не пропуская ни одного места. Долго массировал грудь, живот, обнимая — спину, я задохнулась, когда он прошелся ладонью между ягодиц. Снова плескал гель на руку, отставлял на полку и снова проходил по тем же местам, задерживаясь на груди или промежности, заставляя меня постанывать. Пена почти тут же смывалась с кожи, но от следующего движения появлялась снова. Ласковая нежность, но до безумия эротичная, заставляющая иногда закрывать глаза от удовольствия.

Наклонился, сказал тихо, почти в самое ухо:

— Теперь ты.

У меня подрагивали пальцы, когда я взяла гель. Максим Александрович не любил раздеваться при мне — я это давно заметила. При этом он вовсе не стеснялся своего тела, дело было в другом — одеждой он будто проводил границу между нами, подчеркивал мою уязвимость. Поэтому теперь, получив возможность водить ладонями по его груди, плечам, я разгоралась. Даже не знаю, что возбуждало больше — когда он касался меня, или когда я касалась его. Это занятие я была готова растянуть на часы, но он вдруг поторопился: прикусил на секунду нижнюю губу, словно едва сдерживал улыбку, взял мою руку, опустил вниз. Я мыльной рукой прошлась по яичкам, эрегированному члену. Вода смыла, но я продолжала водить ладонью, чувствуя, как он напрягается всем телом. От моих прикосновений головка подрагивала, и от его возбуждения я уже сама не могла остановиться.

— Давай, девочка, ты ведь хочешь.

Я на самом деле хотела. Он раздвинул ноги, чтобы я могла опуститься вниз. Теснота делала положение неудобным, но сейчас это не отвлекало. Я вобрала ртом член полностью. Падающая сверху вода сужала восприятие до очень маленького пространства, в котором сконцентрировалось наше общее напряжение

— когда одна страсть порождает другую страсть.

Отстранилась, затуманено посмотрела вверх:

— Господин, можно мне... ласкать себя? — сейчас казалось, что я смогу кончить, едва только коснусь себя там.

— Нет, моя хорошая. Сейчас нет. Ты должна потерпеть до вечера.

И даже несмотря на это, я испытывала удовольствие — от своих движений, от его толчков в мой рот. Кажется, начинаю верить, что можно дойти до оргазма даже без дополнительной стимуляции. Но когда он кончил и вытащил член, позволяя воде смывать остатки, почувствовала разочарование. Тянущее ощущение внутри теперь немного раздражало, оставшись невыплеснутым.

И это чувство не могло утихнуть, когда после он растирал меня полотенцем. Продолжение ласки только усиливало желание, но я знала, что спорить бессмысленно. Я должна остаться в таком состоянии, чтобы вечером хотеть этого в два раза сильнее.

— Максим Александрович, а в ванной есть камера? — вдруг вспомнила я.

— Считай, что есть. Лишним не будет. А это у нас что за новые постояльцы?

Неожиданное веселье в его голосе отвлекло, я проследила за его взглядом. Максим Александрович улыбался, разглядывая купленные стаканчик и мыльницу. Я только коротко пожала плечами и улыбнулась в ответ.

— Удивлен, что ты какого-нибудь плюшевого мишку не прихватила! — он рассмеялся тихо и обнял меня. — Пойдем уже, сегодня точно опоздаем. Мне-то можно, а вот некоторых за опоздание может начальство и наказать. Или некоторым нравится, когда начальство их наказывает?

Я тоже смеялась — хорошее утро. Лучшее из тех, что я с ним пережила.

А в офисе он собрал весь отдел разработки и сообщил:

— Васильевы продлят контракт с нами, но сейчас они хотят изменения концепции. Желательно, кардинального. Но я, кажется, начинаю заикливаться на одних идеях, поэтому решил в этот раз изменить сам подход. Каждый из вас может предложить свою идею и устроить презентацию. Возможно, получится скомпоновать из нескольких одну.

Аня засомневалась:

— Максим Александрович, Васильевы — наш самый крупный клиент... Сомневаюсь что у кого-то из нас есть подходящий для такого уровня опыт!

— Я тоже сомневаюсь, Анна. Но разве я сказал, что бездумно возьму первое, что предложите?

— Максим Александрович! — раздался звонкий голос с другого конца. — А премия победителю будет?

— Да если кто-то соорудит хоть что-то внятное, Татьяна, то я его главным всего проекта назначу.

— Кру-у-уто!

— Не «кру-у-уто», Екатерина. Пока совсем не круто. Срок — послезавтра, а не через полгода.

— Вы просто пессимист, Максим Александрович! — та рассмеялась. — Вот я лично вас собираюсь удивить!

— Удивите меня! Хоть кто-нибудь, хоть чем-нибудь уже удивите. А то я на пенсию хочу, сил нет, но вас, таких удивительных, без присмотра не оставишь, — он посмотрел на молчуна Никиту — тот был тихим, незаметным, но иногда способным генерировать неплохие идеи, Максим Александрович вообще его из всех нас выделял. — Вы тоже

поучаствуйте. И пусть вас презентация не смущает — так надо.

— Максим Александрович, а если никто не победит?

— Тогда придется назначить на руководство проектом лучшего. Меня то есть. Опять. А я так хочу на пенсию.

— А вам сколько до пенсии осталось? Лет двести?

— Когда я смотрю на ваши шрифты, Мария, то мне кажется, что все триста.

Расходились с совещания со смехом, но многие почти сразу направились к своим компьютерам, чтобы накидать первые возникшие идеи.

По дороге домой я не выдержала:

— А зачем презентация, Максим Александрович? Тот же Никита на многое способен, но без лишнего внимания и давления, вы ведь знаете. Да он теряется, когда на него просто посмотришь!

— Презентация — это тоже реклама. Получится двойной фильтр отбора: если кто-то заинтересует меня рекламой рекламного проекта, то идея точно чего-то да стоит. А Никита снова молча принесет мне на листочке, и скорее всего в итоге окажется лучшим. Но его и возглавлять проект не поставишь — он исполнитель, не руководитель.

На самом деле, тот меня волновал не в первую очередь. Я бы и сама хоть что-то попыталась предложить, но презентация сильно беспокоила. Наверное, я была как Никита, потому о нем и поинтересовалась. Я вот тоже могу разволноваться на глазах десятка зрителей, но это не значит, что у меня вовсе нет идей. Максим Александрович добавил:

— Надеюсь, понятно, что я не запрещаю тебе участвовать?

— Понятно. Но и не будете помогать.

— Не сваливай все в одну кучу. Могу гарантировать только одно: если ты окажешься лучшей — так и скажу. Если нет — тоже. У тебя в этом плане не будет привилегированного положения, как и предвзятого. Но если возникнут вопросы, то... ты знаешь, где меня найти.

Я усмехнулась. В его словах можно выловить уверенность, что от самого участия я не откажусь. Странно, что именно он не сомневается во мне... Ведь лучше всех меня знает.

В тот вечер секс был необычным. Максим Александрович неожиданно выбрал самую пассивную из всех ролей. И не могу сказать, что мне это очень понравилось. После ужина он приказал мне раздеться, сам сел на диван и приспустил штаны.

— Возбуди меня руками и языком.

С этим я справилась без труда. Член реагировал на мои прикосновения моментально. А я реагировала на руки, которые время от времени поглаживали мою грудь.

— Теперь садись сверху. Ты должна кончить сама и меня довести. В любой последовательности. Постарайся.

Я раздвинула ноги и разместила сверху. Направила член внутрь, осторожно села. Привыкла к ощущениям и начала двигаться. Поначалу казалось, что ничего сложного нет — те же самые фрикции, которые приведут к тем же самым результатам. Но уже через пару движений вверх и вниз, почувствовала, что бедра напрягаются слишком сильно, устают. Я никак не могла приспособиться, чтобы поддерживать ритм, постоянно сбивалась и немного меняла положение. Наконец, нашла — уперлась руками в спинку по обе стороны от его лица и начала двигаться от поясицы вперед и назад.

Было очень непривычно. Вроде бы сейчас не он брал меня, а я сама выбирала темп и угол наклона так, чтобы найти для себя самые приятные. Но ощущения, что я руковожу процессом, так и не появилось. Я насаживалась на член снова и снова, пронзая все тело

усиливающимися приливами возбуждения, но оставалась подчиненной. Максим Александрович мог бы помочь — если бы начал толкаться бедрами вверх, то почти сразу смог бы довести нас обоих до пика. Он же сидел почти расслаблено, откинул голову и смотрел на мое лицо полуприкрытыми глазами. Лишь иногда поднимал руки и только кончиками пальцев касался моих сосков — я и от этого мгновенно возбуждалась, но он почти сразу убирал, будто решил никак мне не помогать.

— Ты плохо стараешься. Быстрее!

Я ускорилась и теперь насаживалась резко, на всю длину. От этого сбилось дыхание. Но он словно вознамерился мешать:

— Старайся лучше! Или прикажу убрать руки за спину, так будет еще сложнее.

— Простите... господин...

От этого темпа я уже была близка к оргазму. Отвечать приходилось со стоном — возможно, именно этого он и добивался. Холодным голосом загонял в угол, давил, зная, что от давления я распаяюсь. Наклонилась еще ниже, под таким углом внутри начало все сжиматься от наслаждения.

— Быстрее! Быстрее, говорю! Плохо слышишь?

— Я...

Оргазм не позволил договорить, я вообще забыла, что хотела сказать. Упала на его грудь, скручиваясь судорогами.

— Продолжай, девочка, двигайся, — теперь мягче. — Двигайся!

Я теперь вообще не понимала, не отдавала себе отчета, но бедра сами заходили и почти сразу вернулись к предыдущему темпу. Он только один раз напрягся, резко подался вверх и кончил.

Я остановилась, дышала тяжело, рвано. Он тоже не спешил менять позы, оставляя член внутри. Я податливо приняла в рот палец. Посасывая, закрыла глаза. Спонтанно потянулась за рукой, а он другой рукой перехватил меня и уложил на грудь. Погладил по волосам.

— Спасибо, господин.

Он долго молчал, а потом сказал с неожиданной улыбкой в голосе:

— Я вот думаю, может, я люблю подчиняться? Потому что быть ведомым... неплохо. Чего встрепенулась? — рассмеялся. — Да шучу я, успокойся.

— Вы не особо-то и подчинялись, — буркнула, хотя тоже начинала улыбаться.

— Что, правда? — вздохнул. — Видимо, совсем не мое. Но я так старался, так старался.

— Можете тогда сказать: «Спасибо, госпожа». Для полного эффекта.

— Не перегибай, я таких слов даже не знаю.

Теперь мы смеялись вместе.

Во вторник уже с утра все не заладилось. И обстановка в офисе была наполнена настороженным вниманием. В конце концов Екатерину прорвало:

— Я видела, как ты выходила из машины шефа! Девочки, а давайте теперь угадаем, чей проект победит?

Я лишь на секунду прикрыла глаза. До какой степени у людей может быть скучной жизнь, если чужая их интересуется многократно больше своей? Можно соврать, что он увидел меня по пути и подхватил. Но навалилась неподъемная усталость — мне-то, вот именно мне, за что нужно оправдываться?

— Да, выходила. Смирись, Катя. Или не смиряйся. Мне на самом деле все равно. Она ахнула, остальные переглядывались.

— Все-таки не гей, — успокоилась первой Маргарита Ивановна.

— Теперь хоть ясно, откуда прикид... — рассуждала сама с собой Татьяна.

— Ну вот! В кои-то веки что-то интересное произошло, но с самой скрытной — мы останемся без подробностей! — разочарованно закатила глаза к потолку Катя.

— Так и что, у вас прям там все серьезно? — не сдержала любопытства Аня.

И этот вопрос был самым сложным. Их не устроит любой ответ. Меня не устроит любой ответ. На следующей неделе так же равнодушно сообщу, что расстались — характерами не сошлись. А до тех пор просто перетерплю бесконечные вопросы и шепотки за спиной.

— Тихо! А, нет... это не он, — контролировала выход Тамара. — Говорите тише, а то ж всем шеи свернет! Даже разбираться не станет, кто что говорил.

— Эх, девочки! — вдруг рассмеялась Маргарита Ивановна. — Вы теперь вообще слова выбирайте: в нашем стане первая леди и главный шпион! Кто бы мог подумать? Хотя... я же и подумала! Молодец, Марго, нюх к старости лет не растеряла!

Я предполагала, после этого станет невыносимо, но оказалось, что совсем наоборот: открытое признание — это факт, с которым придется просто смириться. Потому меня доставали поначалу только вопросами, потом злились, что отшучиваюсь и скрытничая. Возможно, зависть и присутствовала, но как-то без задора. Даже самые отчаянные выбирали слова. У Максима Александровича тяжелая аура — как куполом защиты накрывает, даже когда сам об этом не подозревает. Такую обстановку принять несложно, теперь будет даже жаль на будущей неделе их разочаровывать.

По дороге домой Максим Александрович сказал:

— Сегодня меня не будет, поужинаешь одна. И у тебя высвободится целый вечер, если решишь заняться подготовкой презентации.

Я сразу не переспросила, а позже сильно об этом пожалела. Куда он отправился? Точно ли освободил вечер для моей работы, а не... для своего удовольствия?

Вошла в свою комнату — подняла с пола красное платье. Утром я немного задержалась и уже выбегала обнаженной, опаздывая на полминуты. Но Максим Александрович прищурился, а потом припечатал меня к стенке. Вместо привычного минета получился очень страстный, почти грубый секс. Казалось, он собирался вбить меня в стену, вколачиваясь так яростно, что я голову теряла от его напора. Стонала, задыхалась и только сильнее обхватывала его ногами, забыв о том, что это наказание. Но моментально вспомнила, когда он вышел из меня за секунду до оргазма. Сам кончил мне на внутреннюю

сторону бедра, а потом так и отправил завтрак. Без одежды. Завтра заведу будильник на пятнадцать минут раньше. Я посмотрела на ту самую стену — стоит себе, проблем не знает, а мне одной секунды не хватило! Еще и сейчас ушел куда-то... Говорю же, с самого утра не заладилось.

Заставила себя сосредоточиться на проекте. Для этого разместила за компьютером Максима Александровича. Перебрала с десятков идей, но потом выделила одну: банка сока, который и нужно прорекламирровать, изгибается и принимает очертания женского тела, а потом будто взрывается и возвращается в свою форму. Сексуальное напряжение и взрыв. Визуальная ассоциация связи желания и полученного наслаждения. От апельсинового сока, конечно. Понятия не имею, от чего еще можно получать удовольствие, кроме апельсинового сока. Интересно, где Максим Александрович сейчас?

Можно сделать анимированный постер, а для статичного баннера — сам изгиб. Видеоряд получится коротким, но запоминающимся. С самой картинкой я провозилась часа три, но вышло прекрасно — именно так, как я сначала запланировала. Похвалила себя. Поругала себя, потому что все это без хорошего слогана — пустышка. «Жажда», «Напои жажду», «Утоли желание» — все не то. «Взорви жажду!» — еще хуже. «Разреши себе... это» — ну, можно, если с паузой. Не слишком ли откровенно? Хотя с визуальным рядом смотрится очень неплохо. Где его носит в такое время?

Он сам говорил, что у него есть нижняя, с которой он регулярно встречается. Насколько регулярно? Уж наверное, не реже раза в две недели. Вспомнилась и какая-то «Рита» — ее упоминал парень возле клуба. Якобы Максим Александрович ее зачем-то искал... Это она и есть или совсем другая женщина? Она совершенно точно не должна быть такой стеснительной, как я. С ней ему не придется сдерживаться... вообще ни в чем. Я не могу быть в этом уверенной, просто представляла себе, что если женщина посещает БДСМ-клуб, то вряд ли слишком зажата.

Я пила на кухне чай, когда услышала звук открываемой двери. Вышла в прихожую. — Ты почему не спишь? Первый час ночи.

Он не был пьян, но запах алкоголя едва уловимо ощущался. Они пили... вино? До или после? Ей он разрешает кончать или в их договоре это не оговаривается? Меня просто разорвет — надо было поинтересоваться в самом начале, чем сидеть и выдумывать истории.

— Господин, я могу спросить... где вы были?

Голос неожиданно прозвучал резче, чем я собиралась. Я вообще на допрос не настраивалась, ничего подобного! Просто настроение было ни к черту, вот на голосе и отразилось.

Он прищурился:

— Это что сейчас? Сцена ревности?

— Не ревности! — вышло совсем уж громко. — Остатков самоуважения!

— За тоном следи, — он, кажется, тоже начинал злиться. — Что ты несешь?

От холодного голоса я остыла и сама. А чего я хотела? Он использовал меня так, как ему захочется. Как вещь. Человек спрашивает разрешения у вещи, если хочет взять другую вещь? Завтра утром я снова встану перед ним на колени и начну послушно вылизывать его член. Меня передернуло от отвращения, но я заставил себя произнести как можно спокойнее:

— Простите, господин. Спокойной ночи.

— Подожди, — он шагнул следом, потому я остановилась и снова посмотрела на него. — Если речь все-таки о ревности, то давай это обсудим. Раньше надо было обсудить,

но...

Я нервно покачала головой:

— В нашем договоре не упоминалась верность. У нас вообще никакого договора толком и не было, — он попытался взять меня за руку, но этого я уже не выдержала: — Не трогайте меня! Не смейте меня сейчас трогать!

Дверь спальни сама хлопнула. Или все-таки рука дрогнула. Я легла на постель, но не успела даже глаза закрыть, как дверь распахнулась и с тем же звуком ударилась об стену. Я разозлила его! Да он в бешенстве!

Голос звучал тихо, но отдавал сталью:

— Я смотрю, ты по мне сильно соскучилась? Не трогать, говоришь? На живот. Задери платье. Голову не поднимай.

Я до сих пор дрожала, но перевернулась на живот. Он двигался к кровати, на ходу расстегивая ремень. Лег сверху и почти сразу вошел во влагалище. Никакой нежности, никаких прилюдий или хотя бы теплого слова. Уперся локтями в постель и начал двигаться. Два раза медленно, а потом сразу мощно, каждый толчок все сильнее. Дышал рвано, горячо — от этого и мое дыхание сбивалось.

— Бедра сожми. Голову не поднимай.

И я свела ноги вместе, и оттого только теснее чувствовала каждое его движение внутри. Стало жарко. Самое ужасное в происходившем — я получала удовольствие. Морально раздавленная, физически я возбуждалась все сильнее и сильнее. Это нельзя остановить, все тело взрывается импульсами. Не тело меня предает — я сама себя предаю. Потому что хочу его до одури, потому что загораюсь сразу, когда он берет меня. Даже когда берет так. И оргазм — быстрый и яркий — как последняя капля моего падения. Он кончил почти сразу после меня.

Встал и, застегивая ремень, сказал, но теперь без металлического отголоска:

— Я ужинал с Васильевым-старшим. Потом ему приспичило показать мне новую дачу. В другой раз обойдись без истерик. Если чего-то хочешь от меня — говори об этом. Если переживаешь из-за моего отсутствия — позвони. Если я не пойму твоих желаний — объясни. Но никогда, ни при каких обстоятельствах не смей разговаривать со мной в таком тоне.

Когда он ушел, я завыла в подушку. И дело было даже не в собственной ошибке, а в том, что я, кажется, себя окончательно потеряла. Даже сейчас совершенно глупо радовалась, что он был не с женщиной — радовалась, как самая последняя на свете дура. Кажется, я ничего и никогда себе не разрешала с таким отчаяньем, как это глупую радость. «Разреши себе... хотя бы это».

Глава 18

Утром он остановил меня, когда я собиралась опуститься на колени, приказал быстро одеться и выйти к столу. Когда я села, сразу начал:

— Нам нужно поговорить.

— Господин, — я решила вставить слово, раз он сделал паузу. — Простите за вчерашнее.

— Тут дело не в прощении, а непонимании. Твоя реакция... я знаю, под каким моральным давлением ты находишься. Сразу знал. Осталось четыре дня до конца нашего договора. Неужели ты думаешь, что я бы не выдержал без другой женщины еще четыре дня?

— А я вообще ничего не думаю, Максим Алек... господин. Мне не положено. Сказала я это без вчерашней истерики, спокойно и обдуманно. Но он нахмурился:

— Кажется, получится сложнее, чем я предполагал. Давай перенесем этот разговор на вечер. Некоторые вещи надо обсудить, чтобы они не беспокоили.

А зачем обсуждать, если осталось четыре дня? Но я только кивнула:

— Как скажете.

— Ты проект приготовила? — он неожиданно улыбнулся.

— Да. Но до сих пор думаю, что не выйду с презентацией. Не мое это.

— В рабочих вопросах заставлять не буду. Если ты сама себе ничего не хочешь доказать, то я бессилён.

А прозвучало иначе: докажи мне, что ты способна! Или я просто этот подтекст придумала? Но отказ на самом деле выглядел слабостью, поэтому захотелось проверить себя: смогу ли оставаться спокойной, когда он будет сравнивать мое предложение с другими; выдержу ли пересуды за спиной — мол, смотрите, любовница начальника голову подняла; способна ли я вообще справиться с волнением или всю жизнь так и просижу подальше от стрессов? Наверное, я просто устала переживать, потому что вдруг четко поняла — смогу. А когда мне придется искать новое место работы, то уверенность в себе точно не повредит.

Катя ошиблась — мой проект не победил. Я волновалась только в самом начале, даже пару раз сбилась, но потом разговорилась, объясняя идею и показывая разные варианты представления на экране. Все выступление заняло не больше пяти минут, и слушали внимательно. Даже Аня, которая иногда бывала хамоватой, в конце попросила еще раз показать предпоследний слайд. Однако Максим Александрович сказал:

— По исполнению почти идеально, хоть на телевидение запускай. Но сама идея — нет. Что-то подобное не придумывал только ленивый. Для баннера очень удачный цветоряд — вот это можно где-нибудь использовать.

Я не расстроилась, потому что до моего он отверг и все предыдущие предложения, а потом взял у Никиты его наброски и ушел в кабинет. В общем, вышло, как все и ожидали — проект скромняги Никиты оказался самым впечатляющим. Его разбавят моей фишкой с цветами, возьмут чуть скорректированный слоган Кати, и на основании полученной концепции Максим Александрович сам сделает анимированный постер для веб-сайтов. От этого результата уже можно будет плясать дальше, как он сам выразился.

Я была собой довольна. Есть некоторые пороги, которые обязательно надо перешагнуть. И сегодня я преодолела один из таких, пусть без фанфар и фейерверков. Предстоящий

разговор немного тревожил, но не так, чтобы испортить настроение. Осталось четыре дня. Всего четыре.

Как не было утреннего минета, так ничего не произошло и до ужина — это настораживало. В самом деле он хочет сначала поговорить о чем-то важном?

Начало ужина протекало в молчании. И к лучшему — я была голодна. Но потом он все же сказал — и совсем не то, что я могла бы предположить:

— Не хочешь сходить в клуб? Тот самый. Насильно не потащу — мне там слезы и заламывания рук на глазах у зрителей не нужны, поэтому спрашиваю мнения.

— Тогда не пойду. Что мне там делать? — я действительно была удивлена.

— Возможно, просто из интереса.

Мне было немного любопытно — как и что там происходит, но эта идея возникла слишком внезапно, я об этом раньше и не думала. Я чувствовала, что сейчас свободна говорить откровенно, он именно поэтому и спрашивает. Поэтому улыбнулась — лучше продолжать в дружеском тоне:

— И шейник наденете? Не-е, я пас.

— Можно обойтись, — он улыбнулся в ответ. — Только от меня не отходи, чтобы другие не ошиблись. Они могут посчитать, что ты кого-то ищешь. Или тебя интересуют такие предложения?

Ну да, очень смешно! Всю жизнь мечтала, чтобы мною заинтересовался бородатый байкер, обтянутый в кожу и с плетью в руке. Или как там у них это происходит? Все-таки немного интересно...

— Я знаю, что вы делаете, господин. Потому и отказываюсь. Вы хотите, чтобы я стала ближе к Теме, чтобы посмотрела на других — тех, кто счастлив в таких отношениях. Это должно изменить само восприятие. Нельзя всерьез ненавидеть что-то, если начинаешь это понимать — даже если применительно к другим, а не к себе.

Теперь он поставил локти на стол, сложил пальцы в замок, но не мог спрятать широкой улыбки.

— И зачем мне это надо — менять твое восприятие?

— Могу только предполагать. Например, хотите после нашей сделки предложить мне... продолжить. Только уже с моим согласием. И чтобы подготовить меня к этому согласию, я должна быть в курсе деталей и не такой предвзятой.

Настроение почему-то портилось. На этот раз он не затыкал мне рот, внимательно вслушивался в каждое слово, но настроение почему-то неумолимо портилось.

— Допустим. Так я правильно все рассчитал?

— Нет. Потому что я не хочу быть в курсе, понимаете? Не хочу! Такие отношения не по мне, я даже к мысли этой привыкать не собираюсь.

— А откуда такая уверенность, что это не для тебя?

Кажется, у него настроение тоже пропадало. Голос мой теперь звучал чуть резче, но увереннее:

— Потому что не может один человек принадлежать другому! Не может подчиняться и при этом испытывать удовольствие! Это... извращение.

Я все-таки произнесла это слово вслух. Но сейчас почему-то не боялась его реакции — ведь он продолжал слушать.

— То есть ты никакого удовольствия от подчинения не получаешь? Лена, я правильно понял?

Он впервые назвал меня так! И оттого в груди больно сжалось. Не офисным «Елена», не покровительственным «моя девочка»... Этот разговор на самом деле принципиально отличался от всех предыдущих.

— Вы сейчас специально подменяете понятия! Я получала удовольствие — даже спорить не стану, но не от боли или унижения, а от механической стимуляции! Вы ведь сами говорили, что при правильном подходе оргазм — вообще не вопрос!

— Не кричи, — сам при этом тона не повысил. — А мне кажется, что ты сама себя обманываешь. Тебя одними приказами разогнать можно, без всякой стимуляции. А от прямого давления у тебя крышу сносит. Я лишь в самом начале думал, что ошибся — никакой ты не сабмиссив. Но очень скоро понял: ошибки нет. Только перед принятием себя такой стоит бетонная стена.

Я рот открыла, но с ответом не нашлась. В чем-то, в какой-то самой ничтожной мелочи, он был прав, но не во всем! Тем временем, поймав меня на растерянности, Максим Александрович добивал:

— Я совершенно уверен, что в тебе это есть. Вот понимаешь, на сто процентов уверен. Потому что не каждая на твоём месте так быстро начала бы получать удовольствие. А ты получала. Даже когда я был очень груб с тобой. Ты из-за страха или смущения этого не замечала или не хотела замечать. Но давай, Лен, начистоту — сейчас ты не выглядишь жертвой сексуального насилия. И не чувствуешь себя ею.

Я заставила себя мыслить и говорить спокойнее:

— Ладно. Предположим, что так и есть. Что-то во мне реагирует на грубость. Но в своими действиями только загнали это еще глубже. Вы сразу могли поступать иначе!

Он откинулся на спинку, даже взгляд был напряженным, но не голос:

— Мог бы. И знаешь, как развивались бы события в этом случае? Ты, слишком зажата, слишком закомплексованная, не была готова вообще ни к чему. Если бы я каждый раз учитывал твое мнение, то в первую неделю мы бы целовались, во вторую — перешли к легкому петтингу, в последний день ты — так уж и быть — позволила бы мне тебя трахнуть в миссионерской позе. Нет, тебя надо было выбивать сразу из зоны комфорта. И знаешь, ты очень быстро приспособилась.

— То есть вы все делали правильно? Вообще никаких сомнений в этом?! Вы были жестоки! В самом начале! А приспособилась я именно потому, что после самого начала все уже не казалось таким страшным!

— Был. Потому что не относился к тебе, как к возможной нижней. Но почти сразу понял, что это реально.

Я качала головой:

— Вы одного никак не хотите понять. Эти роли, эта зависимость одного человека от другого — она нечестная!

— Роли разные. Связь одна. И она всегда двусторонняя. Я зависим от твоих реакций не меньше, чем ты от моих приказов. А в каком-то смысле даже больше.

Да у него на все есть готовый ответ! Я злилась все сильнее — одновременно с заканчивающимися аргументами. Остался только один. Я вывалила его, как козырь:

— Я была в безвыходной ситуации. Да, вы меня купили... или не так — я вам продалась. Поэтому никаких претензий не имею — это честная сделка, и обо всем вы предупредили заранее. Но чтобы продолжать... да как вам вообще такое в голову пришло?

Он встал, и только в резкости его движения я ощутила настоящую сдерживаемую

ярость. Ушел и вернулся через минуту. Бросил лист с печатями на стол.

— Безвыходная ситуация? Серьезно? Три комнаты, семьдесят два квадрата! Знаешь, что могут сделать родители, чтобы спасти сына? Гораздо больше, чем просто разменять жилье! Намного, намного больше! А если у них нет квартиры в семьдесят два квадрата, то они бегут в полицию или собираются всей семьей и уматывают в другой город! В самую последнюю очередь в таких ситуациях люди пойдут делать то, что им отчаянно претит! Ты просто нашла себе моральную гавань

— ведь когда заставляют, то ты, вроде как, и не при чем. Только не говори, что все это не приходило тебе в голову — я никогда не считал тебя душой.

Я тоже встала — просто не выдержала. Руки дрожали от бессилия. Но он не прав, не прав, не прав! И кажется, Максим Александрович дошел до той стадии, когда уже жалеть меня не мог:

— Говоришь, что я перегибал палку? Правда? Делал то, что ты вынести не могла? Да вот картинку твоего идеального представления о себе портит один маленький момент — ты ни разу не пыталась уйти. Ты вообще хоть раз всерьез подумала о том, чтобы уйти? Или такая мысль сильно бы помешала оставаться жертвой только по принуждению, без всякого собственного желания? Ведь намного проще вообразить, что я тебя наручниками к батарее приковал, правда? Намного проще убедить себя, что других вариантов не было! Да, я получаю удовольствие от власти над тобой. Говоришь — извращение? Но я хотя бы с самим собой честен. А ты?

Я рухнула обратно на стул. Бесконечная, тяжелая, невыносимо тяжелая усталость. Мне нужно поспать, а потом подумать. И только после этого, на свежую голову я точно смогу ему ответить... если он снова захочет меня слушать.

— Все, хватит, осталось последнее, — услышав его теперь более тихий голос, я с удивлением подняла взгляд. — Иди сюда.

Накажет? Просто трахнет? Все-таки пристегнет наручниками к батарее? Ведь еще вчера предупреждал о тоне, так что ничего непредсказуемого. Я встала и подошла.

— Платье снять, господин?

— Да.

Как только осталась обнаженной, он взял меня за плечи и посмотрел в глаза:

— Слушай очень внимательно. Сейчас ты можешь остановить меня в любой момент. Просто скажешь — и я больше сегодня к тебе не прикоснусь. Ясно?

— Да... господин.

По таким правилам я на многое соглашусь. Кажется, я даже поняла, чего он хочет: для закрепления эффекта от своих слов он собирается быть со мной нежным — показать лишней раз, насколько я сама к нему тянусь. Но уже через минуту поняла, что этот секс нежным и не планировался. Даже в поцелуе была одна только злость, но настолько безумная, страстная, что я реагировала. Даже слабые укусы возбуждали тем, что не контролировались. Не отрываясь от моих губ, он опустил меня на пол, сжал грудь — ошутимо больно.

Прервал поцелуй, вызвав недовольный стон, раздвинул мои колени и ввел два пальца во влагалище, при этом не отрывая взгляда от моего лица. Начал ими двигать, грубо, на грани с болью — это не ласка, это как печать собственника: «Давай, попробуй притвориться, что тебе это не нравится». И я не стала притворяться. Выдохнула судорожно и откинулась на спину. Через несколько движений внутри стало влажно.

Как только он почувствовал мое возбуждение, вытащил пальцы и распорядился:

— Расстегни мне штаны. Возьми член в рот. Соси, пока не остановлю. Будешь плохо стараться, я буду вбиваться сам. И на этот раз не сдерживаясь. Хочешь?

Это как будто была игра, которую можно остановить... Но она не воспринималась игрой: путала мысли, сбивала с толку... возбуждала. Остановить можно и чуть позже. Я приподнялась на локтях, села на колени, быстро расстегнула пуговицу и молнию, вытащила член и принялась вылизывать его, пока он не возбудился до предела. В рот взяла уже каменным.

— На меня смотри!

Подняла глаза вверх. Во взгляде тоже нет нежности — только темное, разрастающееся возбуждение. И снова — эта парадоксальная реакция на его страсть, которая бьется сначала отголоском в груди, а потом растекается по всему телу, чтобы позже сконцентрироваться в одной точке. Казалось, он слишком быстро приближается к грани, но Максим вдруг отстранился. Потом взял ладонями за лицо, удерживая:

— Вытяни подбородок вверх и расслабь горло. Если постараться, то будет только один раз.

Что?! Я сразу поняла, чего он хочет, и от этого опешила. Нет, нет, это уже слишком! И он сегодня не позволял мне привыкнуть к одним ощущениям, поймать сладкую нарастающую истому, тут же меняя их на другие.

— Рот открой! — практически рывкнул. — Или останови!

Я подчинилась. И в этот момент просто не смогла подумать о том, чтобы не подчиниться. В какой же степени он был прав? Он позволил мне обхватить член губами, но тут же протолкнул дальше, вводя головку немного в горло. Очень неприятно. До такой степени, что непроизвольно навернулись слезы. Но я не сжималась, зная, что так только хуже себе сделаю. Расслабить, расслабить. Он задержал член так на несколько секунд, за которые я даже успела чуть привыкнуть к ощущениям. Но когда вытащил, немного закашлялась. Сглотнула слюну.

— Умница, просто очень хорошо! — его дыхание тоже немного сбивалось.

Он будто в награду за старание тут же наклонился и прижался губами к моим. Я позволила его языку творить что вздумается, даже не почти не отвечала — принимала. Это была словно передышка в каком-то безумии, хотя распалюющая еще сильнее. Я уже хотела его так сильно, что немного подавалась бедрами вперед, стремясь прижаться теснее.

Максим отстранился и усмехнулся, будто уже доказал, что хотел. Схватил меня за талию и рванул вверх, заставляя развернуться. Поставил на четвереньки. Вошел сзади, я выгнулась, подаваясь навстречу. Но он не спешил. Запустил пальцы мне рот, вынуждая посасывать и стонать от желания, а другую руку положил на грудь. Массировал все с большим нажимом, сжимал сосок между пальцами — это было на самой грани между наслаждением и болью. При этом внутри не двигался, как будто собирался заставить меня умолять. И я была близка. Возможно, он это даже чувствовал:

— Ну что, мне дать тебе время для самоанализа или просто трахнуть, пока ты не кончила, лишь вылизывая мои пальцы?

Я подалась бедрами, насаживаясь сильнее. Пусть что хочет, то и делает. Но я на самом деле взорвусь, если не сделает ничего. После этого он переместил руки мне на бедра.

— Ноги шире. Позу не менять. Кончать можно только после разрешения.

И начал двигаться — со всей силы, сбивая дыхание. При этом пальцы в бедра буквально

впивались, но сейчас я не могла на этом сосредоточиться. С каждым толчком вырывающийся стон становился все громче. Задыхаясь, теряясь во всплесках оглушающего возбуждения, выдавила:

— Господин... можно? Господин... я сейчас...

— Можно. Давай, девочка, покажи мне, как тебе нравится.

Меня свело от наслаждения, сжало, как пружину, которая никак не хотела раскручиваться. Одна волна оргазма, и следом за ней другие, захлестывающие от каждого его толчка. Не знаю, когда он кончил сам, но продолжал вколачиваться в меня, удерживая за бедра, пока сама я сотрясалась судорогами. Лишь потом отпустил, позволил лечь на пол, не осталось сил даже рукой шевельнуть. И после этого внутри продолжало сладко сжиматься.

— Спасибо... господин...

— Синяки останутся, — он провел ладонью по моему бедру, но сейчас меня это не интересовало. — На память.

Поднялся на ноги и отошел. Я просто прислушивалась. Еще немного — и я смогу открыть глаза.

— Теперь собирай вещи и уходи. Сделка закончена, никаких долгов. На работе оформлю тебе отпуск на месяц — это тебе время, чтобы ты не порола горячку и хорошо подумала. Если надумаешь увольняться, то придешь через месяц и напишешь заявление.

Мои глаза еще пару секунд были закрыты, но я напряглась, не веря своим ушам. Пока он не ушел, приподнялась и переспросила:

— Правда?

— Да. Я же сказал. Есть деньги на такси?

— Господин... Максим Александрович! Вы прощаете мне оставшиеся дни? Точно?

Он вдруг присел передо мной на корточки и улыбнулся:

— Лен, давай просто разойдемся. Надеюсь, без взаимных обид. Расписку заberi или сразу порви. Но себя за все произошедшее не кори, не загоняйся в угол еще больше, чем уже загнана. Договорились?

— Это... неожиданно. Спасибо! Вы точно не злитесь?

— Теперь уже нет, — он улыбался так искренне... так не к месту весело. — Выплеснул раздражение, как говорится. Надеюсь, ты тоже потом остынешь и решишь, что между нами никаких претензий остаться не должно. Но если вдруг захочешь выплатить кредит побыстрее, то звони — оформим сделку на тех же условиях! — он подмигнул и расхохотался. Со смехом же ушел в свою комнату, лишь сказав напоследок: — Дверь захлопнешь, хорошо?

— Х... хорошо...

Я просто не могла поверить в свое счастье. Настолько неожиданно, что обескураживает до невозможности сформулировать хоть одну внятную мысль.

Я собирала сумку быстро, даже что-то несуразное под нос напевала. Но потом осеклась, вспомнив о камере. Подставила стул и влезла на него, чтобы рассмотреть следящий глазок — теперь Максим Александрович уже не вправе наказать меня за самоуправство. А может, даже придет сюда, чтобы вместе над этим посмеяться. Глазок легко снимался с крепления и вообще никаких признаков жизни не подавал. Выключен? Но я остановила себя от того, чтобы пойти и спросить прямо. В конце концов, какая разница? Даже если камера была включена круглосуточно, то он не мог следить круглосуточно за мной. Просто физически не мог, всегда чем-то занятый. Вспомнилась сцена, когда он меня поймал... А ведь не факт, что поймал. Он просто спросил — и я призналась. Точно! Ему вовсе незачем было следить за мной, достаточно было создать видимость, что следит. Рассмеялась над своей наивностью.

Купленные вещи аккуратно сложила на кровати, с собой взяла только стаканчик для зубных щеток и мыльницу — этим красавчикам все равно тут не место.

В моей маленькой съемной квартирке ждала тишина и накопившаяся пыль. И тем не менее я не уставала радоваться тому, что вернулась. В ближайшее время не нужно ни о чем думать, нет необходимости ходить на работу, видеть его там, отшучиваться от назойливых допросов коллег. Пусть что хотят, то и думают о моем неожиданном отпуске — подарок ли это соержанке от щедрого начальника, размолвка ли или какие-нибудь семейные обстоятельства, которые могут приключиться с каждым. Уверена, в офисе будут озвучены все эти версии. И еще сотня сверху.

Первые два дня я отсыпалась. Не чувствовала за собой такой физической утомленности, но разрешила погрузиться себе в лень с головой. Не физически — я морально устала. И если захочу, то целый месяц не буду вылезать из постели. А когда на карточку пришли отпускные, так вообще жизнь засияла новыми красками непроходящего блаженства. По крайней мере с голоду не умру. Если только заставлю себя встать и выйти в магазин. Пока можно заказать пиццу. Завтра в магазин, завтра. Может быть.

Удивительно, но злость на Максима Александровича отпустила практически сразу. Я перебирала в уме все озвученное в последнем разговоре и, наконец, поняла, в чем он был неправ: он не слишком хорошо понимал мои отношения с семьей. Они ждали, что именно я решу все проблемы — им не придется. Но самое важное, что я сама этого от себя ждала — да, что я обязана все решить. Моя ошибка, спорить бессмысленно, опечатка в первичном коде, которая неизбежно приводит к одному и тому же результату. Не вина Максима Александровича, и все же он был неправ. Если понимал, как все есть на самом деле, то не должен был забивать меня аргументами именно про мое нелепое положение в отношениях с родней. А я точно чувствовала, что все он прекрасно понимал. Просто не собирался жалеть — как и во всех остальных случаях.

Еще через день до меня дошло, что я ждала поддержки от совершенно чужого человека! Вот прямо так: он должен был меня поддержать, потому что кроме него никто этого не сможет. Должен — потому что в силах. Потому что я бы хотела, чтобы он это сделал. Вторая ошибка в первичном коде. Кажется, мне нужно отправиться к психологу — в моей голове полный бардак. Пусть хоть кто-нибудь переоценит мои ценности. Эта мысль заставила рассмеяться в голос.

А через неделю я вдруг ощутила прилив энергии: будто новым человеком родилась.

Ближе к вечеру отправилась к родителям, и настроение по пути переросло в эйфорию. Какое это, оказывается, облегчение, когда знаешь, что делать дальше. И пусть план не идеальный, и пусть уже завтра принесет кучу проблем, но он хорош уже только тем, что занимает мысли и заставляет двигаться вперед.

— Чего? — окатил меня взглядом отец. — Какой бред! Тут у тебя семья, куда это ты собралась уезжать?

И мама подхватила, но скорее весело — она даже и не подумала, что я говорила всерьез:

— Лена, ну и чушь! Чего тебе на месте не сидится? Все для счастья есть! Хорошая работа, перспективы роста, семья рядом — всегда есть к кому обратиться. Никогда не думала, что ты из тех людей, которые от добра добра ищут.

Хорошо, хоть Денис комментариев не вставлял — сидел и слушал.

— Я на самом деле хочу уехать. Разошлю резюме, сниму для начала комнату. Мне только помощь нужна... с кредитом. Хотя бы на первые месяцы. А как на ноги там встану...

— Хватит! — отец разозлился так неожиданно, что от его голоса все вздрогнули. — Ахинея какая-то! Что за жук тебя в задницу укусил, что ты вознамерилась родителей-стариков бросить?

Справедливости ради, родители-старички еще не были даже в пенсионном возрасте, оба работали. Деньги лопатой не гребли, квартиру сундуками с золотыми пиастрами не заставляли — это правда. Не бедствовали и не шиковали. И главная причина того, что у них никогда не было денег, сидела в кресле и внимательно слушала.

Я взяла себя в руки и выдавила:

— Хорошо. Не надо с кредитом. Просто займите денег. На дорогу и комнату. Я верну.

— А откуда у нас? Дениске вон тоже на бизнес нужно — собираем. Может, уже наконец-то у него что-то получится. А у тебя работа хорошая, — развела руками мама. — Доча, не глупи. Пойдемте уже пить чай.

Денис, поймав меня за локоть, когда родители направились на кухню, зашептал:

— Ты что, с хахалем своим разругалась?

— Да. Расстались.

Он был разочарован! Да он кое-как сдерживался, чтобы не треснуть меня за такие приятные известия:

— Ну и дура ты, сестра! Дура, идиотка! Как будто сама не понимаешь, что такие шансы по одному в жизни даются!

— Отпусти.

— А кто кого бросил, если не секрет?

Даже по взгляду можно было прочитать, о чем он думает — если Максим Александрович отношения разрывать не хотел, и расставание произошло только из-за моего непроходимого идиотизма, то с того можно еще попытаться что-нибудь поиметь. Вот только братишка не очень в курсе, что даже близко не тянет на того, кто способен поиметь Максима Александровича. Если кто-то вообще на свете тянет.

— Отпусти! Или я прямо в доме родителей тебе всю рожу расцарапаю! Бизнесмен хренов.

Когда я вышла из подъезда, то неожиданно для себя начала смеяться. И плевать, что прохожие оглядываются! Нервы начали сдавать, не иначе.

Директор маленького рекламного агентства мне не понравился с первого взгляда. В смысле, с его первого взгляда сальных глазок, который прошелся по всему моему телу. Одета

я была очень скромно: юбка ниже колена и полностью закрытая блузка, поэтому его азарт был необъяснимым. Он кое-как отлепил от меня свое внимание и устремил его в папку. Я решила пойти таким путем — рассчитаюсь с долгами, а потом все-таки уеду. Если не передумаю.

— Все макеты твои?

— Да, конечно, Владимир Иванович.

Его фамильярное «тыканье» на рабочем месте мне тоже не понравилось. Сразу. И сильно раздражало тиканье настенных часов. Как он за целый день тут с ума не сходит от этого стука?

— Леночка, а эти логотипы тоже сама делала?

— Сама, Владимир Иванович.

Казалось, он впечатлен. Но похвалы я так и не дождалась. Тук-тук-тук, часики, я вас слышу. Еще раз пробежался глазами по резюме. А потом отложил все в сторону, посмотрел на меня:

— Леночка, ты должна понимать, что абы кого я на работу не возьму. Все же вопрос сложный и имеющий долгосрочные последствия, потому и к подбору штата самое пристальное внимание.

Мелкая фирма, занимающаяся только баннерной рекламой, а гонора столько, как будто под ним весь город задыхается от наслаждения. Я промолчала. Тогда он соизволил объяснить свою мысль:

— Меня серьезно смущает твое место работы... — я только бровь приподняла, но продолжала молчать. Не думала, что опыт в крупной фирме может служить препятствием. — Давай как взрослые люди, а? Знаю я этого твоего начальника и фирму, конечно, знаю. А кто в нашем бизнесе не знает? В курсе и того, что лучшие кадры со временем туда стараются попасть. Но никогда не бывает наоборот. Улавливаешь мою мысль?

Я кивнула. Должна быть стоящая причина, чтобы я от зарплаты в три раза выше вдруг возжелала перейти на службу к этому неприятному мужику с сальными глазками. Подскочила на месте — боже, они еще и с кукушкой! Будто тиканья было мало! Дождалась, пока кукушка выскажется, потом ответила:

— У меня не было конфликтов с руководством. И никаких нарушений не было. Это мое личное решение, связанное с... в коллективе не прижилась.

Это очень, очень плохая причина! Но хоть какая-то. И, похоже, его отчасти устраивала:

— Некоммуникабельная? Но я все же попрошу тебя принести рекомендацию — хотелось бы гарантированно получить хорошего сотрудника, пусть и некоммуникабельного. Сама ведь понимаешь, как-то уж слишком подозрительно.

Нельзя обвинить его в глупости. Я бы на месте Владимира Ивановича тоже подстраховалась. Возможно, что меня просто выгоняют за пьянство на рабочем месте или еще что похуже. Обратиться за рекомендацией к Максиму Александровичу можно — эта мысль не пугала. Он напишет, я была уверена. И похвалит только за то, что заслуживает похвалы. Ничего лишнего, никакой предвзятости или помощи. Осталось позвонить и спросить. Но это подождет. Я пока морально не готова. Вот такая дилемма: пока не готова, даже номер не могу его набрать, а потом успокоюсь окончательно — и тогда уже увольнение не будет обязательным. Кредит выплачивать было бы намного проще, да и фирма на порядок лучше всех остальных... И ведь точно знала, что Максим Александрович останется самым

замечательным начальником! Не станет напоминать о том, чего я сама не захочу вспоминать. И с квартиры в этом случае не пришлось бы съезжать, а мне очень не хотелось теперь жить у родителей. Я ведь и отселялась специально, думала, так давления станет меньше... Похоже, успокоиться — это и есть лучший для меня выход. Снова проблема только во мне. Но, к радости, впереди еще достаточно времени, чтобы принять взвешенное решение.

Да я уже почти успокоилась! По крайней мере настроение было приподнятым. Десять дней, проведенных у Максима Александровича, теперь воспринимались иначе — как безумный, приятный, отвратительный, эмоционально насыщенный, невыносимый, но незабываемый отдых. Со временем станет просто приключением. Кое-что, конечно, смущало — моя симпатия к Максиму Александровичу. Возможно, даже немного влюбленность, для которой не придумывалось ни одной причины. Ну и что с того? Он мне нравился, гормоны там или психологический сдвиг, без разницы. Но я не из тех людей, которые разрешат каким-то там гормонам рушить жизнь. Да, уже скоро это станет просто незабываемым приключением. Или вообще забудется.

Тем же вечером накупила попкорна и наслаждалась презабавной комедией. Смеялась и расслаблялась от отсутствия мыслей. Попался твердый комочек, я неловко прикусила — очень больно! Бросилась к зеркалу в твердой уверенности, что сломала зуб. Но ничего, обошлось, просто секундная боль. Сейчас пройдет, Лен, сейчас... Хорошо ведь, что зуб не сломала, правда? Сейчас...

Я рухнула на пол, потом вскочила, напрочь забыв про зуб. Попыталась взять себя в руки, подвела тело к дивану, взяла чашку с попкорном... и с разворота швырнула ее в стену. Громкий удар и разлетающиеся осколки вперемешку с желтыми кусочками окончательно взорвали что-то внутри. Я просто не могу больше! Журнальный столик от удара перевернулся. Не могу! Сувениры с полки снесла одним махом, многие разбивались — так даже лучше. Нельзя взять человека и использовать всей толпой так, чтобы он при этом остался человеком! Заорала со всей мочи в стену. Бессвязно. А потом еще и еще. Нельзя брать от человека, ничего не давая взамен! Он не выдержит, не сможет долго! Потому что если бы я просто сломала зуб, то снова решала бы проблему сама! Как и любую другую. Никому не нужная до такой степени, чтобы хотя бы выслушали! Хотя бы спросили: «Как ты, Лена, справляешься?» А Лена не справляется! Слышите, вы все, Лена никогда не была настолько сильной, чтобы все это вынести!

Я выла, упав на колени. Ревела и вытирала рукавом слезы. Но их накопилось слишком много — не за десять дней, за десять лет. В дверь громко постучали:

— Эй! Что там у тебя происходит? Ленка, мать твою, что за шум?!

Я заставила себя крикнуть — еще одна проблема вдовесок меня просто убьет:

— Ничего! Простите!

Потом и вовсе свалилась на бок, продолжая скулить, как брошенная собака. Даже соседу-алкашу стало интересно, что у меня тут происходит. Хоть ему. Ближе, кажется, у меня все равно никого нет.

К концу третьей недели все устаканилось. Я даже решила, что вернусь на прежнюю работу. Хватит быть жертвой. Хватит себя ею чувствовать. И если там мне будет плохо, то по крайней мере быстрее заработаю деньги на кредит и переезд в другой город.

Чаще всего я пребывала в апатии, но и с этим чувством можно смириться. Переждать, когда психика выйдет на новый виток — и он обязательно будет замечательным. Однако посреди этого спокойствия я все же не разучилась волноваться. Увидев на экране телефона имя, так и не заставила себя принять вызов.

Что ему нужно? Хотя вряд ли что-то личное. Наверняка по работе. Да точно по работе! Зачем ему еще звонить? Успокоилась и нажала на ответный вызов.

— Максим Александрович, вы звонили.

— Да... Подожди, — кажется, он куда-то выходил или закрывал дверь. — Лен, я должен кое-что спросить у тебя.

— Слушаю.

— Месячные были вовремя?

Нервно усмехнулась:

— А вы не забыли, что больше не вправе задавать мне такие вопросы?

— Спрашиваю не потому что вправе, а потому что должен. Ты и сама понимаешь.

— Я не беременна, Максим Александрович.

Секундная пауза.

— Хорошо. Вероятность, хоть и небольшая, все-таки была.

— Теперь можете вздохнуть спокойно. Что-то еще?

— Нет. До свидания.

Тишина не всегда вызывает такую опустошенность, только после всплеска эмоций. Он не спросил о планах, вернусь ли я на работу, о моих сомнениях или решениях. Возможно, ему все равно или не хочет давить. Интересно, насколько он переживал о моей беременности? И что сделал бы, если бы все пошло наперекосяк? Но еще интереснее, что сделала бы я? Аборт или многолетняя зависимость от него, необходимость общаться — м-м-м, один вариант хлеще другого, даже не знаю, что выбрать.

Ложилась я поздно. Отсутствие физической усталости и хоть какого-то режима все же сказывалось. Иногда часами лежала в постели и разглядывала потолок, а иногда до самого утра читала или смотрела фильмы. Отдыхать тоже нужно уметь! Кажется, я не очень умею...

Вот и теперь лежала, уже полчаса кряду. Но даже думать было не о чем. Включила лампу и снова легла. Закрыла глаза. Запустила руку под одеяло, прокралась под резинку трусиков. Почти сразу отыскала нужную точку и, не позволяя себе отвлечься на ненужные мысли, заскользила пальцами. Это приятно, даже немного возбуждает, но будто чего-то не хватает. Зажмурилась и представила себе актера из вчерашнего фильма, который мне очень понравился внешне. Он подходит ко мне, целует властно, а потом входит — без предисловий, даже немного грубо. Но его грубость не граничит с жестокостью, ничего общего. Это просто страсть — мужчина берет женщину.

Положила другую руку на грудь, сжала — но это не придало заметных ощущений. Это не я — это он ласкает мою грудь. И от этого его дыхание сбивается, он хрипло постанывает. Я же слышу собственные стоны. Возбуждение не заставило себя ждать, теперь мне даже не

приходилось концентрироваться усилием воли: все происходило будто само. Мужчина уже не стонет, наоборот, он довольно сдержан. Несдержанная только я. Потому что не могу не стонать и подаваться вперед, мне приятно отдаваться его страсти.

«Красивая... моя... вся моя... — шепчет мужчина. — Громче, отпусти себя!»

Я задыхалась, забывая окончательно, где нахожусь.

«Ноги сожми. Тебе ведь нравится, когда так тесно? Почти до боли, но именно это и сводит с ума. Давай же, сильнее, иначе я буду недоволен».

— Господин, можно мне... — спрашивать разрешения глупо, но сейчас было так хорошо, что я не стала себе отказывать. Мне будто было нужно это, чтобы страсть захлестнула полностью.

«Да, девочка, покажи мне, как ты кончаешь. Сейчас!»

Я вся сжалась и перевернулась на бок, поджимая колени к груди. Оргазм был не слишком ярким, но он был. Стыдно ли таким заниматься? Ну, каждому встречному точно не расскажешь... Но мне было приятно, словно это означало какую-то победу. Однако пика получилось достичь лишь после воображаемого давления извне. Того самого актера с потрясающей внешностью и хриплым голосом, угу. Может ли быть такое, что Максим Александрович просто приучил меня к этому? Выработал условный рефлекс. Но как иначе объяснить, что раньше я вообще так не заводилась: даже отклика, подобного этому, от фантазий не ощущала? Мне всегда, всегда будто чего-то немного не хватало, чтобы по крови потек жар...

На следующий день позвонила Егору. Я не понимала точно, зачем мне это нужно, просто чувствовала необходимость.

— Это Лена. Помнишь такую?

— Лена? Что-то случилось?

Конечно, он был удивлен. После расставания мы вообще не общались, он даже перевелся в другую группу, чтобы закончить институт, поменьше встречаясь со мной. Его номер так и остался в моем телефоне — вероятно, именно для этого момента:

— Ничего не случилось. Привет!

— Привет... Как-то неожиданно...

— Наверное, я должна была извиниться — еще тогда. Пусть это будет сейчас.

Его голос стал мягче, даже отдавал улыбкой:

— За что, Лен? Сейчас-то за что?

— Вероятно, это потребность завершить что-то. Не знаю, Егор. Это мне нужно, не тебе. Узнать, что ты в полном порядке.

— Да я... — он явно растерялся, но знал меня достаточно хорошо, чтобы понимать

— раз спрашиваю, значит, мне это необходимо. Поэтому теперь тихо смеялся, ударяясь в воспоминания: — Тебе тогда в самом деле стоило просто прямо сказать, а не бегать от встреч, делая из меня полного придурка! А когда до меня дошло, то я думал, что помру, честное слово. Но уже давным-давно так не думаю.

— Тогда скажи, что ты счастлив.

— Говорю! — и даже в голосе это ощущалось. — Я счастлив, Ленка! В начале ноября женюсь.

— Правда? — я была искренне рада услышать, что хоть кто-то на самом деле наслаждается жизнью. — Кто она?

— Так Катя, на параллели училась. Может, помнишь? Низенькая такая, тебя на голову

ниже. Я ее еще коротконогой звал, помнишь? Смеялась на всю столовую, зла на нее не хватало!

— Помню, конечно, — соврала я. Но он рассказывал с таким азартом, таким счастливым голосом, что для мелочей в этом разговоре места не оставалось.

— Мы когда с ней в одну фирму устроились, я думал, поубиваем друг друга! Ты ведь помнишь, какая она стервозная была? С тех пор только зубы острее стали! И ничего не умеет, — теперь уже и я смеялась в ответ ему. — Прикинь, вчера учил ее омлет готовить! Она даже омлет не умела!

— Звучит так, словно ты жалуешься!

— Нет, Ленка, не жалуюсь. Потому что даже не представлял, что можно найти настолько своего человека. В котором все не так, но именно это и нужно.

— Егор, я в самом деле рада за тебя.

— Спасибо! Слушай, у тебя точно ничего не случилось? Как родители? Денис школу-то хотя бы закончил?

После этого разговора душа будто на место встала. Или я была просто по-настоящему счастлива за парня, с которым так ненадолго соединила жизнь. Я была просто «не его человеком», а он никогда не был моим, вот так все просто.

Я знала куда иду и зачем. Знала, на что рассчитываю. И знала, что легко не будет. Входя в ресторан, отыскала глазами знакомый столик — он сидел там, один, спиной ко входу. Обрадовалась, что не ошиблась в предположении — в воскресенье он чаще всего обедает именно в этом месте. Но мне нужно поговорить в неформальной обстановке. Завтра выходить на работу или писать заявление на увольнение. Чтобы определиться окончательно, лучше встретиться там, где нет свидетелей.

— Здравствуйте, Максим Александрович.

Он посмотрел на меня — на лице ни капли удивления. Или удачно скрыл.

— День добрый. Голодная?

— Нет.

— Все равно садись. Ведь не зря меня разыскивала.

Я никак не могла определить, в каком он настроении — не рад, не зол, не раздражен и не насторожен. И красив, как рекламный плакат. На таких только издалека и смотреть.

— Да, я вас искала. И если бы вас тут не застала, то позвонила бы.

— Чем обязан?

— Я хочу вернуться на работу.

— И? Разве я тебе запрещал?

Разговор шел труднее, чем я предполагала.

— Не запрещали. Но и не зазывали обратно. У меня куча сомнений, задам хоть какие-то вопросы, может, так будет легче понять... Вам вообще нужен такой сотрудник, как я? Вам не будет мешать мое присутствие теперь?

— Сомневаешься, что я бы промолчал, если бы у меня были претензии к твоей работе? Возвращайся, Лена, если тебе непременно нужно, чтобы я «зазывал». Ты не бесценный работник, тебе еще учиться и учиться. И на твое место я найду другого в течение пяти минут. Но если ты сама захочешь, то лет через десять будешь одним из лучших специалистов в этой отрасли. Это я знаю точно. Но не мне решать, хочешь ли ты им стать.

Вопросов на самом деле было намного больше, но они куда-то исчезли, растворились в еще больших сомнениях, но теперь от работы почему-то далеких. Чтобы не выглядеть глупо,

ответила максимально просто:

— Тогда я вернусь.

Он наконец-то улыбнулся, но едва заметно.

— А теперь я что должен сделать? Изобразить бурный восторг?

Я только усмехнулась и покачала головой:

— Можете не изображать. Ладно, я пойду.

— Да ладно уж, сиди. Тут очень хорошие десерты готовят. Или ты перестала любить сладкое?

Пирожное оказалось чуть лучше, чем сексуальная фантазия о красавце-актере. По крайней мере, пленило быстрее и заметнее. Да и Максим Александрович моим обществом не тяготился, подробно отвечал на вопросы — что за это время в фирме происходило. И улыбался — все шире, все искреннее. Ему точно нравилось мое присутствие. Он ничего не предлагал, не намекал, не флиртовал... он просто не мог скрыть, как ему нравится смотреть на меня, поглощающую пирожное.

И именно эта мысль меня огрела. Как будто до сих пор было не очевидно. Эта связь — она двусторонняя, не только я испытываю чувства. Он тоже ко мне привязан — так же сильно или нет, но сам факт налицо. Ему тоже очень важно, чтобы я мелькала где-то по краю его жизни. Не вдумываясь особенно в это желание, не позволяя эмоциям руководить... он тоже испытывает такую же смутную потребность. И нам очень сложно будет работать в одном офисе. Придется общаться через преодоление, через игнорирование ненужного...

Его взгляд становился тяжелее, пристальнее. Мой — беспокойнее.

— Максим Александрович, вы сейчас так смотрите...

— Я смотрю на тебя точно так, как всегда раньше. Не преувеличивай.

— Как раньше?

— Из-за чего ты так разволновалась? Разве я сейчас тебя пугаю?

— Именно это и неправильно! Вы ведь должны пугать!

Напряжение повисло над столом и становилось только ощутимее. Когда мы успели повернуть разговор от офисных мелочей до этого трескучего напряжения?

— Должен. Потому что я не изменился.

— Здесь и правда отлично готовят... — я отвела взгляд в сторону.

— Хочешь еще чего-нибудь?

— Я... я...

— Выбери что-нибудь, я угощаю. Кстати, как дела с родней?

— Спасибо. Терпимо.

— Представляю, как ты радовалась, когда убедились, что не беременна.

Дыхание сбивалось вместе с резкими сменами тем. Я просто подстроиться не успевала.

— Давайте лучше не будем об этом вспоминать?

— Давай не будем. Зачем ты сейчас так волнуешься? Ты сейчас своим видом меня с последней мысли сбиваешь. Так что. вернешься на работу? Татьяна в декрет собирается, я уже говорил?

— Да... нет... в смысле, за Татьяну я очень рада... Я вернусь, наверное.

— Через месяц всех на курсы хочу отправить... Я уже говорил про курсы?

Мне надо встать и просто уйти. Я ко всему была готова! Но сейчас он был таким, каким никогда раньше не был. Одна капля до растерянности, на грани того. Однако я знала, что растерянным его так и не увижу. Напряжение сжимало уже невыносимо.

— Максим Александрович...

— Лен, поехали прямо сейчас ко мне?

— Нет! — получилось слишком эмоционально.

— Теперь это не будет круглосуточным договором, а только когда сами захотим.

Например, прямо сейчас. Решайся.

— Абсурд какой-то!

— Почему? Потому что тебя от одной этой мысли заводит? Я ведь вижу. И тебя, и себя сейчас вижу...

— Потому что это неправильно!

— Лен, а может, тебе нужно как раз неправильно?

— Нет! — я встала. — Вы не знаете, что мне нужно!

— Голос не повышай. Я знаю только то, что ты запуталась. Возможно, ты думала о том, чтобы найти другого мужчину, но эта мысль так и не задержалась в твоей голове. Я прав?

— Нет!

И я ушла быстро, как будто он собирался меня догонять.

Сумасшедшая. Я просто спятившая от гормонов дура! Сейчас я и себе, и ему показала, насколько мне не все равно. Заодно и узнала, что ему тоже.

Первый рабочий день оказался сплошным стрессом. Девчонки, кажется, были искренне рады моему возвращению. Я бы поболтала с ними, даже могла бы придумать какие-то семейные проблемы, которые можно озвучить и тем успокоить последних сплетниц. Но надо идти к нему. Ноги дрожали. И рука дрожала, когда я открывала дверь.

— Можно, Максим Александрович?

— Да, — он только голову поднял, но позы не изменил. — Рад, что пришла. Вчера я слишком давил. Считай, что я просто был не готов к твоему появлению. Я не умею извиняться, скажу только одно — не увольняйся только потому, что вчера я слишком давил.

— Х... хорошо. Я, честно говоря, с этим сюда и шла. По крайней мере хочу попытаться тут работать.

— Сбежать всегда успеешь? — он улыбнулся.

— Именно так.

— У Екатерины возьми шаблоны. До конца дня на моем столе должен быть распечатанный рекламный буклет. Двенадцать страниц.

— До конца дня?!

— Я не понял, ты сюда отдыхать явилась?

Вот так все и началось. То есть все как раньше, никаких изменений. Единственное, что сильно отличалось — атмосфера. Когда мы пересекались взглядами, атмосфера тут же начинала давить, даже стены будто сдвигались. Когда он просто проходил мимо, не бросив взгляда — атмосфера растаптывала, а стены сжимались и выдавливали из помещения воздух. Непросто. Но я справлялась.

Но проще не стало и через неделю. Дома, когда я пыталась ласкать себя, никакие актеры в голову уже не шли — только его лицо, только его голос, его холодные распоряжения. Я тут же останавливалась и пыталась отвлечься. С каждым разом отвлекаться становилось сложнее. Я могла погрузиться в работу только в офисе, но там и присутствовал самый раздражающий фактор.

— Елена, вчерашний макет можно выбросить. Там столько косяков, что проще заново сделать.

— Я переделаю, Максим Александрович. А какие ошибки?

— В мой кабинет, объясню.

Ничего необычного — это рабочий процесс. Занырнула следом в кабинет, подошла и уставилась в монитор. Это просто рабочий процесс! Только его дыхание совсем рядом мешает сосредоточиться.

— Вот тут с цветами лажа — посмотри сама.

— О... я просто забыла исправить на этой странице!

— Здесь надо крупнее. Заказчик будет рассматривать с лупой? А клиенты?

Я наклонилась, чтобы проследить за его пальцем. Совсем близко. Невыносимо близко. Я тут же выпрямилась.

— Прямо сейчас переделаю, Максим Александрович.

Но он уловил мою нервозность.

— Все в порядке, Лен?

— Да... конечно.

— На меня смотри. Повторяю — все в порядке?

— Максим Александрович, можно я уже пойду?

Но он поднялся на ноги и двинулся за мной. Я замерла в центре кабинета, сжимаясь от его приближения. Голос спокойный, но с привычной стальной ноткой:

— Что тебе нужно, чтобы определиться? Моральная зацепка? Чтобы я тебя принудил, заставил — так тебе будет проще?

Я старалась дышать глубоко, но постоянно сбивалась с ритма. Зачем он подходит вплотную? Зачем берет меня за плечи? Зачем вынуждает смотреть в глаза? Он наклонился — от знакомого прищуря сердце вообще биться перестало.

— От чего тебя так трясет? Давай, соври, что от страха.

— Не от страха... господин.

Легче было бы разреветься и спрятаться подальше от всех волнений. Но на этот раз я решила выбрать не то, что легче. Максим Александрович понял, или это отчетливо прозвучало в том, как я его назвала.

— Сейчас ты пойдешь и заперешь дверь на ключ. Ясно? И если сделаешь это недостаточно быстро — накажу.

Теперь сердце заколотилась так, будто с поводка сорвалось, загремело в ушах и не хотело утихомириваться. Я знала, я все прекрасно понимала — почему послушно иду к двери и поворачиваю ключ. Почему мне даже мысли не пришло послушаться. Потому что я там, где сейчас должна быть.

Повернулась к нему, щеки уже пылали. А еще даже ничего не началось.

— Сюда подойди.

Я подчинилась.

— Ты пьешь таблетки?

— Да, господин.

— Когда был последний половой контакт?

— С... с вами, господин.

— Чего ты сейчас хочешь? Попроси меня.

Я растерялась окончательно. Легче исполнять, чем попросить прямо! Но выдавила:

— Возьмите меня... господин.

— Сейчас ты сама разденешься, встанешь на четвереньки, потом я трахну тебя. Но кончу тебе в рот. Затем поблагодаришь. Самой кончать нельзя, ты должна терпеть. Если не сможешь — скажешь заранее, тогда я остановлюсь. Сейчас ты должна остаться без оргазма. Все ясно?

— Как прикажете, господин.

— Мне долго ждать?

Я раздевалась и при этом задыхалась от волнения. От одного его тона внутри пульсировало все сильнее. Приняв позу, которую он приказал, ощутила привычное смущение — но только пусть он возьмет так, как ему хочется.

Он ввел член. Я застонала уже от этого, нетерпеливо ожидая продолжения, но сам Максим хотел меня помучить. Он наклонился немного:

— Когда определишься, приходи ко мне. Обсудим правила и договор. А если не придешь, то я все равно буду иметь тебя всегда, когда захочу. Как и где захочу. Без правил. Потому что ты моя нижняя. Все поняла?

— Да... господин.

От первого толчка выгнулась. Но он положил мне ладонь на спину и немного надавил, заставляя согнуть руки в локтях. И начал вбиваться с силой, не позволяя привыкнуть к ритму. Я же только стонала, старалась себя сдерживать, открывала рот бесшумно, но короткие вскрики все равно вырывались наружу. Темп был рваным, потому и возбуждение захлестывало косыми волнами. И тем не менее я все равно подходила к пику, могла сорваться в любой момент.

— Господин...

— Уже? Моя девочка так изголодалась? Ничего, потерпишь еще.

Он тут же вышел из меня, заставляя застонать теперь от отчаянья. Взял за волосы и заставил развернуться к себе. Другой рукой проходил по члену, головка блестела от смазки. Кулак на затылке стягивал волосы так, что я даже пошевелиться не могла.

— Рот шире. Глаза не закрывай.

И спустил сперму на язык. Противна ли сперма на вкус? Не знаю точно, но я наслаждаюсь, принимая ее от господина. И только после этого он разжал кулак. Но без разрешения я боялась подняться на ноги.

— Я доволен тобой. Одевайся и можешь быть свободна. Макет не забудь. И давай живее, работы вал.

Довольно жестко, если не жестоко. Но сейчас он мне снова показывал: «Я такой. Если я нравлюсь тебе даже таким, то версия лайт тебя уж точно устроит». Это как раз тот порог — он поставил его повыше, чтобы я перешагнула с полным осознанием. И он делал беспроигрышную ставку: даже сейчас я видела только лайт-версию Максима Александровича.

И вдруг стало просто. Принять решение и расслабиться. И больше не терзаться сомнениями — я жила с ними все последние недели, и это уж точно морально не легче. У нас будут правила, в которых я смогу обозначить и степень боли, и степень унижения. Упомяну про верность — для меня это важно. Я не стану переезжать к нему. По крайней мере пока. Потом, если все будет прекрасно, подумаю над этим. Пощечин не будет. Хотя... если несильные и когда я отказываюсь подчиняться, чтобы подогнуть... Почему-то сейчас, в фантазиях, это выглядело даже возбуждающе. Но я точно оставлю за собой право уйти, когда мне захочется. И даже не в том случае, если он начнет нарушать правила — вряд ли он их изначально примет, если собирается нарушать, не такой человек. Я уйду, когда перестану испытывать наслаждение от подчинения. Сомневаюсь, что это случится скоро.

Он открыл дверь — одет в домашнее.

— Семь часов, — сказал вместо приветствия. При этом улыбаясь отступил, пропуская меня внутрь. — Поговорим за столом?

Точно, ужин. Я не подгадывала специально, видимо, какой-то рефлекс сработал. Хотелось потянуться к нему и поцеловать. Ничто не заводит меня так, как его поцелуи. Но я знала — нельзя. Он поцелует сам — и только когда сам захочет. Весь смысл именно в этом. И он знает, какая награда для меня — самая приятная, потому и не дает слишком много.

— Договор пишется на бумаге или оговаривается устно? — я неуверенно улыбнулась в ответ.

— Иди уже за стол и расслабься. Тебя твоя тряска саму с ума не сводит?

Я нервно пожала плечами и направилась в столовую. Остановилась, услышав в спину:

— Все-таки не зря я ошейник купил. Кое-как нашел подходящий. Ставил на то, что ты придешь через две недели. Самому себе проспорил, но рад. Хочешь посмотреть? Он будто

создан для тебя, мягкая кожа, замочек...

— Что?! — я вскрикнула и одновременно обернулась.

— Ого. Какие круглые глазки. Забудь. Я пошутил.

Ничего он не шутил — по глазам и едва сдерживаемому смеху видно! Но заставил вспомнить о другом, очень важном, но невеселом:

— Я... Мне все-таки придется уволиться. Вы были правы, когда говорили, что я не умею ставить границы. Вам это просто... наверное, но я не могу смотреть на вас в офисе и отвлекаться от мыслей... Надеюсь, вы меня понимаете.

— Конечно, понимаю, — он сел на свое место. Махнул рукой мне, чтобы и я заняла свое. — Если не можешь справиться с собой, то это на самом деле сложно. Или со временем научишься разграничивать, или привыкнешь к тому, что тебе и без границы уютно. Но я соглашусь с любым твоим решением по работе. Вот только...

Пауза. Я не выдержала:

— Что только?

Он улыбался — ничего хорошего от такой улыбки ждать не приходилось:

— Вот только по закону после заявления ты обязана отработать.

— Отработать?

— Ага. Две недели. Не находишь это ироничным? — он начал смеяться. Двусмысленность была на самом деле потрясающей. — Кто я такой, чтобы идти против закона?

— Да вы можете отпустить меня сразу после заявления! — я тоже не выдержала и рассмеялась.

— Мог бы. Если бы захотел. А я хочу дать тебе две недели, чтобы ты привыкла работать со мной — ты и не к такому привыкала. Давай уже есть, нам многое надо обсудить. А у меня еще планы на сегодня — надо же сразу поэкспериментировать, как нам обоим понравятся новые условия.

Люблю Куприна. Он умеет вызывать к своим женщинам нежность. Нежность — не мое чувство, но гениальный писатель способен схватить за шкуру так, что не вырвешься, и заставить почувствовать даже то, что тебе чуждо. Лена не любит Куприна, называет его пафосным и при этом смешно морщится. Очень хорошо, что она не может видеть себя со стороны: надо быть очень сдержанным человеком, чтобы перенести это зрелище — когда она морщится.

Я опускаю руку вниз, довольно грубо беру за волосы и вынуждаю откинуть голову. Возбуждение уже зашкаливает — не только у нее. Нижний не всегда понимает, сколько самоконтроля требуется от верхнего. Да ему и не обязательно знать всё. Лена отстраняется, выпуская член изо рта и смотрит в ожидании нового приказа. Глаза — как два болота, в которые сколько страсти не погружай, все найдет свой отголосок. Она одним взглядом снизу могла бы доводить любого мужчину до нервного срыва. Куприн бы совсем свихнулся. Но нежность — это не мое чувство. И пафос Лена не любит. Зато я могу соображать четче, когда ее язык подальше от разгоряченной головки.

— Встань. Упрись руками в подлокотник, раздвинь ноги и жди.

Она повинуеться сразу. Лена умеет ждать, но не любит. Она источает тоску. Я люблю, когда она ждет. В животе сжимается от каждого ее судорожного вдоха. Если заставить ждать ее слишком долго, то потом достаточно притронуться рукой — и она теряется в ощущениях. Особенно заметно, когда ее глаза завязаны, тогда к тоске подключается паника. Но я не спешу этим злоупотреблять. Некоторые подарки надо использовать редко, чтобы они продолжали работать. Моя лучшая награда — это ее абсолютная реакция на мое прикосновение. Будто сама она без этого прикосновения не протянула бы и секунды.

Она голая, и до сих пор этого немного смущается. Ей нравится, когда я тоже раздет. Но она все еще не привыкла к моему телу — я не дал ей такой возможности. Сегодня я тоже одет. Это подчеркивает ее уязвимость. Ей нравится быть уязвимой. Мне нравится, когда она уязвима. Худые бедра, белая кожа. Она знает, что я стою и разглядываю ее — она научилась наслаждаться уже только моим взглядом. Странно, что она так долго этот же самый взгляд не замечала. А может, и осознанно игнорировала. Когда она только пришла на собеседование, я посмотрел на нее именно таким же взглядом. С тех пор изменилось многое, но мои глаза видят по-прежнему то же самое. Хотя и в другой позе. Усмехнулся тихо. Эта поза мне, определенно, больше по душе.

На ее шее тонкий черный чокер. Лена не любит ошейники. Я люблю ошейники. На сессиях я всегда использую тяжелый, кожаный, который оставляет небольшой розовый след на шее — еще несколько минут напоминания о себе после того, как игра закончена. Мне бы понравилось, если бы она вообще его не снимала. Но Лена стесняется показывать свою принадлежность мне так открыто. Однако чокер этот не снимает — думает, это не такое очевидное признание. Не понимает, что выдает себя далеко не этой вещицей, а совсем другим. Она тянется ко мне так откровенно, что только слепой бы не заметил. Внимательный бы сразу понял, что эта тяга далеко за рамками обычной страсти. Она — суть подчинения. И Лена знает, почему никогда не снимает чокер. Я это знаю.

Думаю, что роли определились с самого начала. К тому и пришли. Могли пойти другим путем, но все равно неизбежно оказались бы в этой же точке. Я не верю в любовь с первого

взгляда. Я вообще терпеть не могу громких слов. Думаю, она от меня тоже сладких признаний не ждет. Ей же лучше, потому что их не будет. Даже если бы я захотел, то что сказал бы? «Ты вызываешь во мне мучительную нежность, но она совсем не такая, как у Куприна. Я хочу, чтобы твой мир закрылся на одном мне». Но это прозвучало бы слишком эгоистично, слишком по-собственнически. Я и есть эгоист и собственник, поэтому знаю, что некоторые вещи нельзя произносить вслух.

— Ноги шире. Прогнись в пояснице, — шлепнул по ягодице, подгоняя. — Шире!

Я не люблю крик. Лена любит крик. Она в этом даже самой себе не признается, но именно на повышение голоса реагирует острее, чем на физическое принуждение. Сейчас я меняю тон только затем, чтобы она изнывала. Но она не попросит, не потребует — знает, что мною манипулировать нельзя. И еще она знает, что после такой истомы оргазм будет ярче.

Сжимаю член у основания — ему не нужна дополнительная стимуляция. Достаточно одного вида перед глазами, чтобы возбудиться. Медленно подхожу и ввожу во влагалище только головку. Сейчас она застонет. Возможно, даже начнет подаваться на меня. Несдержанная. На этом этапе уже всегда несдержанная.

— Я разрешал менять позу?

— Простите... господин.

Обхватываю ладонями бедра, сжимаю сильно и резко ввожу член до конца, замираю. Она шумно дышит. Но у меня самого ощущения концентрируются в одной точке. Если продолжу тянуть, то начну мучить уже самого себя, а это не предел моих желаний. Поэтому увеличиваю темп, пока не начинаю вбиваться со всей силы, ее вскрики перемешиваются со стонами. Чувствую, как внизу подтягиваются мышцы, сжимаются судорожно — я на пределе. Или это она сжимается перед своим пределом? В таком ритме, в такой бесконечной близости разобрать невозможно.

— Господин... можно?

— Да, девочка, можешь кончить. Но позу не менять.

Мое дыхание сбивается. Она этого не заметит, как никогда не замечает. Когда она кончает, то буквально на пару секунд вообще теряется в пространстве — ее надо поддержать. Но быстро собирается и на последних волнах себя немного контролирует. Но в этот момент уже мой контроль заканчивается. Внутри нее сжимается, пульсирует, мне становится тесно и жарко — жарче, чем до сих пор. Это ощущение можно испытывать вечно — и сойти с ума от переизбытка. Чем более бурный у нее оргазм, тем мощнее она толкает меня к моему. Это тот самый миг моего ей подчинения, полной капитуляции. Хорошо, что и этого она никогда не заметит.

Кончаю и на первом же спазме резко выхожу. Остатки попадают на бедро. Не понимаю, почему этот эффект не пропадает, но она до сих пор реагирует на сперму на своем теле. Лену это смущает. Кажется, что ей неприятно. Именно поэтому я и не позволяю сразу бежать душ. Мне нравится ее смущение. Завтра кончу ей на лицо — она от этого вообще с ума сходит. И тем сводит с ума меня. Я не воспринимаю подобное, как унижение. Но достаточно того, что воспринимает она. И ей всегда нужно немного унижения. А я... у меня к ней мучительная нежность. Мне хочется давать то, что ей нужно.

— Теперь иди в свою комнату. Ты свободна.

— Спасибо, господин.

Мы спим в разных постелях. Не знаю, хотела бы она другого, но это очень важный

момент для меня. Тем более, если она осознанно мечтает о подобном. В мою задачу входит не допустить, чтобы она когда-нибудь насытилась полностью, получила все. Всегда держаться на грани, но никогда через нее не переступать — лучший способ не приесться друг другу. Эмоциональная граница — часть сексуальной игры. Сексуальная игра — не вся жизнь. Но насколько же жизнь становится с ней ярче.

При свете дня правила кардинально меняются. И это не решение Лены — она по первому нашему договору вообще про разграничения по времени не думала. Но именно так и надо: она пока не понимает, что если не будет немного отдыхать, то измотается быстрее, чем предполагает. Я не хочу, чтобы она измоталась. Я хочу каждую ее эмоцию по максимуму.

Она болтает за завтраком. И, кажется, сама за собой не замечает, как любит поговорить: — Вчера мама опять выносила мозг. Макс, у меня такое ощущение, что они злятся на Дениса, а отрываются на мне! На этот раз старая тема...

— Когда распишемся?

— Ага. Талдычит одно и то же: живете вместе уже полтора года, типа достаточно — или расписывайтесь, или расходитесь. А то жизнь, мол, тратится на отношения без будущего! Как будто люди не разводятся после грандиозных торжеств.

— Давай устроим свадьбу. Не вижу в этом проблемы.

— Вот ты опять смеяться будешь! — Лена говорит звонко, даже громко. Однако я осекаю, только когда уже слушать невыносимо. У нее еще полтона в запасе. — Но я тебе все-таки скажу — я не уверена, что сама хочу свадьбу! Ощущение такое, что мне подумать даже не дают — все дают, дают своими стереотипами... Оставили бы в покое, может, я и сама бы сразу захотела! Ты думаешь, что они такие тихие? Ага! Они при тебе только тихие, а потом по телефону начинается...

Она всегда перегибает, когда говорит о семье. Они самые обычные люди, с присущими обычным людям недостатками. Да, дают. Но покажите мне хоть одну семью, где вообще нет давления. Где никто никогда не ошибается. Где нет психологически неправильных ролей. Лена перегибает, потому что не понимает: не только их роли неправильные, но и ее. Она сама приучила их играть в эту игру, в то время пока Денис приучил играть в другую. К счастью, ситуация меняется на глазах, она уже давно не тот старший ребенок, который всем должен. Но Лена всегда будет перегибать, когда говорит о семье, эта привычка прочнее некоторых ролей. И брат ее — вполне обычный пацан, хоть для пацана уже считается переростком. Дерзкий, смелый, довольно сообразительный. Единственная его беда

— это бесконечная любовь родных. Его достаточно вышвырнуть из дома — и все, дело сделано: через месяц они получили бы совсем другого человека. Но кто я такой, чтобы лезть в дела чужой семьи? Мне достаточно своей.

Настроение веселое, в пору немного вывести Лену из себя:

— Тогда скажешь, когда определишься. Я тоже не верю в штампы. Но мне бы понравилось, если бы к тебе прилипла еще и моя фамилия. Это как знак качества и тавро на лбу: смотрите, она моя, и ошейник на ней торчит не просто так. Ой, прости, это же не ошейник, а обычное украшение. Постоянно путаю.

Мне смешно. Мне в самом деле смешно — потому что она до сих пор не разучилась возмущаться:

— Шутить изволите, господин! — на этот раз прозвучало без должного уважения. Вечером я этот тон ей припомню. — Тавро на лбу? Послушали бы мои родители, как ты

интерпретируешь понятие законного брака! Ладно, я о другом хотела. Ты серьезно по поводу отдела? Вот все будут говорить, что такое повышение не просто так!

— Когда ты уже научишься плевать на мнения окружающих, Лен? Я ставлю тебя на заведование не потому что ты лучше всех в офисе отсасываешь. Никита — он не справится с управлением. И он работает прекрасно только без внешнего давления, такой человек. Его в теплице держать надо и поливать трижды в неделю. Остальные кандидатуры я даже не рассматриваю, ты сама это знаешь. У тебя глаз наметан так же, но ты общаться с людьми сможешь, в отличие от Никиты. Кни.го.люб.нет

— Или Никита все-таки отсасывает хуже? — она улыбается игриво — продолжит так себя вести, опять опоздаем.

— Или поэтому, — улыбаюсь в ответ.

Она смиряется. Этот разговор у нас протекает по примерно одинаковому руслу уже не впервые. Лена и сама чувствует, что справится, а эти тревоги — обычное дело для любого человека перед существенными изменениями. Когда я открывал свое дело, то меня трясло даже посильнее. Но Лене это тоже знать необязательно. Она склонна нервничать по пустякам, и именно в этом ее надо сильно органичивать, а иначе погрузится в самоанализ и будет копать до бесконечности. Да и решение она уже приняла, ей просто необходимо озвучить его отголоски:

— Тогда все будут сплетничать. Они только при тебе не сплетничают!

— Мне в вашем отделе круглосуточно сидеть? Почетную ауру тебе создавать?

— Не надо! — строго отвечает она. Надеюсь, строгость сейчас направлена на себя саму. Но она тут же забывает об этих переживаниях, вспомнив о другом вопросе:

— А! Ты не забыл, что сегодня вечером Игорь с Наташей на ужин придут? Купи что-нибудь, а я с офиса сразу домой. Вот ведь она у него ревнивая! Так иногда заорет

— уши закладывает! Ты ничего крепкого не бери, она с коньяка в прошлый раз на маты перешла! Как Игорь ее выносит? В общем, здоровские у них отношения. Я тоже так хочу!

На самом деле Наташа ей очень нравится, хотя они разные. Это тот самый случай, когда противоположности притянулись. Довольно частый случай, надо заметить. Удивительно ли, что первая близкая подруга у Лены появилась после того, как она научилась сопротивляться окружающим и намного легче высказывает свое мнение? По-моему, это как раз и есть нормальная дружба, основанная на равенстве положений. Между мной и Леной дружбы нет, со мной она не хочет равенства. Что ж, я рад.

Про себя смеюсь, но внешне не выдаю и тени улыбки.

— Давай, попробуй. Вообще ни в чем себе не отказывай.

Не знаю, что она читает в моем взгляде, но сжимается и бормочет:

— Пошутила я. Пошутила же. Да я даже орать, как Наташа, не умею.

Мучительная нежность. В воскресенье устрою по-настоящему жесткую сессию, мне надо выплеснуть эту мучительную нежность в полном объеме. Ей понравится. Странно, почему она находит Куприна пафосным?

Больше книг на сайте - Knigolub.net